ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 41 ОКТЯБРЬ 1989

МЕЛОДИЯ ЖИВОПИСИ

РАССКАЗЫ АНДРЕЯ СОБОЛЯ

ЛЕКАРСТВО ОТ ВЫНУЖДЕННОГО БЕЗДЕЛЬЯ

ВСТРЕЧА С АЛЕКСЕЕМ ГЕРМАНОМ

СТАЛИН С НИМИ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 41 (3246)

7—14 ОКТЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: *Фото Владимира СУМОВСКОГО. (См.в номере материал «Мы сталинисты».)*

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 18.09.89. Подписано к печати 03.10.89. А 10603. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 300 000 экз. Заказ № 1212. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

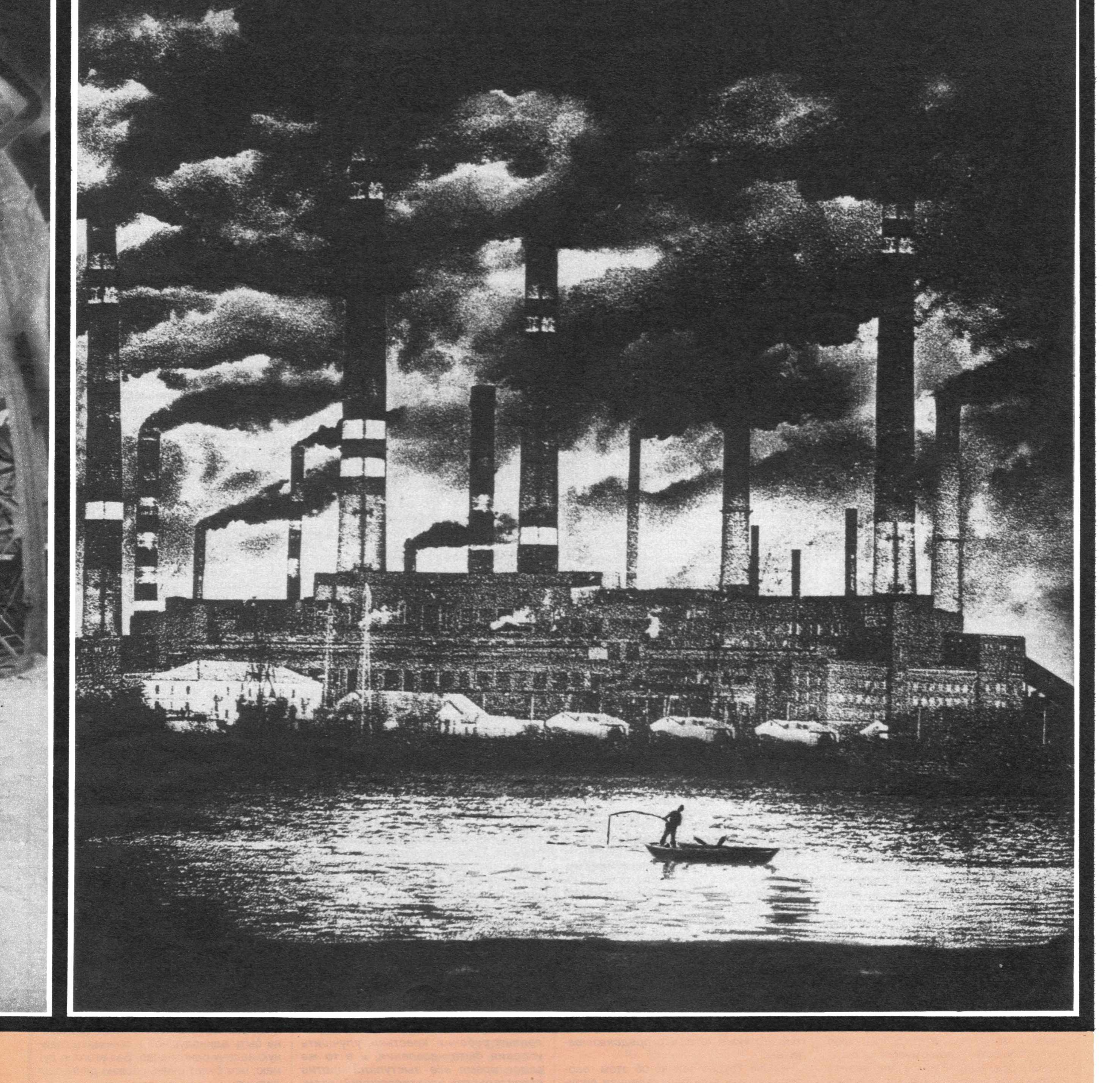
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото Владимира ЛОГАЧЕВА и Александра НАЗАРОВА

НЕ ДЕЛИТЬ,

Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственной комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе академик Леонид Иванович АБАЛКИН беседует со специальным корреспондентом «Огонька» Леонидом ПЛЕШАКОВЫМ.

— Не знаю, согласитесь вы со мной или нет, Леонид Иванович, но создание Государственной комиссии по экономической реформе вызвало, судя по всему, далеко не однозначную реакцию. Четыре с половиной года все мы видим, как все более ухудшается экономическое положение страны, снижается уровень жизни населения. Чуть не каждый месяц к перечню дефицитных товаров прибавляются новые. Мясо — по талонам, сахар — по талонам, мыло — по талонам. То соль исчезнет, то сти-

А ЗАРАБАТЫВАТЬ

ральный порошок. Теперь вот по Москве вытянулись очереди у табачных киосков: пропали сигареты. Обнаружился огромный дефицит в государственном бюджете. Растут вклады в сберегательных банках: деньги не на что тратить. Все это, естественно, сказывается на настроении народа. И подспудно появляется мысль: неужели и на этот раз очередная экономическая реформа закончится крахом? И не является ли создание комиссии по реформе лишь уловкой, желанием прикрыть именем ученых очередную неудачу?

Нашу беседу, Леонид Иванович, мне хотелось бы начать как раз с разговора о предыдущих наших попытках экономических преобразований, с анализа причин их провала. Сейчас стало модным во всем винить бюрократов, аппарат, который вроде бы выхолостил все разумное содержание, которое было в реформах и Хрущева, и Косыгина, а потом и вовсе свернул их, поскольку эти реформы лишали бюрократию власти. Честно говоря, подобное объяснение мне не кажется достаточно убедительным. Во-первых, что это за экономическая реформа, которую так легко задушить? Во-вторых, где это набрали восемнадцать миллионов глупцов — эта мифическая цифра о количестве наших бюрократов постоянно гуляет по страницам печати, которые так лихо подрубили сук, на котором сами же сидели. Ведь вместе со своими семьями и родственниками они составляют по крайней мере третью часть всего нашего населения, а то и половину. Ухудшая общее положение страны, они неминуемо ухудшали бы и собственное благосостояние.

Мне кажется все проще: задуманные из самых благих побуждений, экономические реформы вскоре после начала их реализации столкнулись с трудностями, и вот эти трудности заставили вернуться на исходные позиции. При всеобщем, кстати, подспудном одобрении и вздохе облегчения. Благо что возможность для этого имелась. Как, впрочем,

имелись и факты для компрометации предпринятого реформаторства. Например, при Хрущеве начались перебои с хлебом, резко прыгнули государственные цены на мясо и молочные продукты. Были и забастовки, и даже их подавление, как в Новочеркасске... Многих волнует вопрос: не повторится ли и сейчас тот печальный опыт? Не устанем ли мы от всех нынешних неурядиц и не повернем ли снова вспять, отказавшись от реформы? Что же можно использовать для ее защиты из нашего прошлого?

— То, что я хочу сказать, в чем-то будет близко к вашим наблюдениям. Если касаться не частностей, а фундаментальных причин прежних наших неудач, то, на мой взгляд, они очень логичны.

Первая из этих причин связана с тем, что мы пытались радикально изменить положение дел в экономике и условия жизни населения, затрагивая лишь верхушечные элементы хозяйственного механизма. Заменяли одни показатели на другие: вместо валовой продукции начинали вести счет по реализованной. Одни формы экономического стимулирования уступали место другим. И только! Вывод из этого урока совершенно ясен: нельзя радикально изменить экономическую систему, затрагивая чисто внешний, поверхностный ее слой. Чтобы достигнуть желаемого результата, нужно углубиться до ее фундаментальных основ: перестроить отношения собственности. Если основы не затрагиваются — реформа остается обратимой. И лишь тогда, когда она затронет глубинные корни, только тогда (и то не сразу, а в конечном итоге) она станет необратимой.

Всевозможные изменения производственных показателей, замена министерств совнархозами и наоборот в принципе ничего не могут существенно улучшить, пока сохраняется система всеобщего огосударствления собственности. Пока сохраняется отчуждение работника от собственности и от управления производством, пока он не обретет права быть полновластным хозяином страны и производства. Без изменения отношений собственности все наши усилия останутся не более чем подновлением фасада, перекраской стен, а не перестройкой коренных структур.

Отсюда и наша логика, которая привела к нынешней реформе и определила особенности этого этапа в жизни страны, который мы сейчас переживаем: обновлением надо охватить всю систему отношений, включая и отношения собственности.

Это первое, что мы поняли, проанализировав уроки прошлого.

Второе, что мы, наконец, осознали, состоит в том, что нельзя рассматривать экономическую реформу как автономный процесс, нельзя ее осуществлять изолированно от других сфер жизни общества: политической, социальной, духовной. Раньше мы верили в возможность улучшения дел в экономике, меняя только экономические отношения и не затрагивая всего остального: обновления политических структур, демократизации общественной жизни, ломки идеологических стереотипов. Теперь же, на основании опыта последних двух с половиной десятилетий, можно утверждать, что реформа 60-х годов была изначально обречена на поражение. Она не могла увенчаться успехом, так как была замыслена как изолированное, чисто экономическое явление: в экономике — перестройка, а все остальное — по-прежнему.

Этот урок привел к очевидному выводу, который мы реализуем сегодня: экономическая реформа даст результат только вкупе с преобразованиями в политической сфере жизни общества. И наоборот.

Конечно, все обстояло бы гораздо проще, если бы перестройку можно было вести по частям. Давайте, мол, ребята, сначала займемся экономикой. Проведем года за три-четыре реформу, а потом, когда у нас будет прочный базис, займемся политической системой, идеологией. Этого, однако, не дано. История исключает вариант последовательности. Перестройка может идти только параллельно. Только одновременно по всем направлениям. Когда-то я уже пытался использовать образ параллельно и последовательно включенных электролампочек. При последовательном включении лампочки горят вполнакала. А если цепь многозвенная, то они и вовсе еле-еле тлеют. При системе параллельного включения цепи они все горят ярко.

Но... параллельность и одновременность создают и свои сложности...

— Которые мы сейчас и переживаем?..

— Да, все мы, вся страна. Но другого варианта мы, к сожалению, не имеем. Даже революция у нас осуществлялась по-иному: сначала взяли власть, а уж потом стали заниматься экономикой. В последующие десятилетия. Хорошо ли, плохо мы это делали — другой вопрос, но факт, что в экономической сфере мы шли на первых порах очень сдержанно. И только гражданская война, интервенция побудили побыстрее все «огосударствить», чтобы одним махом перейти к коммунизму. Отсюда — все эти бестоварные подходы, уравнительное распределение, идеология и иллюзии военного коммунизма. А потом был нэп, и мы отнюдь не форсировали до поры до времени коллективизацию. Конечно, тогда было другое время. Тогда, вероятно, возможно было и так. Трудно переигрывать историю, но можно предположить, что при иных условиях многие процессы пошли бы по-другому.

Нынешняя же ситуация — в этом ее сложность и уникальность — требует проведения реформ сразу и в экономической, и в политической сферах. Если не видеть этого, а искать трудности только в кознях и некомпетентности аппарата — что, разумеется, тоже есть,— мы опять можем прийти к тупику. И отличие нынешней перестройки от прежних попыток реформы как раз и заключается в том, что на этот раз мы пытаемся сделать все с учетом уроков прошлого и в сочетании ее различных направлений.

— Вы сказали «пытаемся»... Плохо пока удается?

— Получается пока действительно плохо...

— Но почему? Или все от нашей российской нетерпеливости: быстрее, быстрее, быстрее? Все торопимся, спешим. Хотим сегодня достичь того, что возможно только завтра? А результат?.. На XIX партконференции ваше выступление было для многих холодным душем. Особенно то место, где вы обещали ухудшение экономического положения. Однако действительность оказалась гораздо хуже того, что предсказывали вы...

— Мне трудно сейчас об этом говорить, так как есть определенная деликатность ситуации: можно невольно изобразить себя неким оракулом, первооткрывателем очевидных истин и даже со злорадством сказать: «Вот если бы меня тогда послушали...»

Но я все-таки вынужден сказать, что попытка не услышать голос тревоги на XIX партконференции обернулась нам потерей почти года для осознания, куда мы катимся. Почти года, чтобы наконец начать принимать радикальные меры по оздоровлению экономики. Если бы этот голос тревоги и озабоченности был услышан и в должной мере оценен, то год назад, уже на партконференции и сразу вслед за ней стали бы разрабатываться необходимые меры, и мы могли бы не докатиться до нынешней ситуации.

Тут я хотел бы подчеркнуть — и это очень важно,— то было не мое личное мнение. Я уже говорил и могу повторить, что выборы на конференцию и сама конференция были событием, без которого не было бы ничего последующего — ни выборов на Съезд народных депутатов, ни самого Съезда. Началось все с нее. И я живой свидетель того, как шли выборы на конференцию, сколько пережил каждый из нас, ее делегатов.

На XIX Всесоюзную партконференцию я был избран от города Москвы. Но предварительно я прошел через партсобрание своего института, а позже — через партактив Севастопольского района столицы, где сосредоточен цвет гуманитарных институтов Москвы и почти весь набор экономических институтов Академии наук.

Я имел — они у меня хранятся до сих пор — письменные наказы ученых-коммунистов с оценкой ситуации в стране, с предложениями, которые могли помочь разрешать наши трудности. Так что те оценки состояния нашей экономики, которые дал я, не были только моими оценками. Они полностью совпадали с оценками и рекомендациями, которые были сделаны учеными нашего и других экономических институтов. И когда после партконференции я отчитывался перед коммунистами района, а позже на собрании отделения экономики Академии наук СССР, то ученые выразили солидарность с моим выступлением и даже отметили, что их представитель вел себя на всесоюзном партийном форуме вполне достойно.

Но поскольку ситуация в экономике страны тогда не была столь острой, как сегодня, то многими делегатами мое выступление было воспринято как излишнее критиканство. И мы потеряли год.

И все-таки главная причина наших сегодняшних трудностей не в этом. И даже не в том, что уже в процессе перестройки были допущены противоречивость и непоследовательность принимаемых мер. Главная беда — она была причиной неуспеха и предыдущих реформ — заключается в том, что понимание проблем нынешнего этапа не стало элементом общественного сознания. Не вошло в поры, если можно так выразиться, головного мозга каждого человека, каждого участника революционного процесса перестройки. Общественное сознание достаточно консервативно и нередко отвергает или, скажем мягче, без особого энтузиазма воспринимает всякие новшества. Я уверен, что и сегодня глубинные замыслы перестройки, которую начали партия и Центральный Комитет, не встречают полного понимания.

— Подтверждают это, на ваш взгляд, работа Съезда народных депутатов, первая сессия Верховного Совета СССР?

— К сожалению, подтверждают...

— Я внимательно смотрел телевизионные передачи и со Съезда, и с сессии Верховного Совета СССР, честно говоря, многому удивлялся. Депутаты дружно требовали повысить энерговооруженность промышленных рабочих, крестьян, улучшить условия быта населения, и в то же самое время все выступали против строительства электростанций: атомных, тепловых, гидравлических, низинных, высокогорных. Все хотели бы получать энергию в готовом виде из соседних регионов и республик, но ни в коем случае не за счет строительства новых электростанций на своей территории. Все поддерживали сокращение посевов хлопка и замены его искусственным волокном. Но никто не хотел, чтобы на «его» территории развивалась химическая промышленность... Какая-то форма очагового мышления: понимаю только фрагмент, но не всю картину.

— Лично меня удивило даже не столько это...

Весь Съезд, а потом и сессию Верховного Совета я просидел сначала в качестве депутата, а потом члена правительства, так что мог наблюдать, как говорится, воочию все нюансы происходящего, и, сознаюсь, меня потрясла масса вещей (в данном случае я ограничиваюсь чисто хозяйственным аспектом). С одной стороны, все выступавшие требуют самостоятельности, отмены диктата министерств и ведомств, снижения доли госзаказа. И одновременно в один голос настаивают на гарантированном материальном снабжении. После моего избрания заместителем Председателя Совета Министров я часто сидел рядом с Николаем Ивановичем Рыжковым и видел, в каком положении он оказался. К нему подходили десятки депутатов с письменными и устными просьбами обеспечить поставки, гарантировать материально-техническое снабжение и так далее и тому подобное. Хотя все должны бы ясно понять, что коль скоро вы отвоевали у правительства госзаказ, с помощью которого оно собирает ресурсы, то вы не имеете права требовать, чтобы оно вас снабжало. Ведь это связано напрямую.

Далее. Все требуют обуздать невероятный дефицит госбюджета. И одновременно каждый просит увеличить ассигнования на соответствующую отрасль или регион, который он представляет. Это хорошо было видно при сокращении военного бюджета. Все обрадовались, что его сократили, и тут же бросились его делить, позабыв о дефиците. Надо отдать долги аграрному сектору, надо поддержать деньгами здравоохранение и образование, надо повысить пенсии, ввести дополнительные коэффициенты для работающих в трудных районах. Но то, что все это дополнительная нагрузка на бюджет, не понимают. И не хотят понять. Никто не хочет замечать противоречий. Мы сформировали удивительную разновидность какого-то социалистического иждивенчества: с помощью нажима на правительство выколачивать из него снабжение, льготы, фонды. Будто оно глава патриархальной общины — сильный, добрый, мудрый батя: попроси — он одарит от щедрот своих...

— Вы не ждали этого?

— Честно говоря, чего-то подобного я ожидал... Но чтобы это явление приобрело такие формы и размеры...

В самом начале перестройки, когда у многих кружилась голова от упоения радужными перспективами, я предостерегал от эйфории. Тогда моим любимым выражением было: не стройте иллюзий, и у вас не будет разочарований. Когда человек поддается иллюзиям — разочарования неизбежны. Разница только в их степени и глубине. Это легко объяснимо и чисто психологически. Тем более это должно быть понятно экономистам и политикам. Оказалось, не всегда. Отсюда и некомплексность мер, непоследовательность решений, которые имели место.

Тут многое сошлось. Не последнюю роль сыграло и отсутствие единого понимания, отсутствие когорты единомышленников, думающих и действующих синхронно, а не вразнобой. Поймите, я за многообразие мнений, оттенков и так далее, но в чем-то команда должна быть единодушной и понимать главную задачу однозначно. Без этого, я думаю, нам будет очень сложно двигаться дальше...

— Ну хотя бы в этом плане, на ваш взгляд, есть какие-то положительные сдвиги?

— Пожалуй, да.

Когда меня утверждали на Верховном Совете, в тень ушло многое из того, что было сказано мною и другими выступавшими на заседаниях соответствующих комиссий, обсуждавших мою кандидатуру. На комиссиях шел более подробный и профессиональный разговор и, как мне показалось, более интересный.

— Чем именно?

— Своим высоким уровнем, глубиной понимания экономических проблем. Один из принципиальных подходов, которые я предлагал для решения предстоящих хозяйственных задач, я сформулировал так: надо перейти от прин-

Продолжение на стр. 25.

ЗА ЧТО НАС НЕ ЛЮБЯТ

■

Как будто бы специально вы хотите всюду посеять хаос, растерянность. Отбиваете веру в Сталина и его дела; молодежь вообще ни в бога, ни в черта... ни в кого не верит. Неужто действительно чем хуже — тем лучше? Мне кажется, беды наши сегодня из-за одного: после смерти Сталина стране катастрофически не повезло с руководством. Чего было ожидать от «шута горохового» — того же Хрущева...

«Огонек» много пишет о рыночных отношениях. Ну этого, думаю, навалом... пойдите на любой рынок. За прилавком — наглые, замаслившиеся мордовороты со специфическим южным загаром. И узаконенно грабят, грабят! Не им ли вы собираетесь давать власть?

Нет слов, рынки необходимы, но торговать на них должны наши, русские люди. Нет в них природной наглости и презрения ко всему российскому. Особенно рвачества, чем отличаются армяне и грузины.

Я уже много лет на пенсии. Часто гуляю. Стала замечать: все меньше и меньше добрых русских лиц попадается навстречу. Или татарин, или узбек... еврей... теперь еще вьетнамцы... В подъезде грязища — от бывших лимитчиков, обосновавшихся в столице. Если у нас так голодно и плохо, чего они все сюда рвутся? Рыба, как известно, гниет с головы, так вот прежде всего необходимо почистить Москву от всякой нечисти.

Л. ШАКРИНА
Москва

■

Прочитал материал бывшего сотрудника органов КГБ Я. Карповича «Стыдно молчать» (№ 29). У меня прежде всего возникли вопросы: какую цель преследовала редакция журнала, публикуя его на своих страницах? Зачем понадобилось смакование различных фактов деятельности органов в годы культа или застоя? Способствует ли это укреплению морально-политического настроя среди советских людей в это и без того не слишком спокойное время?

На мой взгляд, публикация направлена на подрыв авторитета органов КГБ.

Конечно, и в партии, и в армии, и в органах КГБ были и есть недостатки, и их можно и нужно критиковать. На то и гласность. Но, видимо, во всякой критике надо знать меру и всегда, публикуя критические материалы, ставить перед собой вопрос: а кому это выгодно? На пользу ли дела все это?

Разве правильно заявление Я. Карповича о том, что органы КГБ с середины 50-х и до 80-х годов (или до сего времени) занимались несвойственными им функциями? Кто дал ему право делать такие клеветнические заявления? Даже если он и видел недостатки в работе органов, то неужели их работникам можно обо всем и везде болтать? Гласность гласностью, но меру, видимо, надо знать.

С некоторыми критическими замечаниями, о которых пишет автор, видимо, можно согласиться. Но зачем же смакование фактов о манифестациях у посольства США и ФРГ, о еврейских «отказниках», о штатах и несвойственных функциях КГБ и т. д. и т. п.?

Статья явно направлена на подрыв авторитета органов, и оставлять ее без внимания нельзя. Здесь просматривается не совсем благовидная роль главного редактора журнала «Огонек».

На мой взгляд, следует, и незамедлительно, пока не распоясались подобные автору этой статьи, пока клевета органов КГБ не стала еще цепной реакцией в других средствах массовой информации, дать острую принципиальную партийную оценку этой публикации, ее автору и главному редактору журнала.

Причем, думается, сделать это следует открыто, в печати, чтобы все советские люди могли прочитать и сделать должные выводы.

В. ЖУКОВСКИЙ,
член КПСС с 1947 года,
ветеран войны и труда
Борисов Минской области

■

Вы печатаете воспоминания Н. С. Хрущева; я считаю, что все наши нынешние беды начались после ошибочного выступления этого, с позволения сказать, лидера.

«Огонек» давно перестал светить людям, больше чадит. Партийной организации журнала стоит понять, какая огромная ответственность лежит на ней в сегодняшнее тревожное время. Надо больше разоблачать расхитителей социалистической собственности, мафию... эмигрантов-перерожденцев — всех, кто мешает нашему движению вперед.

Прошу это письмо передать секретарю парторганизации «Огонька»...

З. ДЕМИНА,
член КПСС с 1939 г.
Владимир

■

Сахаров, Сахаров... Он стал депутатом-то лишь на митинговой, антикоммунистической пене.

Если Дон-Кихот воевал с ветряными мельницами, то вы — с мертвецами.

Я верю, что обманутый вами и всякого рода неформалами рабочий класс на следующих выборах вышвырнет этих интеллигентных болтунов типа Сахарова из рабоче-крестьянского парламента. Как, например, это сделали шахтеры в период забастовки, выгнав всех неформалов, которые пытались внедриться в их ряды.

Пятьдесят лет я выписывал «Огонек», когда он действительно был огоньком; вы его превратили в пепел. И пока вы там сидите — по недоразумению ли? — я от подписки отказываюсь. Буду все делать, что в моих силах, чтобы на ваш журнал и другие не подписывались.

П. БЛИНОВ,
ветеран партии,
войны и труда
Николаев

■

Журнал ваш действительно рассадник сионизма и фарисейства. Сборище жидов всех мастей. Но в этом есть и нечто полезное. Ситуация в стране развивается так, что вам всем придется держать ответ. Если уцелеете до этого. Провокаторы и поджигатели всегда заслуживают своей участи.

Главное — в нужный момент не дать вашей кодле удрать за границу. Чтобы потом не тратиться на поиски, как в случае с Троцким, например. Так будет дешевле.

С. КАЗАКОВ
Ростов-на-Дону

■

...Слишком часто вы печатаете статьи и физиономию этого нахального советского бизнесмена С. Федорова, у которого одно в голове — деньги, деньги, деньги! Какой он специалист, мы не знаем, но рвач и делага, видимо, изрядный. Он совершенно отменяет энтузиазм, долг, честь, совесть... основные движители социализма, а подменяет их наживой. Зовет к обогащению. В итоге мы опять придем к разделению на богатых и бедных, то есть к тому, от чего отказались сразу же после революции. Пробудись сейчас К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, да они бы со стыда и позора попросили, чтобы их опять закопали.

Мы надеемся, что кто-нибудь разоблачит этого жадного на деньги человека. Заявляем: деньги врача С. Федорова — это бизнес на горе и страданиях больных.

И. СЕМЕНОВ, И. ВАСИЛЬЕВ,
Ю. ЛЕБЕДЕВ, Н. СПИРИДОВ,
И. ЧУРКИН, О. ОВШИЕВ
Бердск

■

Я, Павленко Григорий Андреевич, пенсионер Вооруженных Сил СССР, полковник в отставке, член КПСС с 1941 года, участник Великой Отечественной войны. Я с большим вниманием слежу за вашим журналом, и в конце концов пришел конец моему терпению читать ваши публикации врагов народа и бывших контрреволюционеров и сынков недобитых белогвардейцев, сынков кулаков и недобитых буржуев. До чего вы дописались!

Журнал ваш как только не поносит всех руководителей партии и народа, с которыми народу пришлось возрождать индустриализацию, коллективизацию, ковать победу в тяжелые годы войны! Тот же любимый ваш Рыбаков спасал шкуру и не нюхал фашистского пороха, собирал грязь и ждал момент, когда можно было бы вылить ее на головы людей, отдавших свои жизни за Родину. У вас там — компания-мафия, засевшая в редакционных креслах; и разлагаете наш народ, и оболваниваете молодежь. Но вам это не удастся сделать! Мы защитили страну от фашизма, мы и защитим от открытых врагов, в руках которых оказалась пресса, в частности ваш журнал, «Литературная газета», «Аргументы и факты», «Московские новости»...

Придет время, и вы будете держать ответ: кому служите и на кого работаете, если это все можно назвать работой. Вы открытые агенты американского и израильского империализма.

А теперь напечатайте мое письмо. Это и будет гласность, демократия. Больше надо заниматься материалами перестройки, а не набором грязи, искажением действительности и клеветой.

Г. ПАВЛЕНКО
Запорожье

■

О печати. Уже осенью 1917 года рабочие и солдаты успели узнать, что означает пресловутая «свобода печати». Ныне поднимается на щит тот же меньшевистский лозунг «независимых газет».

Да что же это такое?! В вашем журнале в положительных тонах фигурирует то Николай «кровавый», то белогвардейщина... А семьдесят лет Советской власти преподносятся в итоге как время кровавого террора и мрака?

Размахивая ультраперестроечным знаменем, редакция «Огонька» все более смещается вправо, ибо перестраиваем мы все-таки социализм, а не что-либо иное; ряд же ваших статей, в том числе о событиях 1917—1923 годов, дискредитирует и опошляет нашу историю.

Я не жду от вас ответа на мое письмо, не говоря уж о его публикации. Но меня тешит мысль, что вы его по крайней мере прочтете. Журнал пока еще не окончательно деградировал,— резкий крен вправо под левыми знаменами наметился лишь где-то последние полгода.

О. ТЕРЕЩЕНКО
Астрахань

■

К Сталину я относилась спокойно. Жаль, что не стало его, что все дело его жизни опоганили последующие хамы и бездарности, но куда денешься. Как-то перетолчемся, может, до лучших времен доживем. И тут — «Огонек»...

Началось такое, что хоть святых выноси! Нет практически ни одного номера, чтобы вы не облили мертвеца отборной грязью; исходите самой исступленной злобой, ненавистью. Иногда просто поражаешься: ну, казалось бы, каждый атом в этом прахе вы оболгали, оплевали, обоср... Что еще можно придумать? Открываешь новый номер, что-нибудь обязательно припасено...

Как на кого, а на меня это наконец подействовало. Ваша травля вызвала интерес и простое сочувствие к этому человеку. Ведь не может быть абсолютно «черных людей»!

И потом, мертвец бессилен защитить себя от вашей лжи и клеветы. Сталин не осужден никаким судом, хотя бы просто народным. А вы нахально пытаетесь стать для него Судом истории.

...Здравомыслящие люди против вашей тупой тенденциозности и набившей оскомину клеветы!

Т. ГЕРЦИК,
пгт Петропавловка
Днепропетровской области

МЫ СТАЛИНИСТЫ

Мы сегодня видим свое прошлое по-иному. Все больше оно ощущается не только как часть пройденного пути; оно и часть опыта, оно и не уходящая от нас жизнь, в которой не все просто. Избавление от рабской психологии, возвращение себе собственного достоинства — задача высочайшая, но выполнимая не без труда именно потому, что многие из вросших в нас прошлых стереотипов нет-нет да и взрываются в обществе. Об этом и размышляют два известнейших режиссера: беседа их, диалог статей выходит далеко за пределы конкретного фильма.

Марк ЗАХАРОВ, народный депутат СССР

«Сталин с нами?» — так называется новый фильм Тофика Шахвердиева *. От названия вздрагиваешь. Мих. Шатров свою небезынтересную пьесу «Дальше... дальше... дальше...!» заканчивал похожей ремаркой: дескать, все со сцены ушли, а Сталин остался; очень хочется, чтобы он ушел, а он, как назло, не уходит. При таком финале в голову лезли посторонние мысли — уж не живее ли он всех живых? Вот за эти аллюзии и очернительство от группы военно-партийно-патриотических сил автор, помнится, получил редкостный по силе критический удар. Ан не в коня корм! Не прошло и двух лет, как кинорежиссер Тофик Шахвердиев и публицист Анатолий Стреляный вынесли зловредную мысль о присутствии в нашей жизни Сталина в заглавный титр своей картины. В последний момент, мне думается, художники заволновались и смягчили название вопросительным знаком. Хитрость небольшая.

Название все равно смелое. Но ажиотажа не вызывает. Я зритель, не биограф, не историк. Меня не интересуют подробности из жизни «отца народов». Хватит с меня и того, что знаю. Бог милостив — дожил до исторического предела, за которым моя жизнь не игрушка и не подлежит изъятию по мановению высочайшего мизинца. Умирать хочу и буду дома. От пестицидов, либо от вооруженных рэкетиров, если когда-нибудь сумею купить персональный компьютер. Говорят, с его появлением в квартире образуется криминогенная зона.

Возвращаясь к фильму, скажу: смотрел без удовольствия, потом понял — это не про Сталина. Это — про мои усталые, изуродованные мозги. Самое интересное в фильме — испуг, который я испытал от его просмотра. Буржуазные фильмы ужасов всегда воспринимал как смешные, а наш социалистический — показался ужасом.

Режиссер окружил нас хороводом внешне привлекательных людей, которые, все как один, оборачиваются монстрами. Ампутированы критические центры сознания, расплющено аналитическое начало. В итоге — наполовину разрушенный мозг не дает возможности несчастным людям отличить злодеяние от доброго поступка.

Если бы на их глазах Сталин, к примеру, раздавил сапогом грудного младенца, рожденного «врагом народа», «правым уклонистом» или «кулаком» (фермером) — возможно, эти люди испытали бы испуг и даже неприятные чувства. Одну смерть нормальный человек может оценить как трагедию, но ему трудно представить массовые убийства в миллионном исчислении. Тем более что бывший наш «великий кормчий» сам младенцев не давил, динамит в мирных жителей (во всяком случае, после тифлисского ограбления) не швырял, и, когда ему разрешили порвать с уголовным миром «эксов» (экспроприация экспроприаторов), Коба мирно обосновался в Кремле. На отдельные человеческие жизни не посягал — давил сразу миллионы. Ссылал, разорял, уродовал, а, главное, держал всех своих сподвижников в постоянном тюремном страхе. Ежевечерне думаем — откуда такое всеохватывающее воровство и преступность? Исторические предпосылки, конечно, были до Кобы, но он сумел ловко переоборудовать могилу в праздничную трибуну и соединить две несовместимые категории: собственное криминальное мышление с пролетарской идеологией. Именно с этих пор наша социалистическая действительность сомкнулась с лагерным режимом.

Сегодня в связи с постигшей нас перестройкой многие всерьез заинтересовались прошлым страны, а также собственным местом в истории, которую мы так до конца и не познали, несмотря на сессию Верховного Совета и забастовки горняков. Русский философ Н. Бердяев давно склонял нас к самопознанию, даже после того как был выдворен из страны. Он предостерегал: «...Духовно ложно считать, что источник зла вне меня, а сам я сосуд добра... Нет, источник зла во мне самом, и я должен и на себя переложить вину и ответственность...»

Я верю Бердяеву, опыту его самопознания, но могу ли я предположить, что в какой-то степени Сталин продолжает жить в моей душе?

Могу. Предполагаю. Видел по телевидению похороны аятоллы Хомейни. Всего несколько секунд, но неприятный холодок пробежал по позвоночнику. Я тотчас вспомнил кромешную человеческую трясину сталинских похорон с хрустящими костями на ночной Трубной площади в Москве и себя — дурака, чудом уцелевшего. Вспомнил свои слезы при извещении о смерти «гения всех времен и народов» и слезы моей матери, которая ездила на лесосплав к своему осужденному мужу, моему отцу, однако в день смерти вождя всплакнула. Но этого мало. Будучи великовозрастным обалдуем, я, помнится, негодовал на государя императора, уступившего Америке нашу заморскую колонию Аляску и частично Калифорнию с ее русскими поселениями и фортом Росс. Позднее мне понадобились Дарданеллы. Еще через некоторое время — Босфор. Я мечтал об их приобретении, проживая в коммунальной квартире и не подозревая о наличии в себе имперских притязаний. Я был микрочастицей большого загипнотизированного государства.

Читал в немецких мемуарах, что при всей нашей нежной дружбе с Гитлером мы не столковались с ним именно в проклятом вопросе о проливах. Фашистский диктатор, считая себя жертвой сталинского давления, называл СССР «бесчувственным вымогателем». «Мало им,— нервно рассуждал фюрер,— им, видишь ли, захотелось иметь еще и Дарданеллы, от которых рукой подать до румынской нефти!..» Да, теперь могу открыться, мне, как и Сталину с Молотовым, город Стамбул (Царьград) давно казался объектом, предрасположенным к добровольному включению в СССР, по просьбе стамбульских тружеников.

И это вовсе не затянувшееся кошмарное счастливое сталинское детство. Уже возмужавши, я продолжал наивно полагать, что территория СССР должна расширяться. Земли у нас должно быть много, хотя мы и одна шестая часть суши. Мы не прокисшие Нидерланды, чтобы вышивать бисером и дрожать над каждым клочком земли. Обустраивать свой дом и свою землю мы не умеем и не любим, поэтому нас влечет в новые пространства, в крайнем случае на великие стройки. Хорошо там, где нас нет. А если мы туда приезжаем, там ничего хорошего быть не может, раз мы уже там.

Вот сейчас Эстония с Литвой затевают что-то такое с суверенитетом и республиканским хозрасчетом — хочется запретить. Искренне.

Спрашивается: «Возможен ли компромисс?» Отвечается: «Никаких компромиссов!» Стиль мышления бескомпромиссный. Это по-сталински. Предлагаются не гипотезы, требующие доказательства, а сразу громким голосом аксиомы, которые в доказательствах не нуждаются.

Всякая, даже очень сложная, проблема современного мироздания должна упрощаться до примитивной формулы.

Представляю себе, как говорил вождь, попыхивая трубкой:

— Будет урожай — будет хлеб. Не будет урожая — не будет хлеба. И сразу — крики, овация, здравицы, все встают и братаются. Это по-сталински.

Вот, наверное, почему Бердяев был выслан и семьдесят лет находился под запретом. Самоанализ к добру не приводит. Однако Тофик Шахвердиев и Анатолий Стреляный нас к нему упрямо подталкивают. Исподволь. Осторожно.

Чтобы быть не только строгим, но объективным, скажу: Тофик Шахвердиев, конечно, режиссер высокого класса. Фантазия богатая, но закадровый текст отсутствует. Мы получаем терпкую информацию, а переваривать ее нам никто не помогает. Варим сами. Мысленно комментируем. и после просмотра нам кажется, что закадровый голос звучит в ушах.

Чисто профессиональная загадка: как Тофик Шахвердиев нашел своих уникальных героев, как не растворился во множестве субъектов, а выборочно ощупал наиболее одурманенные мозги, наглухо заблокированные топорной пропагандой тридцатых годов, и как, наконец, физически сумел свести своих героев вместе, раскрепостив каждого для уникальной исповеди прямо в объектив снимающей камеры?

Замечательный персонаж — узник Краснодарской тюрьмы Л. В. Чекаль. Чудо. Завораживает, как молодой Смоктуновский. Я даже подумал о режиссерской «посадке»: уж не актер ли? Нет! Просто незаурядная личность, сокрушающая на наших глазах сталинский казарменный социализм. Очень своеобразно, как потомственный русский интеллигент. С мученическим выражением глаз. Нервно. Лихорадочно. Остроумно. Мы видим, как словно бы нехотя рождается, а потом обретает своеобразную энергетику его злая и вместе с тем целебная мысль о ниспровержении выколотого на груди Сталина.

Поразительная режиссерская находка: загипнотизированная девушка. Внимательно осматривает белый лист бумаги и уверенно сообщает, что цвет бумаги черный. Когда к ее глазам подносят черную копировальную бумагу, девушка так же уверенно объявляет, что цвет бумаги белый.

Это кульминация. Фильм не кажется мне документальным. Это что-то другое. В современной культуре рождается новая информационная структура. Тофик Шахвердиев работает, как Пабло Пикассо на пленэре. Великий художник объяснял, что работа там идет на равных: окружающая действительность воздействует на художника так же, как художник на действительность. В результате — на холсте не объективно воссозданный пейзаж, а плод совместных усилий, для опознания местности непригодный.

Лично для меня кинооткровение философа Шахвердиева много интереснее любой, самой приличной и талантливой экранизации литературного произведения или оригинального игрового фильма. Похожие процессы происходят сегодня в иных пространствах искусства и литературы. Получив седьмой номер «Нового мира» за нынешний год, я (и не я один) сразу же пропускаю «на потом» разного рода беллетристику, новую прозу и поэзию — я судорожно открываю самое философски ценное: «Нобелевскую лекцию» А. Солженицына и статью А. Мигранина.

Подозреваю, что современное кино — лишь частный случай нового восходящего искусства — «Супертелевидения». Недаром Тофик Шахвердиев решил делать фильм сразу на видеопленке. Вместе с другими киномастерами он преуспел в авторском кинематографе, созидая грядущую ветвь человеческого познания — видеофилософский ряд.

Его взаимодействие с заблудшими душами подтолкнуло меня в водовороты общественных катаклизмов...

Конечно, наш Верховный Совет теперь далек от сталинского парада, и все же... Когда бурно обсуждался гигантский список всенародно-ведомственных праздников, мне померещился удовлетворенный дымок от трубки. Любимые мной депутаты дружно вставали на защиту полюбившихся им праздников. Чтобы награждать друг друга грамотами, чтобы брать повышенные обязательства, социалистически соревноваться, рапортовать и сдавать к праздникам новые газопроводы. Здесь люди правы. Народ не может ошибаться. На этом держится наше социалистическое мироздание. Когда мы признаем, что большая часть общества может избрать и ошибочный путь,— наступит новое время.

Когда это случится, никто не знает, а пока пусть будет день работника тяжелого машиностроения, пусть будет день среднего машиностроения, общего, легкого и всякого другого. Правильно. У многих действительно тяжелый и ответственный труд. Я даже думаю, что особенно напряженная работа сегодня у союзных и республиканских министров. Их много, пусть и у них будет свой родной праздник — день министра. Хорошо, но могут обидеться те, кто выше. Хочется подумать и о членах Политбюро. И постепенно, если сложится такое настроение, дойти до одного-единственного человека. Опыт такой есть. Сталин с нами.

---

* Автор сценария Тофик Шахвердиев при участии Анатолия Стреляного. Режиссер Тофик Шахвердиев. Производство «Видеофильм. студия ТРИТЭ».

СВОБОДА — ЕЩЕ НЕОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Тофик ШАХВЕРДИЕВ

Где граница между здравым смыслом и сумасшествием? Не видна. А если видна, то по какую сторону от нее сумасшествие, по левую или правую? А по какую норма? Иной раз хорошенько задумаешься: а не живешь ли ты уже в сумасшедшем доме? И получается, что вроде бы да, хотя, с другой стороны, вроде бы нет. Обычно такой вопрос решается так: там, где таких, как ты, больше, там все в порядке, а там, где таких, как ты, меньше, там ненормальные.

Дело осложняется тем, что если ты окружен себе подобными, то начинает казаться, что ты и твое окружение и есть то самое здоровое большинство, которое знает, во что верить, за что бороться, навстречу чему идти, что делать и как жить.

В этом количественном плане трудно определить, кто большевик, кто меньшевик. Страна раскололась на реформаторов и консерваторов. И те и другие заверяют, что они за перестройку, тянут в разные стороны и, глядя друг на друга, крутят пальцем у виска.

Слишком много просочилось с Запада ненужного. Не будь кино, радио, телевидения, иностранцев на улицах, мы бы еще двести лет без перестроек прожили и горя не знали, то есть не знали бы, что наша жизнь — горе.

Сталинизм не был случайностью. Он был необходимостью. Попробуйте без палки заставить сто пятьдесят миллионов, далеких от разных теорий, отказаться от привычной жизни и начать дружно строить невиданное коллективное счастье мировых масштабов! Сталинский социализм в популярном идеалистическом изложении довольно-таки симпатичная вещь — все думают об общем благе, все трудятся, все по справедливости. Одна неприятность — мало сознательных, не хотят работать за так. Как тут без репрессий?

С первобытнообщинным, рабовладельческим, феодальным строем, как и с капиталистическим, никакой мороки не было, они образовались сами по себе, без теорий и борьбы за их построение.

А социализм был вначале придуман, вычерчен на бумаге, а уж потом стали сооружать его.

Построили. Теперь перестраиваем. Мыла нет, мяса нет, зато есть митинги, гласность и кооперативы. Народ ропщет.

Самый простой способ успокоить его — это перекрыть все нежелательные источники информации и растолковать людям, что на самом деле у нас все в порядке. Растолковывать надо ежедневно, ежечасно, без перерыва. Через некоторое время и там и здесь отыщутся бескорыстные энтузиасты, которые горло перегрызут или к стенке поставят любого, кто посмеет не согласиться с тем, что наши руководители являют собой ум, честь и совесть нашей эпохи и что мы сами — самые передовые, передовее всех. Надо только добиться того, чтобы не было с чем сравнивать, потому что вся наша беда от сравнивания, как живут они и как мы. Лишите людей возможности сопоставлять, и можно не бояться никаких декабристов, через несколько лет все поголовно будут довольны. Ведь, по нашей совести говоря, капиталистам плевать, как там их народ живет, хорошо или плохо. И если они повышают жизненный уровень в своих странах, так с единственной и подлой целью дискредитировать социализм, чтобы мы смотрели и сравнивали, проявляя недовольство своим прогрессивным строем, который, согласитесь, так нелегко достался, сколько народу пришлось угробить.

Сталинисты против сравнивания, они за железный занавес, непроницаемый ни для звуковых, ни для световых, ни для морских волн. Они мудры и дальновидны. Не они ли говорили, что вся эта игра в демократию до добра не доведет. И секс, и СПИД, и мисс, и рок, и рэкет, и миллионеры, и «Долой КПСС!» — разве при Сталине такое было?

Одна милая дама заявила мне, что будь у нее пистолет, она бы стреляла, и рука бы не дрогнула, так она недовольна тем, что творится в стране. Раньше, говорила она, в нашей молодости у нас не было колебаний, что, к примеру, купить в первую очередь — книгу или юбку. Теперь же любая девчонка, не задумываясь, предпочтет юбку. А для нас книга была превыше всего. Мы не были барахольщиками и стремились к духовной жизни. А Горбачев, как тот Бухарин, призывает нас наживаться. Все кинулись хапать, каждый для себя, об интересах государства никто не думает. Поэтому и государство забыло о людях.

Раньше каждый гражданин чувствовал заботу о себе, все жили дружно, для всенародной пользы. Никаких национальных раздоров — даже разговоров об этом не вели. Как было хорошо! Родина — мать. Сталин — отец. Выглянешь на улицу — милиционер стоит, глянешь во двор — дворник. Чуть что, они бросятся помогать тебе. А теперь кричи не кричи, никому до тебя дела нет. Одна половина населения занялась кооператорством, а другая — рэкетом.

Хвалятся сегодня гласностью. Так и при Сталине была гласность: гласно арестовывали, гласно расстреливали, гласно реабилитировали. Обо всем этом по радио передавали, в газетах писали, никто ничего не скрывал. Если Бухарин — враг, то так и говорили: враг. Была допущена несправедливость, не отрицаю, но кто это делал? Это троцкисты проникали в НКВД, чтобы натравливать народ на партию и ее органы. Настоящие коммунисты, в каких бы тюрьмах и лагерях ни находились, верили в величие и правильность нашего генерального пути. И я бы тоже предпочла сидеть в заключении, в голоде и холоде, лишь бы знать, что в стране строится социализм.

Моей собеседнице и в голову не приходил такой образ жизни, когда человек в состоянии юбку купить и книгу. Она готова сесть в тюрьму и радоваться оттуда счастью трудящихся, теоретически предопределенному классиками марксизма. Такой замечательный способ поверить в правоту классиков. С точки зрения заключенного мир за решеткой не так уж и плох. Чего уж там!

Хроническая недостаточность продуктов, одежды, книг, гражданских прав — определяющая черта нашей жизни. Мы воспитаны на дефиците, настояны на дефиците, пропитаны, просмолены дефицитом.

Рыба задыхается вне воды — слишком много кислорода.

Для сталинистов те редкие капли свободы, которые наконец-таки оросили наши пересохшие души, кажутся наводнением.

Сталинистам нравятся наши праздники своей государственностью, когда заранее указано, куда шагать и что кричать. Нравится двигаться строем и держать равнение на трибуну. Они любят наши субботники, которые давно уже никакие не субботники, а Всесоюзные смотры успехов в деле имитации труда. Им нравится вождь, простой и душевный, который всех победил и нагнал такого страху, что и через сто лет его не смогут забыть. Им нравится партия, которая превыше всего. Нравится именно этим. Им по душе самая прогрессивная идеология, бескомпромиссная настолько, что смела с лица нашей земли все прочие представления о жизни.

Для сталинистов несвобода — условие существования. Они называют это осознанной необходимостью. Для них, как для космонавтов в открытом космосе, свобода от корабля означает неминуемую гибель.

Чтобы спасти их как особый вид человека, надо снова развесить лозунги и портреты, чтобы с первого взгляда было ясно, кто у нас рулевой, кого славить и кто с кем един. Иначе могут возникнуть разночтения.

Я часто езжу по стране и должен сказать, что из этой программы по спасению сталинистов на местах, в глубинке делается немало. Появляются новые застойно-перестроечные лозунги, запрещения, установки и рекомендации. Сталинисты правы тысячу раз, без этого всего система рухнет. Сталинизм есть органическая форма существования того строя, который мы соорудили.

Строили коммунизм, а вышла коммуналка. Верх взяли не самые умные и благородные, а самые нахрапистые: издавали законы, правили суд, казнили-миловали, брали от каждого по способности и распределяли каждому по потребности, как они это понимали, и нам это очень и очень нравилось.

Теперь же нет. Не нравится. Перестройка!

Учиться демократии! Как? У кого?

Весь мир следит за нами с тревогой и сочувствием.

В стране происходит нечто, выходящее за пределы внутренних интересов. Гибнет тысячелетняя вера в то, что раздел общественного богатства силком и поровну — благо. Мы — свидетели и участники окончательного краха идей утопического социализма. Никогда больше человечество не вернется к этому заблуждению. Слишком долгим и негативным был урок, и слишком наглядны и превосходны успехи других народов, которые не пошли по нашему пути и все же достигли такого уровня изобилия и социальной справедливости, что на их фоне мы вынуждены прекратить свое вранье и схватиться за голову.

Тем не менее.

Нам совсем не стыдно копировать чужие видеомагнитофоны, фотоаппараты, автомобили, а что касается демократии, то здесь мы будем первооткрывателями, будем изобретать свою.

В нашем «самом передовом, самом гуманном государстве» за действительную или мнимую причастность к фракции в не столь давнем времени было принято расстреливать.

Кажется, сегодня все круто изменилось — не убивают и даже не сажают. Но вот событие последнего времени. Межрегиональная группа народных депутатов СССР. Слова «фракция», «оппозиция» предусмотрительно изъяты из собственного словаря вновь созданной группы. Вместо лидера выбрано пять сопредседателей. Заявлено повсеместно, что группа не против М. Горбачева, а в его поддержку. Что она создана, чтобы спокойно выработать, а потом предложить для обсуждения Верховному Совету более радикальную программу действий...

На следующий день Верховный Совет негодовал, клеймил: «Раскол!», «Оппозиция!», «Позор!» Никто не удосужился сказать о содержании документа, предложенного межрегиональной группой. Было не до того. Говорилось о «некоторых депутатах с непомерным честолюбием». Короче, снова в подтексте: «Борис, ты не прав!» Но на этот раз все происходило намного тише и совсем недолго, не то, что два года назад.

Эволюция. Учимся демократии.

Как долго осваиваем простейший урок, что парламент на то и парламент, чтобы споры и противостояния возникали не на площадях Нового Узеня, Междуреченска, Вильнюса, Сухуми... а в Верховном Совете, где будут высказаны и услышаны разные мнения.

Так нет же. Депутаты — большинство (не путать с большевиками) — требовали изначального единства, единогласия. Будто им было неведомо, до чего нас довело за семьдесят лет это диковинное единогласие.

Они все прекрасно понимали, но вели себя так, как это было у нас принято с начала социалистического века. Быстро раскусили организаторов группы, вычленили Б. Ельцина — раз похоже на фракцию, оппозицию — надо громить. А оппозиция — меньшинство (не путать с меньшевиками),— в свою очередь, спешила оправдаться. Мы, мол, никакая не оппозиция, а всего-навсего группа, и лидера даже нет — сопредседатели.

Но что ни говорите, а лидер налицо. И даже если он не прав, он все равно прав — самим фактом существования. Он не дает расслабиться другим.

Мы все преисполнены уважения и симпатии к М. Горбачеву. Дай бог ему сил и здоровья! И дай ему благородного и сильного соперника. А нам возможность выбирать.

Сталинизм лишил нас права выбора.

Мы должны вернуть себе это право.

Опасения, что наша картина устареет раньше, чем будет сделана, оказались беспочвенными. Когда я смотрю на своих героев, я отчасти вижу в них себя и думаю о живучести слов, ставших окончательным названием фильма: «Сталин с нами?» Живучие, но не вечные.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Мы, арабские журналисты и писатели в Москве, не можем скрыть своей крайней тревоги по поводу появившихся в последнее время публикаций ряда советских авторов и подготовленных ими телепередач (речь идет о статьях, опубликованных в № 33 журнала «Огонек» и в № 239 газеты «Известия», а также о выпуске телепрограммы «Международная панорама» от 3 сентября 1989 года), в которых содержится призыв к восстановлению дипломатических отношений с Израилем, искажаются реальности обстановки на Ближнем Востоке, а Израиль преподносится в качестве страны, чьи достижения в области технологии и сельского хозяйства достойны всяческого восхищения, и это — при полном игнорировании набирающей обороты карательной практики Израиля в отношении арабского палестинского народа, которая по своей чудовищной жестокости не уступает преступлениям нацистов против народов, в том числе и евреев, накануне и в ходе второй мировой войны.

В этой связи нам хотелось бы высказать несколько соображений.

1. Как творческие люди, мы знаем, сколь велико значение демократии для писателя и сколь необходимы ему условия для самовыражения и свободная от каких-либо ограничений возможность писать о том, что он хочет, и так, как ему представляется целесообразным. Вместе с тем мы полностью отдаем себе отчет в том, что свободе непременно должны соприсутствовать совесть художника и высокая ответственность, без которых эта свобода либо превращается в анархию, либо уводит творца на скользкий путь необъективности и фальсификаций. Исходя из этого, мы убеждены, что политика гласности и есть воплощение свободы, пронизанной глубочайшей ответственностью.

2. Между тем статья Виталия Коротича в журнале «Огонек» и выступление политического обозревателя «Известий» Александра Бовина в телепередаче «Международная панорама», трактующие об израильской действительности, содержат, наряду с искажением истинного положения дел, столь чрезмерную апологию Израиля, что их предвзятость и односторонний характер даже стали объектом критики Генерального секретаря Израильской компартии Меира Вильнера на страницах «Литературной газеты» («ЛГ» № 33, 1989).

3. Если целью отмеченных выше и прочих публикаций является формирование общественного мнения в пользу восстановления дипломатических отношений с Израилем (а Александр Бовин призвал к этому без всяких обиняков), то это, безусловно, противоречит интересам народов СССР и арабских народов, в особенности если учесть, что советское руководство неоднократно заявляло о том, что возобновление дипотношений возможно лишь при условии достижения конкретного прогресса в деле ближневосточного урегулирования. Между тем призывы к восстановлению дипотношений раздаются именно в то время, когда Израиль своей обструкционистской политикой ставит палки в колеса справедливого урегулирования ближневосточной проблемы, жестоко подавляет «интифаду» арабского палестинского народа, не признавая даже самых элементарных из его законных прав и встречая огнем и мечом все мирные инициативы ООП.

Если же авторы призывов к восстановлению дипотношений СССР с Израилем обосновывают свою логику необходимостью наличия контактов с Израилем как с одной из сторон конфликта, то следует заметить, что подобные контакты уже осуществляются как по официальным каналам, так и на уровне «народной дипломатии», и, следовательно, восстановление дипотношений не диктуется практической необходимостью, и более того — его единственным смыслом было бы поощрение израильских агрессоров на дальнейшее противодействие воле мирового сообщества и резолюциям ООН и дальнейшее игнорирование прав палестинского народа.

4. Вышеупомянутые статьи и выступления вводят советскую и арабскую общественность в заблуждение относительно истинной позиции Советского Союза и его поддержки справедливого дела арабов, и в первую очередь арабского палестинского народа, и вбивают клин в отношения между СССР и арабскими странами. Так, например, призыв Александра Бовина в «Международной панораме» к одностороннему прекращению Советским Союзом поставок оружия на Ближний Восток под тем предлогом, что это оружие, мол, используется Сирией для разрушения ливанских городов и сел, своей предвзятостью вызывает лишь крайнее недоумение, тем более что обозреватель Бовин не взял на себя труд напомнить телезрителям о чудовищных разрушениях, причиненных ливанским городам и селам американскими и израильскими бомбами.

5. Наша обеспокоенность усугубляется и тем обстоятельством, что подобные заявления делаются на фоне всевозрастающей сионистской активности в Советском Союзе, воплощением которой явился учредительный съезд «Союза сионистов», принявший программу сионизации советских евреев и их ориентирования на Израиль, что было квалифицировано президиумом Антисионистского комитета советской общественности как явная провокация против перестройки, попытка создать еще один очаг национальной напряженности, чреватый самыми тяжелыми последствиями.

6. Нам хотелось бы отметить, что совместная борьба народов наших стран изобилует многими яркими страницами, свидетельствующими об искреннем характере советско-арабской дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. Мы никогда не забудем той поддержки, которую оказали нам дружественные народы вашей страны в борьбе против агрессии и попыток иноземного диктата, в борьбе за политическую независимость и самостоятельное экономическое развитие. Мы считаем своей обязанностью продолжать эти славные традиции и противостоять всему, что может нанести им урон.

Заверяя вас в нашем искреннем уважении, мы хотели бы надеяться, что это письмо будет опубликовано на страницах ваших изданий и прозвучит в ваших передачах, поскольку мы считаем себя вправе публично выразить свое мнение во имя углубления конструктивного диалога между собратьями по перу.

Манаа МУНЗЕР — «Аль Хурийя»,
палестинский журнал
Салам МУСАФИР —
корр. газеты «Аль-Анба»,
Кувейт
Важих ДЖАБР —
Агентство «Вафа»
и журнал «Фаластин Ас-Саура»,
Палестина
Всего 23 подписи.

ОТ РЕДАКЦИИ

Понимаю озабоченность авторов письма. Как и они, я считаю, что любой шовинизм губителен для народной души. Однобокость уродлива в любом своем проявлении; именно поэтому я писал в «Огоньке» о государстве Израиль, пытаясь представить более полную картину жизни в этой стране. Не было и речи об идеализации Израиля, но не было и речи о попытках сеять ненависть к любому из народов Ближнего Востока, включая еврейский народ. Мне кажется, что некоторое непонимание могло возникнуть из-за того, что авторы письма могли неправильно понять целый ряд утверждений в русскоязычной статье. К таким моментам непонимания я отношу и утверждение о якобы существующих разногласиях с мнением товарища Вильнера, который в упомянутом вами номере «Литературной газеты» даже не упоминает о не читанной им в ту пору статье в «Огоньке».

Уважаемые коллеги, давайте честно заниматься своим делом. Что же касается дипломатических отношений, то их установление или разрыв — вне журналистской компетенции. В то же время продолжаю считать, что обмен послами не является наградной процедурой, а дипломатические отношения устанавливаются не для того, чтобы поощрить ту или иную страну. В течение шестнадцати лет после Октября США не признавали Советского Союза дипломатически, ничего не достигнув этим, кроме укрепления сталинского тоталитаризма, возможного исключительно в условиях страны — осажденной крепости. Думаю, что именно широкие международные контакты способствуют пресечению беззаконий. А не наоборот. Считаю, что не бойкоты, эмбарго и рукопашные являются языком современного сосуществования. В огоньковской статье мы говорили о том, что преступен солдат, стреляющий в швыряющегося камнями мальчишку; преступен и фанатик, швыряющий в пропасть автобус с невинными туристами. Довольно. Надо пресекать насилие, от кого бы ни исходило оно; надо отказываться от силы диктата как средства международной политики. Полагаю, что, когда израильтяне с арабами сядут за стол переговоров, заговорят на языке дискуссий, а не перестрелок, появятся условия для многих нормализаций, в том числе и дипломатических.

Сегодня, как никогда, надо работать много и честно. Делать все для улучшения взаимопонимания между народами. Поиски зловещих интриг далеко не всегда способствуют выяснению истины. Вы ведь образованные и культурные люди, уважаемые коллеги; введение в нашу дискуссию разговоров о сионистском заговоре или еще о чем-то подобном, якобы имеющем к «Огоньку» отношение, низводит его на недостойный уровень, будто бы «Память» какая-то выныривает. Очень хочется сотрудничать с вами. Ей, право, принеси вы вместо этого письма, адресованного всем сразу, хорошую статью, предназначенную советским читателям, проку было бы больше. Давайте дружнее работать и меньше поучать друг друга.

Что касается заявления наших арабских гостей о том, что именно «безусловно, противоречит интересам народов СССР», то, думаю, для защиты и формулирования этих интересов в СССР есть достаточно сил и за пределами арабского журналистского корпуса в Москве.

Виталий КОРОТИЧ

ПО СЛЕДАМ ОДНОГО ЮБИЛЕЯ

Алексей АДЖУБЕЙ

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Двадцать пять лет назад, 14 октября 1964 года, Пленум ЦК КПСС освободил от партийных и государственных обязанностей Первого секретаря ЦК и Председателя Совета Министров СССР Никиту Сергеевича Хрущева.

Внезапный уход Хрущева с политической арены не вызвал «взрывной» реакции. В широких кругах его восприняли почти безразлично. Существовал, конечно, элемент некоторой неловкости: вчера кричали «ура», а сегодня — «пошел вон!», но и неловкость быстро улетучилась. Аппарат «присягнул» новому вождю, и жизнь потекла дальше. Известная часть интеллектуалов, представителей творческой интеллигенции, какое-то время тешила себя надеждой на второй этап в развитии демократических идей XX съезда, а когда эта надежда стала угасать — либо смирилась, отыскивая себе место в новой комфортной нише, либо, сжав душу, имитировала лояльность. Страх не ушел еще за горизонт, и не всякому дано было бросить вызов этому проклятому и принижающему нас чувству.

Оговорюсь сразу: я не претендую да и не могу претендовать на широкий анализ событий тех хрущевских десяти лет, думаю, что он еще состоится, равно как и не стыжусь своей причастности ни к делам того времени, ни к близким мне людям. Евгений Евтушенко даже обвинил меня в самоадвокатуре — ему виднее, он человек азартный, прямой, за что я ценю и уважаю его. Не будем заводить спора о том, кто, как, каким способом ищет самооправдания. 20 лет мое имя не появлялось в прессе — наложили табу.

Эти записки о том, особенно памятном мне, Пленуме ЦК, и хоть минуло четверть века, рождены они не юбилейными настроениями. Повод для возвращения представляется важным по многим причинам. Одна из них — диаметрально противоположные точки зрения участников тех событий октября 1964 года. Разное толкование, разные оценки.

Как сместили Хрущева? Вполне демократическим, «правильным» путем, на Пленуме ЦК и т. д.? Либо сам Пленум стал итогом заговора («дворцовым переворотом») тех, кто воспользовался целым рядом объективных и субъективных обстоятельств общественного развития (экономический спад, отступление от провозглашенных на XX съезде принципов демократического обновле-

ния) в своих личных, эгоистических целях?

Как это происходило там и тогда? Какую-то часть картины я наблюдал непосредственно сам, и не только как главный редактор газеты «Известия».

Перед отлетом в кратковременный отпуск в Пицунду Никита Сергеевич получил первый сигнал о неких интригах вокруг его имени. На аэродроме его провожал секретарь ЦК Подгорный. Хрущев сказал ему: «Игнатов затеял какую-то возню. Разберитесь». Хрущев и подумать не мог, что Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Игнатов был тем человеком, который действовал по поручению Подгорного. Можно представить себе состояние Подгорного в тот момент и то чувство страха, которое его пронзило.

Что, если бы Хрущев внезапно отменил отъезд? Если бы в нем возобладала осторожность, гнев или страх и он вернулся в Кремль? Созвал заседание Президиума ЦК, потребовал ответа?

За несколько дней до вызова Хрущева с Пицунды каким-то краем задуманная операция коснулась и меня. Я запомнил число — седьмое октября. Как обычно, я вел очередной номер «Известий». Раздался звонок «ВЧ», и помощник Хрущева Лебедев сказал, что со мной будет говорить Хрущев. Никита Сергеевич был краток: «Явитесь к Подгорному, он прочитает вам одну бумагу. Составьте письменное объяснение». Ничего не понимая, отправился к Николаю Викторовичу. Мне редко приходилось сталкиваться с ним на деловой почве, поскольку идеологическими вопросами Подгорный не ведал.

Подгорный встретил меня приветливо, несколько раз переспросил: «Тебе что, Хрущев сам приказал ко мне явиться?» «Да,— отвечал я.— Только что звонил с Пицунды». Помню, еще Подгорный при этом как бы досадливо крякнул: «Дозвонился, вот те на...»

Подгорный вынул из стола бумагу, не показал мне, а стал зачитывать вслух. Из бумаги следовало, что, находясь в Западной Германии с группой советских журналистов, я во время очередного интервью заявил следующее: «Вы спрашиваете меня о берлинской стене? Не волнуйтесь, приеду в Москву, скажу папе, и мы ее сломаем!»

Я рассмеялся. Подгорный прервал чтение. «Да, папой ты его, положим, не называешь. Не пиши никаких объяснений. Еду на пару дней в Молдавию, вернусь, сам все скажу Хрущеву».— «Вспомните при этом, что ответы мои переводили коллеги из «Известий» — я не говорю по-немецки. Кроме того, поездка закончилась более трех месяцев назад, уже вышла книга наших впечатлений, что же раньше никто ничего подобного не говорил?» — «Выброси все из головы»,— махнул рукой Подгорный и отправил бумагу в стол.

Вернувшись в газету, я даже не стал рассказывать товарищам об этом «сигнале». Только потом мне стала ясна история и цель доноса. Это набирали «компромат» на Хрущева. Если бы он не позвонил мне, не дал ход делу, можно было бы обвинить его в том, что покрывал зятька. И на Пленуме никакого разговора на сей счет не возникло. Как говорится, номер не прошел.

Номер не прошел, а вот ведь живет легенда о «западноберлинской» оплошности Аджубея: то вопрос зададут, то строчку-намек прочитаешь... Ну да это уж другое дело. Стараюсь не отвечать на нелепости и сплетни. После смерти Вучетича Эрнст Неизвестный сказал: «Жаль. Он был масштабным противником. Теперь и драться не с кем...»

Когда Хрущев неожиданно вернулся с Пицунды, я ничего не знал. Только в середине дня 13 октября стали доходить какие-то известия о заседании Президиума ЦК. Я как-то сразу понял, что дело серьезное...

В это время в Москву прилетал президент Кубы Дортикос. По протоколу нужно было ехать встречать. Позвонил заведующему отделом печати МИДа Леониду Замятину и спросил его, стоит ли мне появляться в аэропорту. Замятин понял, что я имею в виду. «Почему же нет? Заеду за тобой, поедем вместе». И мы поехали.

В аэропорту ждали прибытия главных встречающих. Самолет президента уже минут сорок барражировал в небе. Появился Подгорный. Возбужден, лицо свекольного цвета, непрерывно дымит сигаретой. Остановился на минуту, бросил: «Все в порядке, освободили Микиту». Так пренебрежительно о Никите Сергеевиче он никогда не говорил.

Самолету дали «добро» на посадку. Подгорный обнял ничего не подозревающего Дортикоса. Переводчик зашептал ему что-то на ухо. Теперь Дортикос был в курсе дела. Кубинские студенты ничего не ведали, размахивали флажками и с энтузиазмом скандировали: «Фидель — Хрущев», «Патриа о муэрте» («Родина или смерть»). Они привыкли к этому скандированию за годы жизни и учения в СССР.

В тот же вечер секретарь ЦК Ильичев сообщил об освобождении меня от обязанностей главного редактора «Известий». Ему не просто дался этот разговор. Умный, ироничный, Ильичев сам испытал немало снятий и назначений. Вот и теперь волновался о себе, своей судьбе... Он считался выдвиженцем Хрущева. Впрочем, он мог назвать себя выдвиженцем многих — от Сталина до Брежнева. В те дни ему было важно миновать гнева Суслова.

Утром 14 октября открылся Пленум ЦК. Он начался в настороженной, гнетущей тишине. Собравшиеся сидели с каменными лицами, ожидая появления членов Президиума ЦК. Первым вышел Брежнев, за ним Подгорный, Суслов, Косыгин. Хрущев замыкал шествие. За столом Президиума он сидел, опустив голову, не поднимая глаз, ставший совсем маленьким, как будто из его крепкого тела разом ушла сила.

Сегодня, по воспоминаниям некоторых участников заседания Президиума ЦК, предшествовавшего Пленуму, стало ясно, что Хрущев не цеплялся за власть, не огрызался, а смиренно принял случившееся. Сказал на прощание несколько фраз, попросил разрешения выступить на заседании Пленума с кратким заявлением. Его тут же одернул Брежнев: «Этого не будет!» Может быть, «самый близкий человек Хрущева», как именовали Леонида Ильича в зарубежной прессе, не отстававший от него ни на шаг, а это мы наблюдали сами, испугался в последние минуты: а вдруг этот «неуправляемый» Хрущев сможет нанести неожиданный удар. Не думаю, чтобы Хрущев отказался от своего заявления об отставке. Он, конечно, готов был к тому, что проблема «ухода» так или иначе встанет перед ним. Теперь она обрела реальность. Шла унизительная процедура, о которой он не мог подумать даже в страшном сне.

Доклад, а точнее, сообщение о решении Президиума ЦК, сделал Суслов. На моей памяти он в третий раз выступал в качестве «великого инквизитора», обрекающего «вероотступника» на заклание. Он был «запевалой» в деле маршала Жукова, секретаря ЦК Фурцевой и вот, наконец-то, добрался до главного еретика, посмевшего поколебать великие догмы марксизма-ленинизма.

Все выступление Суслова заняло не более 30—40 минут. Он не утруждал себя перечнем конкретных обвинений.

Суслов особенно заострял внимание собравшихся на том, что вот-де Хрущев превратил Пленумы ЦК в многолюдные собрания, а на Пленумах нужно вести сугубо партийный разговор. Давал слово не только членам ЦК, и те не всегда могли пробиться на трибуну. Старый аппаратчик бередил честолюбие таких же, как он сам. Апеллировал к некой касте «неприкасаемых». По ходу его выступления раздавались злые реплики в адрес Хрущева: «Этому кукурузнику все нипочем!», «Шах иранский (?!), что хотел, то и делал», «Таскал за границу свою семейку» и что-то в том же роде. По Суслову, получалось, что Хрущев нарушил ленинские нормы работы Президиума ЦК и Пленумов.

Слушали все это люди, совсем недавно славившие Хрущева именно за ленинский стиль в работе, научный подход в партийных и государственных делах. Как было угадать, что творилось в их душах? Никто не задал докладчику ни одного вопроса, не захотел взять слова. Двумя-тремя фразами Суслов коснулся и моей персоны. «Подумайте только,— с пафосом воскликнул Суслов,— открываю утром газету «Известия» и не знаю, что там прочитаю». Суслов привык знать заранее все.

Пленум уже готов был перейти к следующему вопросу — выборам Первого секретаря ЦК и назначению Косыгина на пост Председателя Совета Министров СССР, как вдруг к первому ряду зала выскочил постоянный представитель СССР в СЭВе Лесечко и начал рассказывать, захлебываясь от возмущения, о том, что Хрущев чуть ли не поссорил нашу страну с Польшей. Его слушали плохо: подошел час обеда.

А Лесечко в запале это не чувствовал. Говорил сбивчиво — трудно было понять, в чем суть его возмущения. Позже Никита Сергеевич сам рассказал об этой истории.

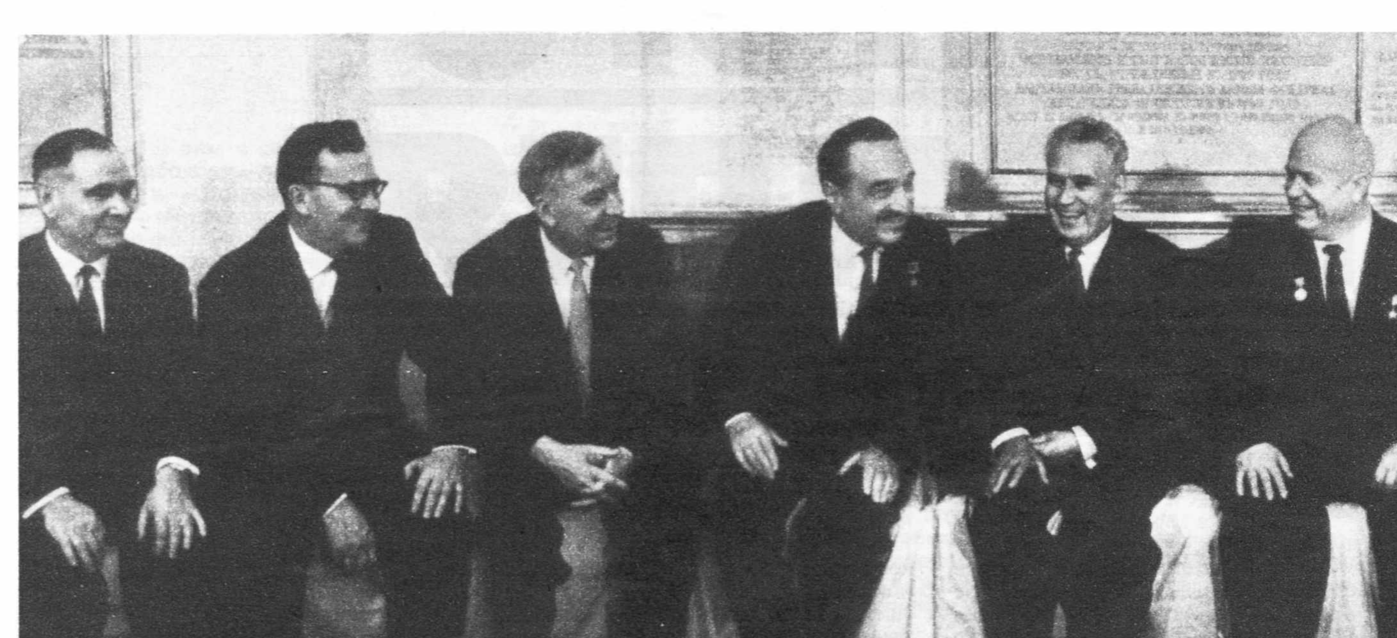
В середине пятидесятых годов, развивая в рамках СЭВ кооперацию в производстве ряда промышленных изделий, мы передали польской стороне технико-экономические данные по самолету сельскохозяйственной авиации «Ан-2». При этом была оговорена твердая цена на поставки в СССР этой машины. Хрущев помнил цену. Просматривая данные о закупках самолетов на текущий год, Никита Сергеевич обратил внимание на то, что количество закупаемых самолетов резко уменьшено. Вызвал к себе министра гражданской авиации Логинова. Тот сообщил, что ассигнования министерству не урезаны, но польская сторона повысила цены на самолет. Хрущев поинтересовался, чем это вызвано. Министр ответил, что польские товарищи решили больше платить рабочим своего авиационного завода. Никита Сергеевич соединился по телефону с Лесечко и попросил передать польским товарищам, что договорную цену надо держать, тем более что лицензию мы передали безвозмездно. «У нас,— сказал он,— тоже есть рабочие, о которых правительство должно заботиться, равно как о крестьянах, а ведь повышение цены на самолет вызовет новые издержки и в нашем сельскохозяйственном производстве...»

В дачном поселке, где поселился пенсионер Хрущев, проживал и Лесечко. Его смущало присутствие опального Хрущева. Как-то увидел Никиту Сергеевича, идущего к небольшому кинозалу, и быстренько ретировался. «Давайте повернем и мы,— сказал Хрущев,— боится, что я заведу разговор о его выступлении на Пленуме. Он-то знает, как было дело, для чего вылез врать — не понимаю». Никак не комментировал «бегство» Лесечко. Правда, с тех пор в кинозал ни разу не ходил. Лесечко, по-моему, тоже. Оба лишили себя хоть какого-то воскресного развлечения.

История с Лесечко банальна. А сколько вовсе не банальных, а скорее парадоксальных открытий подбрасывает нам жизнь!

Довольно часто мне приходилось общаться с Юрием Владимировичем Андроповым. Он был тогда секретарем

Соратники: А. Б. Аристов, Г. И. Воронов, Н. Г. Игнатов, А. И. Микоян, Ф. Р. Козлов, Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев,

ЦК. К нему с большой симпатией относились и Хрущев, и Брежнев. В 1962 году Андропов и я были среди сопровождавших Брежнева в его поездке в Югославию, а затем на исходе года, уже в декабре, когда маршал Тито посетил нашу страну, мы вместе с Андроповым и заместителем министра иностранных дел Фирюбиным отправились с югославской делегацией в Волгоград.

Когда маршал Тито и его сверхгостеприимный хозяин секретарь обкома партии Школьников решили задержать отъезд в Москву и продолжить ужин, перешедший уже в ночные посиделки, Юрий Владимирович сказал: «Еще час таких мук, и мне крышка». Под каким-то предлогом мы уехали к поезду и там дожидались маршала Тито. Уже тогда Андропова сопровождал врач. Я понял, что Андропов тяжело болен. Он мужественно скрывал свое недомогание.

Юрию Владимировичу полегчало. Как-то само собой возник разговор о театральных делах, о терпимости властей к деятелям культуры. Андропов открылся мне в те минуты с неожиданной стороны. Меня всегда восхищал его трезвый, спокойный ум. Он умел умно молчать, никогда не предавался паническим и тем более паникерским настроениям. А тут его будто прорвало. Он считал, что нельзя быть благодушным, когда «разбалтываются» идеологические устои, резко говорил о многих писателях, актерах и режиссерах. Не стану перечислять фамилии, ибо этот «гнев Андропова», когда через несколько лет он стал Председателем КГБ, стоил им дорого.

Мне казалось, что в Андропове накрепко засела «венгерская история». Юрий Владимирович был послом в Венгрии в 1956 году, и кровавые картины тех событий наложили жестокий след на его воззрения. Должен сказать, что такой активный, даже желчный консерватизм соединялся в нем, в его размышлениях о перспективах наших отношений с социалистическими странами со вполне здравыми и четкими представлениями о необходимости трезвых, реальных взглядов на социалистический мир и на неизбежные перемены. Андропов был, конечно, крупным политиком, со своим стилем в размышлениях и действиях, но, думаю, что его нельзя было бы назвать радикалом, а его демократизм очерчивался строгими рамками.

Как бы там ни было, но Андропов представлялся мне человеком, неспособным действовать за спиной. Но недавно я узнал факты, от которых не уйдешь.

Отставка Хрущева была предрешена не на самом Пленуме и даже не на заседании Президиума ЦК. Всему этому предшествовали тайные переговоры со многими высшими руководителями партии.

Вот свидетельство Г. И. Воронова. Оно записано на видеопленку.

За несколько дней до вызова Хрущева с Пицунды член Президиума ЦК, Председатель Совмина РСФСР Воронов неожиданно получил приглашение Брежнева отправиться на охоту. После охоты Брежнев, Андропов и Воронов сели в одну машину. «По дороге в Москву,— рассказывал Воронов,— и состоялась беседа о предполагаемом смещении Хрущева, о том, что все уже высказались «за». Кто эти «все», Воронов понял по списку, который представил Андропов. Против многих фамилий Геннадий Иванович увидел крестики и понял, что он практически последний член Президиума ЦК, «несговоренный» на смещение Хрущева. Андропов добавил: «Если Хрущев заартачится, мы покажем ему документы, где есть его подписи об арестах в 35—37-х годах».

Могу только предположить, точнее, хочу верить, что Андроповым двигали какие-то серьезные мотивы. А может, случилось и так, что Брежнев сумел провести даже такого аналитичного человека, как Юрий Владимирович? Тогда отчего Андропов так жестко проводил не самую гуманную линию, а скорее сталинско-брежневскую в отношении интеллигенции? Вопросы, вопросы...

Когда Хрущев вернулся с последнего в своей жизни Пленума ЦК, он сказал близким одну фразу: «Они сговорились...» Микоян, приехавший вместе с Никитой Сергеевичем (они жили рядом в особняках на Ленинских горах), добавил, когда Никита Сергеевич ушел: «Хрущев забыл, что при социализме тоже может вестись борьба за власть...»

Сейчас я думаю, что Хрущев об этом никогда не забывал, сам не раз боролся за власть, в 1953 году, решившись на арест Берии сразу после смерти Сталина, в июне 1957 года, когда против него пошла «семерка» просталинистов — Молотов, Маленков, Каганович, Ворошилов, Булганин, Сабуров, Первухин — а за продолжение курса XX съезда стояли лишь три члена Президиума ЦК — он, Хрущев, Микоян и Кириченко, первый секретарь ЦК партии Украины. Они добились поддержки членов ЦК. Наверное, было в его жизни немало других сложных обстоятельств. Однако Хрущев проявлял бесстрашие и напор, когда, с его точки зрения, сражаться приходилось не за себя, а за дело.

Мы мало ведали, да и сейчас не ведаем, как течет жизнь в коридорах власти. Недавно Гришин, парируя напрасные, как он считает, упреки в свой адрес, написал, что в апреле 1985 года все шло гладко. Лидера партии избрали единодушно. Так ли это? А что было в марте?

Цитирую высказывания на этот счет Е. К. Лигачева на XIX партийной конференции.

«И на самом верху происходило нравственное разложение, безудержно шло восхваление тогдашнего руководства страны. **Над партией нависла грозная опасность** (подчеркнуто мной)...

И вот пришел — не апрельский, заостряю ваше внимание,— пришел мартовский Пленум ЦК 1985 года, тот Пленум, который решил вопрос о Генеральном секретаре ЦК. Надо сказать всю правду: это были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая реальная опасность...»

Опасность нового заговора? Не праздный вопрос, и отнюдь не невинны разночтения во мнениях В. В. Гришина и Егора Кузьмича Лигачева. Что касается меня лично, то я больше верю заявлению Лигачева...

Исчерпал ли себя Хрущев как политический деятель, этот ли факт явился причиной его мгновенного изгнания?!

Те, кто близко видел Хрущева на работе и дома, чувствовали, что в нем уже произошел или происходит тот надлом, та перемена, которые особенно резки в натурах энергичных, властных, самоуверенных и чаще всего свидетельствуют о непомерной усталости. Хрущев, по-видимому, начал понимать, что решить нараставшие негативные тенденции в экономическом и социальном развитии прежними, аппаратными подходами и приемами, которыми он пользовался, невозможно. Отыскивал ли он новые пути?!

Вопрос это принципиальный.

Во второй половине 1963 года Петр Нилович Демичев, бывший в ту пору секретарем ЦК, показал мне письмо харьковского профессора Евсея Григорьевича Либермана. Письмо, точнее сказать, заметки экономиста были предельно острыми. Профессор Либерман обращался к Хрущеву с дерзостным по тому времени предложением глубоко и серьезно взвесить суть экономических принципов, лежавших в основе нашей экономической доктрины, отбросить ее догматические установки, перестать тратить энергию народного труда впустую и обратиться к проверенным мировой практикой принципам материальной оценки результатов работы человека: хозрасчету, товарно-денежным отношениям, пониманию сути прибыли и ее роли в системе социалистического хозяйствования.

Демичев колебался: показывать ли письмо Хрущеву? Все же решил передать бумагу Никите Сергеевичу. Ждали. Какой будет реакция Хрущева? Достанет ли ему знаний, сил, смелости, хотя бы прагматического понимания поставленных проблем?

Вскоре статья профессора Либермана была напечатана в газете «Правда». Экономисты знают, какой взрыв недоброжелательства, тайного и явного брюзжания, вызвала она в определенных кругах политэкономов-догматиков, какие разгорелись страсти. Но эти же люди ведали, откуда исходит инициатива. «Похороны» идей Либермана, как и многих других новаций, запущенных в годы «реформы Косыгина» в 1965 году, состоялись довольно скоро. Косыгин, поддержавший Брежнева в момент свержения Хрущева, скоро понял, что он попал совсем не в ту компанию. О косыгинской реформе постарались забыть. Во многом и потому, что она никак не вписывалась в структуры административно-приказной системы управления экономикой, на которую был сделан главный расчет. С каждым новым годом брежневского правления становилось яснее, что строительству «сталинского социализма» дается зеленый свет. Возвращался не только сталинизм, сталинщина, но и образ Отца и Учителя, под сенью которого не только Брежневу, но и многим его соратникам удобнее всего было находиться.

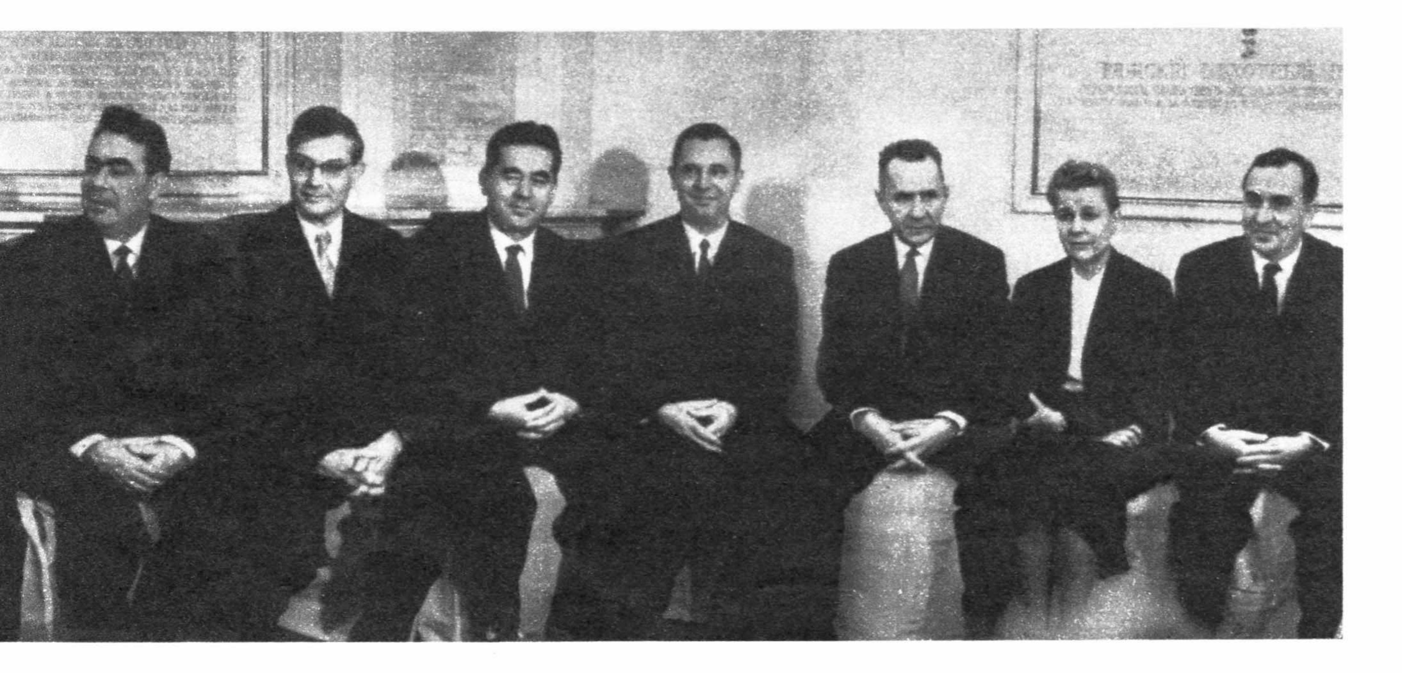
Хрущев тоже не раз говорил о своей глубокой вере в идеи вождя, в его способность вести страну к коммунизму. Хрущев и сам всю сознательную жизнь строил именно коммунизм. Это было его убеждением, верхом его представлений о народном счастье, о человеческом благополучии, о многом, чему он, донбасский рабочий, отдавал энергию. Он был выпестован сталинской системой, но, будучи натурой истинно народной, совестливой, если хотите, простодушной, откладывал в своем уме и сердце те наблюдения, которые позже вылились в его протест, его решимость сказать правду о Сталине. Так он пришел к XX съезду.

Энергия его последующих действий расходовалась безоглядно, и все больше запутывались, не давали отдачи многочисленные новации Хрущева. Становилось ясно, что до коммунизма очень далеко и что догнать Америку не так просто. Хрущева называли «волюнтаристом», прагматиком, последним романтиком, однако мы никак не приступили еще к взвешенной оценке всех тех «плюсов» и «минусов», которые дало нам то время. Сделать это стоит по многим причинам. Уж слишком въелись в наше сознание некие негативные стереотипы, мешающие понять, извлечь уроки на будущее. В том числе и урок октября 1964 года.

Как редактор «Известий», я хорошо знал атмосферу, которая создавалась вокруг Никиты Сергеевича в последние годы. Она была просто удушающая. Очень трудно давался любой шаг к смягчению нервозности и самого Хрущева и в особенности его окружения. Мне передавали, что даже растущий тираж «Известий» воспринимался Сусловым не иначе, как результат «мелкобуржуазного» заигрывания с читателями. Мой заместитель Гребнев, человек осторожный, очень уговаривал меня не нажимать на подписку, снизить ее, «не высовываться».

В большой статье Анатолия Агранов-

М. А. Суслов, Н. А. Мухитдинов, Д. С. Полянский, А. Н. Косыгин, Е. А. Фурцева и В. В. Гришин.

2. «Огонек» № 41.

ского мы дали высокую оценку фильму «Девять дней одного года», а «Правда» картину разнесла. Встретившись с главным редактором «Правды» Сатюковым, я даже не спросил его о причине наскока на фильм и нашу газету. Знал, что в ответ он только разведет руками.

Перед посещением Хрущевым выставки в Манеже, посвященной 30-летию МОСХа, поставили целый спектакль.

По указанию из Отдела пропаганды ЦК по пожарной тревоге подняли команду «быстрого реагирования» — главных редакторов ряда центральных газет. Сообщили, что в маленькой библиотеке, где-то в районе Таганской площади, проводится «подпольная» выставка абстракционистов. Мы отправились выяснять, сокрушать, но выставку уже прихлопнули. На двери библиотеки висел амбарный замок. На следующий день новое паническое известие. В гостинице «Юность» открывается подобная экспозиция. Приехавший в Москву из Америки брат писателя Маршака станет скупать там работы наших авангардистов. И снова грозные фразы Суслова в адрес газетчиков: отчего дремлют, «прекратить!».

Возле гостиницы «Юность» мы ничего особенного не увидели. Кружились там несколько иностранных корреспондентов.

Незадолго до описываемых событий я, надо сказать, к своему изумлению, понял, какими сложными путями плетется интрига вокруг некоторых идеологических проблем. Издательство «Известий» вело выпуск книг в автономном режиме, наша газета не отвечала за подбор литературы. Но тут мне попалась на глаза верстка книги Вучетича — его размышления об искусстве, времени и т. д. Познакомившись с версткой, я пришел в ужас. Все в этой книге источало раздражение по поводу перемен, происходивших в стране после XX съезда. Обозреватель газеты В. Гольцев, который вел эту книгу, не советовал мне «связываться» с Вучетичем. Но мы все-таки рассыпали набор. И тут я почувствовал справедливость предостережений В. Гольцева.

Цепочка от Вучетича тянулась к заведующему Общим отделом ЦК Малину. Фигура Малина в партийно-бюрократической иерархии была значительной. Он имел прямой выход на Хрущева. От Малина к маршалу Чуйкову, которого еще по Сталинграду хорошо знал Никита Сергеевич. Чуйков не раз звонил Хрущеву по «литературным вопросам», сообщал о неблагополучии: «Не туда ветер дует, Никита Сергеевич». В каком-то нервном разговоре с редакторами Хрущев так и сказал нам: «Хороши пропагандисты, даже маршал Чуйков замечает, что у нас уже не оттепель, а слякоть».

А что же сам Хрущев? Неужели не способен был к взвешенному анализу всей суммы явлений? Не чувствовал, кто и зачем взвинчивает обстановку? Самое простое объяснение — не был образован, плохо разбирался в искусстве, литературе, все больше проступали в нем черты культовой неуправляемости и т. д. И да, и нет. Напомню, что в конце жизни, уже на пенсии, Никита Сергеевич все обдумал, взвесил и пришел к нелегкому для себя выводу: он в этих вопросах ошибался, не проявлял необходимого терпения. Хрущев извинился перед теми литераторами, кого сильно задел своими разносами на совещаниях.

Хрущев многое сделал, чтобы вырваться из цепких объятий бюрократического аппарата. Как мог, «урезал» его влияние. Отменил немало привилегий: дополнительные денежные конверты, персональные автомобили, бесплатные санатории, бесплатные воскресные пайки и т. д.,— но он не сломал, не мог сломать пирамиду Системы, воздвигнутой Сталиным. Мы видим, что и сегодня, когда эта Система завела страну в тупик, сражение с ней идет очень непросто. Обвиняя Хрущева, оглянемся вокруг.

Летом 1964 года Никита Сергеевич совершал последний визит в зарубежные страны. На его пути лежали Дания, Швеция, Норвегия. Было что-то грустное в этой поездке Хрущева, хотя и текла она в солнечные дни. Когда турбоэлектроход «Башкирия» входил в стокгольмский порт, прогремел пушечный салют. Хрущев спросил: «Чего они палят?» Кто-то из протокольной службы с подобострастием сообщил Хрущеву, что так приветствуют глав государства. Этот товарищ позже рассказывал, как тяжело дались ему переговоры насчет салюта, шведы не хотели стрелять, поскольку премьер-министр Хрущев не был с протокольной точки зрения главой государства. Никита Сергеевич не дождался конца пальбы и ушел в каюту.

Когда Никита Сергеевич уезжал из Швеции, состоялся прием в честь шведского премьера Эрландера — социал-демократа (во время личных переговоров они были с Хрущевым на «ты»). Эрландер вышел из гостиницы, подозвал мальчика в униформе, дал ему монетку. Мальчик подвел Эрландеру велосипед. Садясь в седло, Эрландер сказал Хрущеву: «Приходится экономить бензин, и для здоровья полезно»,— и укатил вместе с другими велосипедистами.

Было видно, как глубоко действовали на Хрущева подобные факты. Не только в Швеции, но и в Дании, Норвегии.

Кто знает, что говорил своим коллегам по Президиуму ЦК Никита Сергеевич, как он оценивал эту отнюдь не показную скромность лидеров отнюдь не самых бедных стран мира. Но однажды он распорядился подать ему для поездки на работу в Кремль не огромный черный лимузин, а «Москвич». Представляю, как честили «дурость Никиты» те, кто уже завершал подготовительные работы для его смещения...

Личная драма Хрущева, в силу положения этого человека в партии и стране, вплелась в куда более сложную драму времени и тех, кого сегодня называют детьми XX съезда.

Перед поездкой на юг в октябре 1964 года Хрущев выступал в ЦК на довольно большом совещании. Выглядел растерянным. Семилетний план трещал по всем швам. Система не срабатывала. Хрущев не знал тогда, что уже не первую неделю в магазинах создается искусственный дефицит на многие товары первой необходимости, котел общественного недовольства прогревался вовсю. Он очень рассчитывал на принятие в первых числах ноября проекта новой Советской Конституции. Краткой, решительной и смелой. В том варианте, с которым я был знаком, отменялась паспортная система с пресловутым пятым пунктом, устанавливался срок пребывания на высших государственных постах — 5 лет и еще пять, если при тайном голосовании кандидатура получит на заседании Верховного Совета не менее двух третей голосов. Разрыв со сталинизмом обретал конституционную основу. Смог бы Хрущев преодолеть себя, наступило бы у него «второе дыхание» для более обдуманных, системных действий, для выработки программы переустройства общества? Я однозначно отвечаю — нет, Хрущев не смог бы этого сделать.

Тогда о чем же разговор? Выходит, правы те, кто удалил его на покой, и так ли уж существенно, каким способом это было сделано. Опыт перевода на пенсию персоны столь высокого ранга тоже поучителен. Однако важно знать, во имя чего? Важно понять метод и цели.

Недавно со мной встретились мои коллеги — китайские журналисты, принесли мою книгу «Те десять лет», только что изданную в КНР. Коротко суть наших бесед свелась к изменению взглядов китайской общественности на роль Хрущева как политического деятеля. Теперь в Китае, во всяком случае, для определенных кругов экономистов, историков, политологов, Хрущев не «ревизионист номер один», не бесшабашный волюнтарист, а один из первых лидеров коммунистического движения, кто понял и начал реформистскую деятельность. Эти новации Хрущева, считали мои китайские собеседники, пусть противоречивые сами по себе — иными их трудно было ожидать в то время и с теми людьми,— обозначили неминуемость краха административно-приказной системы, невозможность воздвигнуть здание современной экономики на базе сталинского представления о социализме. Не эта ли реформаторская деятельность, надлом закостенелых конструкций в пирамиде власти озлобляли то близкое окружение Хрущева, которому все больше мешали энергия и напор Никиты Сергеевича? Мечта о спокойствии и стабильности превысила самые элементарные требования о демократических переменах.

В октябре 1964 года цель скрылась, но стала ясной очень скоро. Она обозначилась не новыми горизонтами, а возвращением в сталинское прошлое. Она обрекла наше общество на двадцатилетнее прозябание. Слишком уж мягковато словечко «застой» для всего того, что за ним скрывается. Легковесны нынешние размышления тех, кто ждал от Брежнева и Суслова нового рывка вперед по пути XX съезда. Простодушие не должно быть свойственно людям, занимающим высокие посты в партии и государстве.

Часто меня спрашивают: «Сказал ли Микоян там, на Пицунде, все, что ему стало известно от сына Хрущева и охранника Игнатова Галюкова о заговоре? Не испугался ли Анастас Иванович выложить правду, оберегая себя от мстительных заговорщиков?» Я однозначно отвечаю: «Нет, Анастас Иванович обсудил с Хрущевым все». Я рисую в воображении картину их неспешного вышагивания вдоль моря, и мне кажется, слышу их голоса: «Не стоит бороться. Нам уже не поднять всей этой громады...»

Заключая свою речь на своем последнем совещании в ЦК, Хрущев сказал:

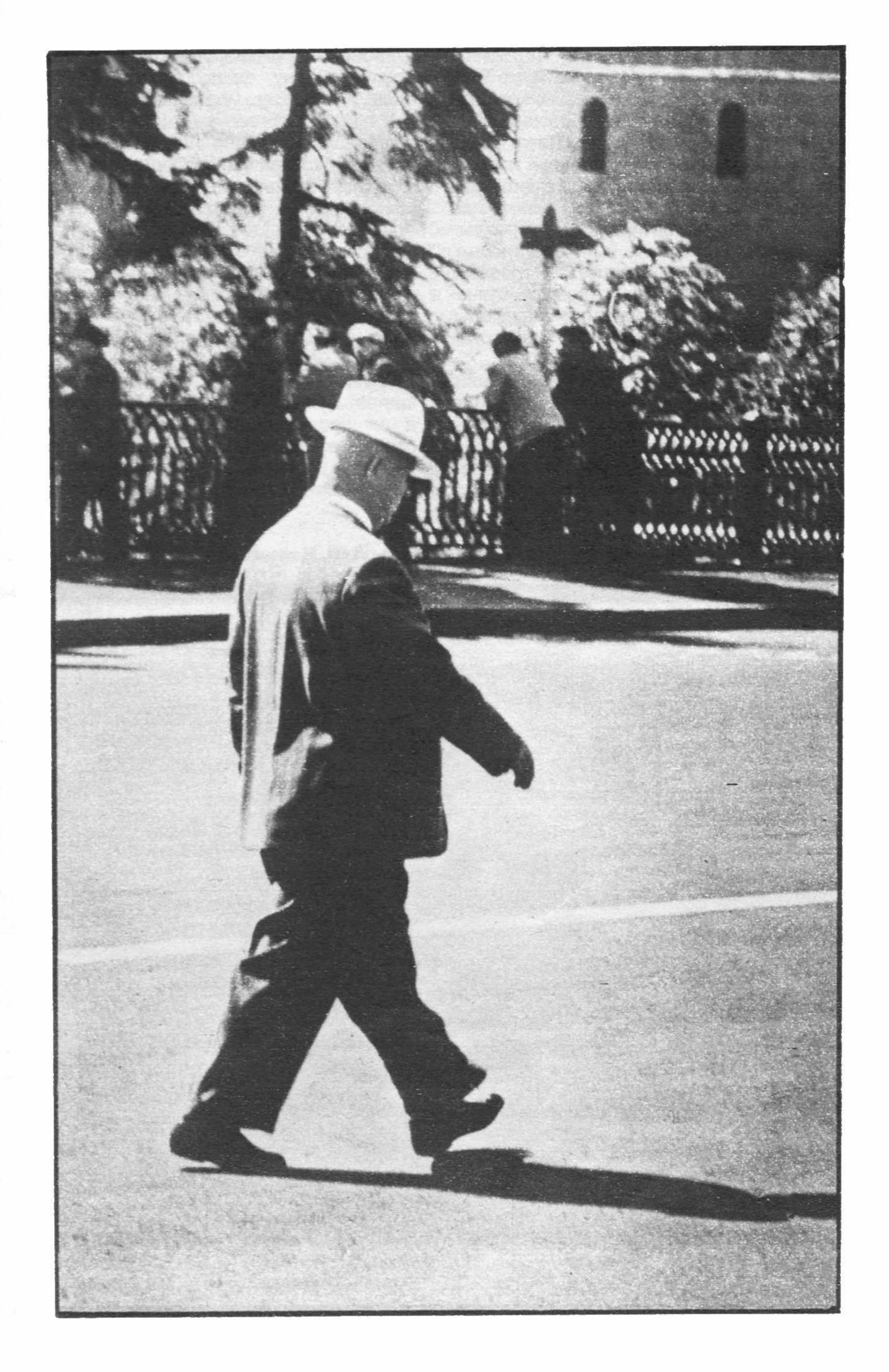
«Нам надо уходить, дать дорогу молодым». Я не просто запомнил те слова на совещании, но записал их.

Эта фраза, по-видимому, стала роковой...

Через несколько дней после смещения Хрущева председатель КГБ В. Е. Семичастный получил наконец вожделенное воинское звание, стал генерал-полковником. Хрущев отказывал ему в этом.

Теперь многие не любят вспоминать о том, как все происходило, говорят даже о всенародной ненависти к Хрущеву.

Не мечтает ли кто-нибудь и сегодня стать генералом, а то и маршалом? На нашей памяти такое случалось. Чтобы этого не произошло, нужно сделать многое. И в том числе определить: чем же был октябрь 1964 года?

РОВЕСНИЦА ВЕКА

Переполненный зал МАИ стоя приветствовал Нину Николаевну Берберову, хрупкого рыцаря истины, хранительницу русской культуры и кристального языка — умного и жемчужного. Сбор от вечера шел в фонд вдов писателей, репрессированных в нашей стране.

Думал ли я, навещая ее профессорскую келью в Принстоне в 60-е годы, под косым взглядом блюстителей устоев соцреализма,— думал ли я тогда, что ее кристальная проза выйдет у нас миллионным тиражом и что толпа московских поклонников будет штурмовать ее машину, протягивая самодельно склеенные книги ее?

Учитель мой — твой чудотворный
гений
и поприще — волшебный твой
язык...—

прочитав на вечере эти ключевые строки Ходасевича, Нина Николаевна говорит и о себе. Аудитория не отпускает ее. «Как Вы сохранили такой чистейший язык?» Ответы были полны аристократического демократизма.

Предлагаю читателям подборку стихов разных лет Нины Берберовой.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Нина БЕРБЕРОВА

* * *

Д. К.

За погибшую жизнь я хотела
любить,
За погибшую жизнь полюбить
невозможно.
Можно много забыть, можно много
простить,
Но нельзя поклониться тому,
что ничтожно.

Эта гордость моя не от легких
удач,
Я за счастье покоя платила немало:
Ведь никто никогда не сказал мне
«не плачь»,
И «прости» никому еще я
не сказала.

Где-то пляшет под флейту на палке
змея,
Где-то слепо за колосом падает
колос...
Одиночество, царственна поступь
твоя,
Непокорность, высок твой
безжалостный голос!

1933

ПАМЯТИ З. Н. ГИППИУС

Я десять лет не открывала старой
Коробки с письмами ее. Сегодня
Я крышку подняла. Рукою тонкой
Вот эти бледные листы она
Когда-то исписала мне на радость.
Там бабочка случайная дремала,
Среди стихов, среди забытых слов,
Быть может, пять, быть может,
десять лет...
И вдруг, раскрыв оранжевые
крылья
(Напомнив рыжеватость тех волос),
Она из тьмы ушедших лет
вспорхнула
И в солнце унеслась через окно,
В лучистый день, в лазурное
сегодня.
Как будто камень отвалила я
У входа в гроб давно глубоко
спящей.

1950

* * *

Ребенок маленький лепечет
О том, что больше Бога нет,
И люди говорят при встрече:
— Кто выдать мог ему секрет?

Секрет прополз в воображенье,
Секрет прокрался в сладкий сон,
Оттуда не исчезнет он,
От сна не будет пробужденья.

К чему кощунственный намек?
Храните лучше тайны ваши!
Ведь от Моления о Чаше
Еще остался черепок.

1956

ВЕТРЕНАЯ ГЕБА

Все должно быть немного
не в фокусе,
Говоря как бы: На-ко-ся,
выкуси!

I

Я проливаю кубок громкий
Из туч и молний на авось:
Пусть ваши ведают потомки
(Своих иметь не довелось),

Что лучше быть знакомой Зевса,
Чем из толпы смотреть парад.
Как я была не рада Марксу,
Не будет рад мне самиздат.

Мой друг явиться отказался
На приглашение богов,
Он, кажется, больным сказался
И ужинать у них не мог.

Меня туда не пригласили,
Я, разумеется, пошла,
И там, на ложе белых лилий,
Голосовала и спала,

И тайну чудную узнала
(Громокипящий их секрет),
Она вас удивит немало:

Бессмертья нет. Бессмертья
нет.

1975

* * *

Летит на солнце легкий пух
По воздуху, в зеленой роще.
Ты знаешь: мыслящий лопух,
Он тоже ропщет, тоже ропщет!

Когда души и моря нет,
Откуда быть морскому пенью?
А тростнику, ему сто лет,
И научился он смиренью.

Тот, у кого хороший слух,
Услышит шорохи и шелест
В овраге, там, где мох и вереск:
То ропщет мыслящий лопух.

1975

ПРЕДСМЕРТНЫЙ ДИАЛОГ

— Когда-то ты билет вернуть
С поклоном собирался Богу,
Но мы возьмем его в дорогу:
Он может сократить нам путь.

— Но если правда Аушвиц был,
И был ГУЛАГ, и Хиросима,
Не говори: пройдемте мимо!
Не говори: я все забыл!
Не притворяйся: ты там был!

— И вот проходим мы незримо
Мимо окошка, мимо, мимо
Той кассы, где лежит секрет.

— Там некому вернуть билет.

1983

Рано ушедший молодой поэт Володя Шленский когда-то познакомил меня с белокурой русалкой — одесской поэтессой Инной Богачинской. Ныне она работает в Университете Рокфеллера. Темп современной жизни, компьютерские будни сочетаются в ее стихах с размашистой манерой жизни и рифмовки.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Инна БОГАЧИНСКАЯ

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

«Смерть самых лучших выбирает
и щелкает по одному».
Владимир ВЫСОЦКИЙ

...Мы — поколение болтиков
Без имени и без места.
Наших отцов оболганных
Вернули нам лишь посмертно...

Мы — поколение возраста,
Не приходящего в старость.
В отравленных порах воздуха —
Токсины атомных станций.

Мы — поколенье молчальников,
Средь тонны опусов пресных,
Если уж нас печатали,
То с оглушительным треском.

Мы — поколенье заочников.
Сизиф против нас — снежинка.
Мы — поколение очереди
За хлебом. За справкой. За жизнью.

Мы — поколенье отшельников,
Вжатых в себя, как улитки.
Разве у нас отношения? —
Комплексы и конфликты.

Мы — поколенье, которое
В лозунгах сплошь и подделках.
При нас обнажали историю,
Как продажную девку.

А мы у столба позорного
От славословья глохли.
И жизнями нашими сорванными
(А это почище, чем глотки)
Из репродукторов совести
Захлебывался Высоцкий.

...Для тех, кто с душами голыми,
Всегда наготове топор.
Лишь с достойных слетают головы,
Растоптанные толпой.

* * *

...Слова — волнорезом в гортани.
Пробьются — и напрочь ослепнешь.
А я в вашей жизни останусь
Летающим млечным объектом,
Пускай не опознанным вами...

* * *

Эта млечная рваность небесной материи,
Эта горькая жженость на ткани земной,
Эта хрупкость нирваны
И бездна безверия —
Мне одной.
Я тебя
вывожу из себя,
как инфекцию,
Как навязчивость, спазм, аллергию и корь.
Мне пропишут рецепт.
— Опоздали,— отвечу я.
Мне уже не поможет рецепт никакой.
Где так часто комичность
в союзе с трагичностью,
Где кармический рок
нас хранит и казнит,
Мы злословьем, и спиртом,
и спесью напичканы
В этой клинике неизлечимой грызни.
Мы крадем у себя, а ругаем
грабителей.
Нашу сущность и суетность
комплекс сковал.
Мы вернемся под занавес
в те же обители
И, усталые, сбросим пробитый
скафандр.
Эта жженость, и жалость, и жадность,
и жертвенность.
Этот райский
раствор слепоты голубой.
Это — быть!
Непохожей. Безмерной. Отверженной.
Но — собой.

12 мая 1926 года в центре Москвы, на скамейке Тверского бульвара, покончил с собой писатель Андрей Соболь.

Спустя несколько месяцев (№ 1 журнала «Звезда» за 1927 год) появилась большая статья о нем, озаглавленная «Человек из паноптикума». В статье этой (она потом даже вышла отдельной брошюрой) говорилось, что Андрей Соболь «фигура не менее типичная, чем Сергей Есенин», а самоубийство его объяснялось так:

«В своих «Записках каторжника» (в другом издании — «На каторжном пути») Соболь пишет: «Не будем говорить о ненависти». Это как раз и есть то самое, что повело писателя по ложной дороге, это и есть то самое, что довело писателя до полнейшей опустошенности. В революцию можно было идти и должно было идти только с огромной, горящей ненавистью и с такой же большой любовью. Ненависть надо было обратить на врагов, а на друзей — любовь. А Соболь шел как-то мимо всего этого. Ему не важно было: друг это или враг. Для него важна была человеческая душа, потерпевшая крушение... Впереди себя Соболь не видел ничего бодрящего, зовущего и радостного. И, осмысливая трагическую его смерть, нельзя не прийти к выводу, что иначе он поступить не мог».

Выходило, что Соболь покончил с собой правильно, что ему так и следовало поступить, поскольку он, как выразился об одном своем герое Михаил Зощенко, «не попал в ногу современности». (Такие «проработки» писателей-самоубийц в те времена были в порядке вещей. Так же «воспитывали» уже покойного Есенина, а потом — покончившего с собой Маяковского.)

Доля истины в вульгарном объяснении «Звезды» была. Андрей Соболь действительно не хотел быть певцом ненависти, то есть и в самом деле был завзятым, как стали говорить позже, абстрактным гуманистом. Не исключено, конечно, что он действительно не видел впереди «ничего бодрящего, зовущего и радостного». Но непосредственным поводом к самоубийству послужили другие, более конкретные обстоятельства.

Трудно, почти невозможно проникнуть в психику человека, решившегося, по выражению Достоевского, вернуть билет Творцу. Самоубийство — всегда загадка. Но по крайней мере одна из причин и, по-видимому, главная, толкнувшая Андрея Соболя на самоубийство, более или менее известна.

Он родился в Саратове в 1888 году. В 14 лет ушел из дому, скитался по России. В 1906 году за революционную деятельность был сослан на принудительные работы в Сибирь. В 1909-м бежал, уехал в Швейцарию, начал нелегкую жизнь политического эмигранта. Побывал в большинстве западноевропейских стран. Находясь в Сербии, принял участие в первой мировой войне. В начале 1915 года под чужим именем ему удалось пробраться в Россию. После февральской революции стал комиссаром Временного правительства на Северном фронте. Эту полосу своей жизни он описал в повести «Салон-вагон». Как сказано в Краткой литературной энциклопедии, в ней была сделана «безнадежная попытка примирения двух «правд» и двух революций». (Кстати, эта повесть была довольно беззастенчиво использована Валентином Катаевым в его романе «Уже написан «Вертер».)

По своей партийной принадлежности Андрей Соболь был социалистом-революционером (эсером). Это, в сущности, и явилось причиной его трагического конца.

В 1923 году в «Правде» было напечатано «Открытое письмо» Андрея Соболя, в котором он отрекался от своего эсеровского прошлого.

«В бурные, грозовые годы, прошедшие перед нами, над нами и сквозь нас, — писал он в этом «Открытом письме», — ошибалась, спотыкалась и падала вся Россия. Да, я ошибался, я знаю, где, когда и в чем были мои ошибки, но они являлись органическим порождением огромной сложности жизни. Безукоризненными могли себя считать или безнадежные глупцы, или беспардонные подлецы. В отсутствии глупости и подлости в себе я не нахожу повода для раскаяния. Одни сознают свои ошибки раньше, другие — позднее. Я позднее многих сознал, быть может, потому, что всегда был и оставался социалистом...»

Вряд ли надо объяснять, что «отречение» это было вынужденным. То была пора таких обязательных, вынужденных отречений. Выходцы из других (хотя и революционных и даже социалистических партий — бывшие эсеры, бывшие меньшевики) во что бы то ни стало должны были публично отречься от своих «заблуждений». Тому, кто отрекаться не хотел, грозили Соловки.

Как явствует из приведенной мною цитаты, «отречение» Андрея Соболя, в сущности, даже и не было отречением («В отсутствии глупости и подлости в себе я не нахожу повода для раскаяния».) Он был почти искренен, почти не кривил душой. Но все дело было вот в этом маленьком «почти». Настоящему человеку трудно, невозможно отречься от себя, от своих (хотя бы даже и былых) убеждений, от своей судьбы. Самый факт этого вынужденного отречения Андрей Соболь переживал мучительно и тяжко. «Андрей Михайлович, — говорит об Андрее Соболе в своих мемуарах хорошо его знавший Илья Эренбург, — был человеком болезненным, с обостренно чувствительной совестью...» Вот эта обостренно чувствительная совесть и толкнула его на последний, отчаянный, смертельный шаг.

Незадолго до смерти Андрея Соболя в издательстве «Земля и фабрика» начало выходить четырехтомное собрание его сочинений. Рассказы, которые мы предлагаем вашему вниманию, взяты нами из этого собрания. Рассказ «Мимоходом» из 2-го тома («Любовь на Арбате»), рассказ «Княжна» из 4-го («Китайские тени»).

Андрей СОБОЛЬ

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

КНЯЖНА

Время — 1920 год. Март хотя и южный, но все еще в снежной путанице.

Место — вагон, бывший служебный; два купе разобраны, и получилось нечто вроде салона — не то столовая, не то походная канцелярия.

Мой хозяин — окружной военный комиссар.

За нами разбитые добровольческие отряды; бегут к морю, к английским судам.

Впереди что ни участок, то бандитские группы; неизвестно, где и когда разобранные рельсы скажут нам: стоп.

Я — штатская личность, случайно попавшая в гущу шинелей, донесений, пулеметных лент.

Стреляют и убивают позади, будут стрелять и убивать впереди, и между вчерашним и завтрашним я слежу за бегом минут, часов и, старой деве подобный, гадаю: чет — нечет, смерть — Москва.

Мой хозяин держит путь, я — отдаюсь пути и крепкой руке, руке, что выудила меня, как щепку.

И вот: вокруг меня водоверть.

До вечера в вагоне стучит ундервуд — не понимаю, как, способом каким, будут отправлены все наши бумаги, не знаю, кому диктует их мой хозяин: кругом снег, бандиты, мертвые полустанки, искалеченная телефонная проволока.

Я многого не понимаю.

И прежде всего его — моего хозяина.

Когда-то мы вместе просиживали часами в парижской «Ротонде», когда-то он писал очень нежные стихи о прекрасной несуществующей любви.

Вторая ночь в дороге.

В первом часу поезд опять остановился. За окнами торопливые тени, качаются фонари в смутно очерченных руках, снег в желтых отсветах, глухая ночь за окном.

Не знаю, о чем спорят голоса, кому ночь по плечу и кто в ней властвует,— я вернулся к своей койке.

Вошел мой хозяин:

— Спишь?

Я ни о чем не спрашиваю, но уже по одному тому, как он присаживается к столу и рассеянно пьет холодный чай из чайника, минуя стакан, я догадываюсь, что и эту ночь он провел на ногах.

И в эту ночь — последнюю в его жизни (но об этом в другой раз, потом, когда дойдет черед и до этой присказки) — он присел ко мне и, словно мы только на две-три минуты прервали нашу беседу (а беседу-то мы вели недели полторы тому назад, тоже ночью, когда меня с постели приволокли к нему заложником), сказал:

— И я бы подписал. И я бы приказал: «Уведите его». И знаю: ты бы шел ровно, не спотыкаясь. Ты бы даже не покачнулся. И даже не обернулся бы поглядеть, гляжу я вслед тебе или не гляжу, опустил я глаза или не опустил. А все потому, что ты фокусник. Ты шел бы и твердил себе: «Не оборачивайся, не оборачивайся, покажи ему, как умеют умирать». А на деле выть хотел бы, сапоги красноармейца целовать, лишь бы отпустили. Но ты из кусочков сшит. Потому: надо уметь. А вот кто из всех своих кусочков, кто все свои кусочки расплавил для...

Догорела свеча. Он потянулся было за новой свечкой и — закинул руки на голову.

Мы потонули в темени.

Его давно уже нет в живых, а по сей день я думаю об одном: почему, почему в ту последнюю ночь своей жизни он захотел остаться в темноте,— он, так

жадно полюбивший огонь во всех его видах, во всех его пламенных преображениях.

— Кто поднялся над всеми своими кусочками... Нет, слушай... Ты помнишь — ты спрашивал: где подоплека, как понять ее? Ты был голоден. Я прежде всего накормил тебя. Я ничего тебе не ответил. Как жадно ты ел; тогда ты забыл о своих кусочках. Сытый, ты уже ни о чем не спрашивал, тебе хотелось только спать. Я укрыл тебя шинелью. Как в прежние годы укрывал тебя в нашей комнатушке на rue Gazan, после того как, выпив, ты кричал мне: «Я хочу домой, домой!» И вот ты дома. И ты такой бездомный. И все спрашиваешь, где подоплека. Бедный мой фокусник, бедный мой фокусник, бедный шпагоглотатель! Ты давно подавился, а все твердишь:

И блещет клинок мой и шляпа с пером.

— Бедняга, из шляпы твоей давным-давно сделаны портянки. Когда-нибудь ты увидишь их на раненом красноармейце, если ты захочешь нагнуться к нему, попоить его водицей. Подоплека? Слушай... Вот рядом за стенкой спит мой помощник. Ты его завтра увидишь. Эти дни его трепала испанка, он не выходил. Завтра он встанет. Погляди, погляди на него... После моего рассказа о нем. Я вправе это рассказать. Я хочу рассказать — тебе, моему «бывшему заложнику». Рассказать голо и просто. Ты слушаешь?

И его рука легла на мою руку, легла легко и тяжело одновременно.

Так ложится любовь на душу.

Так легла на меня моя страна, Россия моя.

Он рассказывал:

— Завтра, когда ты увидишь его, ты поймешь, почему прозвали его давно уже «атаманом», еще в 1908 году, когда за собой весь полк повел он — обыкновенный рядовой, слесарь из Мотовилихи. Ах, видно, на Урале хлеба иные и воздух иной. Там вырастают такие плечи и такие сердца. И поймешь, как такой мог, будто походя, и девятилетнюю каторгу перенести, и два побега неудачных, наутек, в тайгу, на глазах конвойных, с дикими избиениями потом, и работу каторжную, месяцами, на амурской колесухе, по колено в воде. На каторге не раз видел смерть близких. Когда пороть хотели — первый травился. Глотал морфий, молча, в углу, на нарах, и уцелел, провалявшись недели две. А встал — опять то же упорство, та же неукротимая воля. Все согнулись — он один не гнулся. Так стояли друг против друга две силы: он и начальник каторги. Тот давил — этот не поддавался. Шел поединок, настоящий, насмерть. Один из них неминуемо должен был погибнуть. И мартовская революция спасла его от возможной смерти на тюремном дворе, на рассвете, меж двух столбов. Красные знамена встретили его в Чите, красным знаменам он отдал себя. Он всегда молчал, но всегда был впереди. Для слов он уступал место другим, для дела он требовал себе опасные места. Мне всегда казалось, что этот человек не умеет ни плакать, ни смеяться. Я завидовал ему, но где-то в глубине своих древних, не изжитых кусочков содрогался: как! Ни слез, ни смеха? Абстракция, обведенная широкими плечами? Голая идея, втиснутая в могучую грудную клетку? Нас на много месяцев спаяла судьба. Потом мы расстались, чтоб вновь столкнуться. И вот я не знал, есть ли у него родные, близкие, живы ли отец, мать. Впрочем, скажи он при мне «моя мать» — я бы подпрыгнул. Есть люди, представление о которых не вяжется со словом «мама». Такие должны отвечать: нет у меня матери, меня тетка чужая родила. Кто родил его в том темном хвойном лесу, откуда он когда-то вышел на опушку?

И за восемь месяцев я не слышал, чтоб он разок хоть рассмеялся. О слезах нечего говорить: плакала земля, слезами исходили селения, города, но не он. И удивительнее всего одно: он не был жесток. Тогда черствели сердца, как корки забытой солдатской хлебной порции. Люди, стиснув зубы, научились рубить, точно мечом, своим «да» и «нет». Маленькие, щуплые, веснушчатые по-звериному подпирались законом: око за око, зуб за зуб.

А он, кудрявый, на две головы выше всех, широкогрудый, вот такой, как рисуют богатыря в степи вольной, молча, именно молча, как-то по-особенному, по-своему отстранял все жестокости, словно они и прильнуть к нему не смели

И увидел я однажды, как в одном маленьком еврейском селении, куда мы явились вслед за белыми, он остановился над трупом рыженькой девочки, изнасилованной и убитой убежавшими добровольцами.

Она лежала возле колодца, в изодранной рубашке; на голом животе кишели золотистые мухи. Он постоял немного, потом медленно стал снимать с себя шинель и, укрыв девочку, внес ее в ближайшую избу. Нес, а лицо его серело. И стало таким, что только тогда я впервые узнал, как может каменеть человеческое живое лицо.

А несколько часов спустя мимо него провели на расстрел двух мародеров, и он даже не обернулся, когда один из них завыл, валяясь в ногах конвоя.

Когда мы заняли город В, «атамана» назначили председателем Чека. Он молча подчинился этому назначению. Он всегда молчал. И без лишних слов он от мокрых полей, ночевок на голой земле перешел в кабинет нелепо богатого барского особняка.

Смерть косила людей, на кровавой ниве люди падали, как колосья в бурю, и, словно между двух межей, он шел посреди жизни и смерти — прямо, не сгибаясь.

Вскоре из центра приехал новый товарищ, посланный для работы в Чека,— Торопова Наташа, девушка лет двадцати пяти.

Худенькая, даже хрупкая — вот-вот перегнется — и пополам, она оказалась крепче и выносливее всех. Когда следили за полковником Пархоменко и его группой, Торопова две недели ни разу не прилегла. Да и заговор-то раскрыла она.

Дурнушка, с чуть раскосыми глазами, она казалась такой же, незаметной, как пепельница на столе предчека. Но стоило ей только улыбнуться, как каждый из нас терялся: не благоговел, не восторгался, не загорался по-мужски, а именно терялся.

Улыбка ее внезапная так же внезапно ударяла и отнимала всякую возможность соображать, понимать, догадываться, искать объяснения непонятному.

Человек терял нить — он переставал ориентироваться.

И я однажды понял: первым, кто потеряет нить свою, будет «атаман».

Я еще мог соображать: другие — давно разучились.

И они сошлись.

И вот все прошло передо мной — и я видел: «атаман» изнемогал от любви, всю свою нерастраченную любовь, всю свою припрятанную жажду своего человеческого счастья он уместил на улыбчивых губах под раскосыми глазами.

Закрываю глаза — и вижу их обоих в бешеной напряженной работе. И их вдвоем наедине — ладонь его, на которой она могла поместиться вся, и крохотную ручку ее, всегда в фиолетовых пятнах от чернильного карандаша, точно гимназисточка, вот только беленького фартучка нет, а каштановая коса переброшена за плечо,— когда удается час-другой отдохнуть на клеенчатом диване в номере бывшей Дворянской гостиницы.

Закрываю глаза — и слышу, как «атаман» поет.

Около года жил с ним бок о бок, вместе убегали, вместе нападали, вместе глядели смерти прямо в переносицу,— и не знал, что «атаман» поет, что любит он русскую, вольную даже в рабстве, песню.

А вот она на пятый день заставила его запеть.

И слышу, как просит она, чуть лениво слова растягивая:

— А я полежу, а я отдохну, а ты спой мне мою любимую.

И любимой песней ее была песня о Стеньке Разине, о княжне персидской, об атамане, что бабой стал.

И хочу, хочу не помнить, а слышу, как говорит она ему — ведь говорила не раз, ведь говорила не два, улыбаясь, все улыбаясь, раскосая, дурнушка,— обнимая, оплетая тугую шею, ставшую податливой.

— Ты — атаман мой. Мой, мой. Сильный, сильный. А я княжна твоя, маленькая, персиянка твоя. Вся в твоих могучих руках. Но знаю, знаю: не бросишь, не кинешь. Любишь? Любишь?

Это все по ночам, как днем товарищам по работе говорила сухо, деловито:

— Ничего, ничего! Берите пример с него. Вот это работник. Только с такими революция победит.

И улыбаясь — опять улыбаясь:

— Я счастлива, что работаю с ним.

И хочу забыть, а в ушах все вьется терпкий шепот ворожбы на реке, ночью, в лодке — любила раскосая быстрый бег лодки по темной реке и, опрокинувшись, утопать в руках «атамана». Как ночь спокойная, нет срочных дел, так «атамана» за руку — и в лодку,— ворожбы неустанной. Ворожбы, потом, потом пересказанной мне, дико и беспорядочно, в неизгладимый июльский день, когда на третий день своего непонятного исчезновения он, молодец из былины, ввалился в мой номер, как мешок, набитый трухой.

И ворожила:

— Ты сильнее всех. Люблю кудри твои. Люблю серые глаза твои. Сверкни ими, сверкни, желанный. А я будто испугаюсь. Милый, милый. Ты точно из песни старой пришел ко мне. Как сладко лежать на груди твоей и так плыть, плыть с тобой. Люблю руки твои. Все пред тобой, как воробьи.

В конце мая на правобережной стороне зашевелились белые — густо пошли вспышки. 26-го они овладели городом Б. 29-го наши вернули его, белые не успели и выбраться по-настоящему. И нашим, среди прочего добра, досталась вся их разведка со всеми делами.

А 30-го «атамана» вызвали к прямому проводу. Уже вечерело. Наташа в нижнем этаже допрашивала арестованных, и «атаман» один ушел в аппаратную. Коротко, быстро стучал стальной карандаш, низко гнулась голова «атамана», все ниже и ниже к белой сумасшедшей ленте, к страшным, к черным, к безумным буквам.

«По документам... захваченным... неопровержимо... что... агент Наташа Торопова... княжна Муравлина... связь с генералом Рыбельским... Захвачено донесение Тороповой — Муравлиной... план организа... Захват... Предлагается»...

«Атаман» рванул ленту.

К себе в кабинет он прошел ровно, словно послушный барабанному счетчику в строю, и только на один миг всем телом навалился на стол, когда, не постучав, как всегда, вошла Наташа.

И он, впервые он, а не она, не запинаясь, предложил ей покататься на лодке, полчаса, двадцать минут, пока вот не соберется коллегия. И только пожаловался на головную боль.

От Чека до берега сажен сто — сто раз улыбнулась по пути раскосая.

Как обычно, только на середину выплыли, Наташа голову положила к нему на колени. Оттого ли, что выехали в неурочный час, оттого ли, что устала на допросе, но лежала Наташа молча.

Потом прикрыла глаза.

И вот тогда тихо окликнул ее «атаман»:

— Княжна!

Она улыбнулась.

— Княжна Муравлина...

Она охнула и, отталкиваясь локтями, стала сползать вниз, вниз. Зажимая ей рот широкой, ставшей железною ладонью, он метнул ее кверху. И, все крепче и крепче надавливая на рот, он с размаху, далеко откинув от себя, швырнул ее в воду.

Где он пропадал два дня, я не спрашивал. Но я догадываюсь: река умеет говорить, а молчаливый человек — прислушиваться.

В день его появления приехал особоуполномоченный, и он увез «атамана» с собой в Москву.

Мы встретились месяцев шесть спустя на южном фронте. Я командовал полком, он был одним из тысячи красноармейцев моего полка. Он стал избегать меня, отворачиваться. Но однажды я столкнулся с ним вплотную: ему не удалось увернуться, и я увидел, что серые глаза его перестали...

В коридоре затопали. В дверь стучали:

— Товарищ комиссар, скорее!

И в ночь, в темень, близко, рядом понеслись выстрелы.

И рука моего хозяина, вздрогнув, еще сильней налегла на мою руку.

Так ложится неиспепелимая любовь на душу.

Так легла на меня ты — моя страна, Россия моя, страна железа и воска.

МИМОХОДОМ

Еще в июне в отряде было человек триста, тачанок десятка два — обоз, честь честью, с обозными.

Гаврюха за интенданта, зарубки делал, вроде приходорасходной ведомости, сколько гимнастерок и штанов увезено с красноармейского склада под Голтой, сколько чаю, бумазеи, хрому и прочего добра бог послал на разъезде двадцатой версты, когда на разобранных рельсах окоченел поезд, передние вагоны кувырком по косогору, а уцелевшие мешочники наутек в лес, и сколько ботинок, сапог да пальто с покойников под обломками.

И максимычи были — пять штук.

Еще к концу июля прибыл гонец от атамана Мурылы, от правобережного, с нижайшей просьбой Днепр перемахнуть, людишек в одно соединить, и не так, чтоб в подчинение, а на правах равных: команда по очереди и дележ пополам.

И Мурыле отвечал Алексей Ушастый, трех сотен начальник и командир над пятью пулеметами (был еще другой Алексей, под Вознесенском, Безухий, кого поймали в прошлом году, обезушили и расстреляли, а оказалось: не дострелили, уполз с красными пулями и выжил):

«Не хочу, потому что я сам по себе, а у меня не людишки, а партизанские революционеры за волю и землю для российского народа против комиссаров и жидов по тайному и равному голосованию, а ты, сукина сволочь, деревни палишь и на карачках в гетманы ползешь. Долой гетманов, офицеров и всякую власть. Ура!»

Диктовал Ушастый, а писал Симеон, из конотопских семинаристов, углем из костра, потухшего, по сосновой доске; доску обстругал Гаврюха...

Гонец доску взял, под рубаху сунул и ускакал, молча, как молча привез письмецо с сургучной печатью и шнурком.

Потом, когда к югу повернули и возле речушки на ночь расположились, Симеон подполз к Ушастому, под кусты.

— Почему ты Мурыле сам не написал, а мне велел?

— Неграмотный я,— нехотя сказал Ушастый и зевнул.— Спи уж, поповна.

— Неграмотный? А у кого записная книжка за голенищем? С карандашиком... А намедни кто в ней все чиркал да чиркал??

Вскочил Ушастый...

Утром двинулись, верст пять отъехали, и схватился Гаврюха: нет поповича — погнал двух в поиски, атамана не спросясь, за что и наказан был Ушастым: в строй отправлен на неделю.

А двое к вечеру нагнали и сапоги Симеона привезли, утопленника.

Ночью Ушастый из-за голенища вытащил записную книжку, исписанную мелким-мелким, бисерным почерком, за пазуху спрятал и усмехнулся: не лезь, Симеон, конотопский семинарист, куда не надо.

В книжке прибавилось.

«Любопытно, до какой степени хладнокровия я дойду? Надолго ли я запомню кусты, речку сонную и пальцы скрюченные?»

К сентябрю от трехсот осталось десятка полтора, пулеметы побросали, когда от курсантов росным утром врассыпную кинулись — обильно напирали курсанты, ночью промоинами обойдя,— немотная ночь и не шелохнулась, когда по мураве поползли красные звездочки, сеть сплетая.

И тачанкам — обозу воинскому — конец пришел: интендант Гаврюха на сосне болтался, высунутым языком иглы лизал.

В комок собранный отряд, в грязи вывалянный, катился к румынской границе.

Боцала — единственная уцелевшая лошадь, Ушастый крепко в седле сидел, а лицо как перчатка замшевая: скулы обтянуты, лоб, губа к губе притянута, и все серое — щеки, глаза, и за пазухой книжка в переплете сером.

К румынской границе — для пятнадцати отдых, водка румынская, девки бессарабские, лепешки кукурузные, а для шестнадцатого только действие третье (первое в Москве!) — харчевня на Днестре, русский офицер в штатском: «Здорово вас потрепали. Ничего, отыграемся», купе в скором на Кишинев, вместе с офицером, отель, салфетки, белье тонкое — после вшей! — чтоб потом опять назад, по степям новороссийским, к грязи, к тачанкам, к перелогам, к ночевкам в лесу, к визгу пуль, к дыму, к крови.

К концу недели уткнулись в железнодорожную насыпь и вдоль пошли; десять верст отмахали — восемь железнодорожных будок обчистили, но маловато: только лук, хлеба немного да крупы ячневой. Ночью деревню обогнули, в овраге притаились: Ушастый разрешил побаловаться, на избы налететь, но с уговором — не убивать и баб не трогать.

Поутру, деревню подпалив, уходил отряд.

Ушастый, стремена напружинив, ждал, пока последний из отряда в лесу скроется, глядел на дым, на снопы огненные и по передней луке пальцами барабанил.

А за лесом, копоть покинув, трескотню крыш, вой бабий и стон мужицкий, повстречали всадника: бугор в поле, а на бугре всадник.

Пятнадцать винтовок одним звяком к плечу, Ушастый коня пришпорил, а с бугра крик:

— Стой! Стой!

И спешился всадник, винтовку на спину перекинул и, руки подняв, к Ушастому.

Окружили: пятнадцать бородачей — все обросли, все в коросте — хриплыми голосами наперебой: «Эй... эй!..» — пятнадцать глоток, пятнадцать бородачей, а посередине, в кругу, мальчик, юноша — безусый, голубоглазый, а в глазах голубых ни страха, ни испуга, ровен взгляд.

А из-под козырька старой казачьей фуражки, выцветшей, каштановая прядь по лбу — кудрявая, в крупных завитках.

— Чей?

— Миловановский.

— Врешь!

По мальчишескому лицу смешок пробежал:

— Спроси Милованова.

— А где он?

— За Брозняками. Семь верст отсюда.

Бородачи расцвели: Милованов близко, еда близко, водки, лошадей дадут.

Гонец не обманул: привел к Милованову.

Хотя водкой не угостили, но лошадей дали: у Милованова на поводу табун целый, лишний.

И Ушастый весь вечер с Миловановым шептался, у костра коньяк пили — командиры! — какими-то бумажками на свету обменивались.

А в провожатые, чтоб с дороги не сбиться и напрямик к Днестру попасть, дал Милованов юнца.

— Дошлый! Золотой паренек!

— Кто он? — спрашивал Ушастый и тяжелым сапогом по углям бил — искры летели, вспыхивали и гасли в темноте.

— А кто знает... Пристал в прошлом годе — и ладно. Парень веселый, хороший парень. Запевало наш. Дай пулемет — с пулеметом справится. Поставь над сотней — сотню поведет.

На рассвете распрощались с миловановскими и тотчас же рысью взяли: тянуло холодком, первая изморозь белым порошком посыпала кончики трав.

Паренек голубоглазый дремал, в седле покачиваясь; сонно сказал:

— Влево, по тропке,— и набок пригнулся; под фуражкой розовело маленькое ухо.

А когда обогрело, паренек запел; пел тонко, приятно, бородачи слушали, Ушастый подсвистывал сквозь зубы,— знакомая песнь, ох, знакомая!

Соловьем залетным юность пролетела...

Расстилалась степь, на горизонте дымило — к Одессе, к синему морю мчался поезд.

В полдень по дороге попалась рощица, темным пятном мелькнула по серой равнине. Ушастый сказал, что можно привалить, велел порядок блюсти, а сам спать завалился, пока похлебка поспеет.

А на привале, когда по роще рассыпались за ягодами да за грибами, бородачи на той стороне наткнулись мимоходом на повозку; в повозке дед старый, девушка с ним, а лошадь пегая на свободе траву щиплет. Деда мигом по рукам по ногам и кляп в рот, а девушку поволокли: по чину и по дисциплине сперва атаману. Ушастый выругался и молвил, что не нужна ему девка.

Девушка лежала на земле; стиснув зубы, хрипела; бородачи стояли кругом.

— Жеребий кидать,— сказал Мотька с серьгой и загоготал; серьга запрыгала.— Кому перво-наперво.

— Пятнадцать душ...— раздумчиво проговорил тот, кто первый повозку увидал. Патлатый, густо волосами поросший.— Выдержит? — И носом шмыгнул.

— Сорок и то! — рванулся Мотька и шапку с себя снял.— Хлопцы... Кто шапку закинет... дальче — тому девка для почина. Моя шапка — моя девка.— И кинул.

Полетела вторая, за ней третья, пятая шапка...

Ушастый тряхнул головой и привстал: вытянул шею, следя, куда шапки ложатся, брови сдвинулись — внимательно следил.

— А я? — близко звякнул молодой голос — и оборвался.

Расталкивая передних, влетел в круг паренек голубоглазый, а уж глаза не голубели — темными были: темнее рощи, темнее фуражки его.

И — только Ушастый заметил — побелели губы, да завиток мокрый прилип ко лбу.

— Кидай! — гаркнул Мотька.

И боком, вкось брошенным кружком, засвистев, полетела фуражка.

Теснясь, отходили бородачи; на руки взяв девушку, голубоглазый шел к рощице, шел и сгибался: тяжела ноша.

— Не волынь! — кричал Мотька вдогонку и следом шел.— Мой нумер, моя очередь... Го!

Очередные переминались с ноги на ногу. Ушастый снова лег — грело солнце, хорошо то спину подставить, то грудь, и Ушастый первый же вскочил, первый стал коня ловить, когда вдруг завопил Мотька, из рощи выбегая:

— Утекает!.. Утекает!.. Братцы! Братцы!..

И наперерез справа кинулся Ушастый — рощу огибая, мчался по степи, на коне чужом, голубоглазый, золотой паренек, и по ветру трепалась синяя юбка, поперек коня.

— Ге-ей... Сто-о-ой!..

Конь уходил... Слева, дугу описывая, неслись Мотька и Патлатый.

Мотька вскинул винтовку...

Когда уж седлали коней, чтоб привал покинуть, и уж с паренька были сняты сапоги и гимнастерка, и Мотька сапоги примерял, а девушка на валежнике не дышала под синей юбкой, накинутой на лицо, последним, пятнадцатым, подошел к Алексею Патлатый и сказал угрюмо, точно из лесной чащобы медведь дохнул:

— Девка.

— Ну...

— Что «ну»? Паренек-то? — девка. Гимнастерку потянули, а глядь...— И повел к убитому.

Подвернув ногу, лежал паренек, покрытый шинелью до подбородка, кудрилась каштановая прядь — золотой паренек на траве отдыхает, вот-вот полуоткрытые губы запоют тонко и приятно:

Соловьем залетным...

Ох, знакомая песня, знакомая!..

Патлатый нагнулся, поднял шинель — и под нею увидел Ушастый край рубашки тонкой, с прошивкой, и грудь — маленькую, упругую, девичью, мертвую.

Долго стоял Ушастый, а лицо как перчатка замшевая — все серым затянуло. И за пазухой книжка серая, и внесла в нее попозже тугожильная рука, но почерком мелким, бисерным:

«Батистовая рубашка... Голову отдаю, что не краденая, своя, а грудь — как у моей статуэтки Бурделя, которую я когда-то проиграл барону Остену. Что еще попадется мне на моем страшном пути? Удивительная все-таки моя страна, Русь проклятая».

Красково под Москвой.
Май — июнь 1922

ЛЕВ САМОЙЛОВИЧ БАКСТ

(1866—1924)

Всемирную славу Лев Самойлович Бакст, конечно же, обрел прежде всего как замечательный мастер оформления театральных постановок. Ведущий художник дягилевской антрепризы в годы «Русских сезонов», создатель декораций к знаменитым постановкам балета «Шехерезада» на музыку Римского-Корсакова, «Жар-птица» Стравинского, «Карнавал» Шумана, «Дафнис и Хлоя» Равеля, «Послеполуденный отдых фавна» Дебюсси и многих других; автор костюмов, в которых танцевали А. Павлова, Т. Карсавина, В. Нижинский, М. Фокин, он поразил и русских зрителей, и затем Запад тончайшим чувством стиля, богатством фантазии, изысканностью цветовых решений. Как справедливо определил сотоварищ Бакста по «Миру искусства» М. Добужинский, вслед за триумфами «Русских сезонов» последовал «общественный поворот вкусов», и он «в величайшей степени был обязан именно Баксту, тем новым откровениям, которые он дал в своих исключительных по красоте и очаровании постановках, поразивших не только Париж, но и весь культурный мир Запада. Его «Шехерезада» свела с ума Париж, и с этого начинается европейская, а затем и мировая слава Бакста».

Работал Бакст также в книжной графике, станковом рисунке и, наконец, в живописи — тут его успехи много скромнее, их известность замыкается в основном отечественными рамками. Но некоторые из картин Бакста заняли свое достойное место в истории русского искусства начала XX века.

Прежде всего портреты. Их немного, они тонки и спокойны, весьма сдержанны по своим изобразительным средствам, ничуть не напоминая феерическое богатство форм и красок декорационного творчества Бакста. Впрочем, большинство этих портретов относится к раннему периоду его биографии, когда до «Русских сезонов» было еще далеко.

Среди лучших картин этого жанра — «А. Н. Бенуа» (1898). Знаменитый лидер «Мира искусства» изображен тут без всякой внешней представительности и импозантности. Скорее перед нами проникновенная и интимная страница из дневника жизни русского интеллигента на рубеже XIX—XX веков.

Бенуа удобно и непринужденно расположился в «вольтеровском» кресле, он самозабвенно, слегка улыбаясь, читает какую-то книгу. На стене висит портрет XVIII века, рядом — повернутые холсты... Богатый и тонкий духовный мир, почти физически ощутимое движение мысли. Вот среда, обстановка, которые окружали «Мир искусства» с его огромным кругом интересов, интеллектуальной утонченностью. По смыслу портрета, основательное и всестороннее знание старой культуры входило, так сказать, в домашний обиход членов объединения. Так что бакстовский «А. Н. Бенуа» — это не только портрет замечательного художника и историка искусства, но и как бы срез определенного слоя духовной жизни эпохи.

По всей своей концепции контрастен «А. Н. Бенуа» бакстовский портрет энергичнейшего инициатора выставок и журнала «Мир искусства», «Русских сезонов» в Париже, одного из самых выдающихся деятелей культуры России и Запада первой половины XX века Сергея Павловича Дягилева (1906). Насколько «тих» и интимен «Бенуа», настолько напорист, остер и блистателен герой второго из этих портретов. Бенуа изображен в небрежно наброшенной домашней куртке, мятых брюках, Дягилев — в безукоризненном вечернем костюме, который, впрочем, он носит свободно и с аристократической небрежностью. Плотно накрахмаленный белый воротник обрамляет слегка вскинутую голову. Властно-небрежным жестом засунув руку в карман, Дягилев смотрит зорко, но несколько рассеянно, словно обдумывая что-то, прежде чем высказать законченное мнение. Всепроникающий артистизм сочетается в нем с огромной волевой силой. Этот человек с седой прядью волос, как-то неожиданно, парадоксом вырывающейся из черной глади прически, поистине предназначен судьбой быть выдумщиком и творцом неожиданных и великолепных зрелищ.

Всем своим блеском и представительностью бакстовский портрет С. П. Дягилева как бы выводит его на общеевропейскую арену. Но есть в композиции одна малая деталь, которая связывает «европеизм» картины с национальной почвой. Это полное жизненной характерности изображение старушки няни на втором плане. Она чувствует себя в этом эффектном интерьере столь обычно и естественно, что понимаешь, как необходима была эта старая женщина и все, что с ней связано, знаменитому деятелю. Это как бы «русский тыл» его жизни и натуры.

...А вместе с тем есть в этой композиции нечто особое, даже таинственное, что не раскроешь простыми описательными средствами. В конце концов при всей выразительности позы Дягилева никакого поражающего воображения сюжетного «хода» тут нет. А вот как-то — бог весть как! — картина внушает представление о неотразимой силе зрелища, которое задумал и вынесет на сцену этот, словно остановившийся на ходу, человек с седой прядью в волосах. Может быть, такое впечатление источает этот наполненный острой мыслью взгляд из-под полуприспущенных век, а может быть, вся картина в целом — намек на выношенное в душе торжество творческой мысли.

Все же мы слишком приучены воспринимать только внешнюю, описательную сторону живописи, не ощущая ее глубоко заложенных внутренних возможностей. Впрочем, вскоре, с 10-х годов, русское искусство будет строить свою выразительность преимущественно на этом внесюжетном, ассоциативном методе.

Л. Бакст был где-то на пути к этому. Чисто ассоциативных произведений он, правда, не писал, но в станковой живописи есть у него работы, где лирический аккомпанемент или символические переносы понятий оказываются решающими факторами. Скажем, в портрете будущей жены художника Л. П. Гриценко (1903) мягкий, призрачный свет, окутывающий фигуру женщины, и ветви ивы чуть поодаль определяют музыкальный строй образа. Эта высокая, худая девушка с неброским, тонким лицом (чью милую простоту только подчеркивает сложная игра складок на огромной — по моде века! — шляпе) кажется сотканной из этого света и одушевленной им. «Скрытая» мелодия живописи стала здесь важнее всего остального.

Сложным иносказанием выглядит декоративное панно «Ваза (Автопортрет)» 1906 года. В глубине композиции видны маленькие фигурки художника и его жены. Но сами по себе они мало что значат, это только намек на автобиографичность повествования. Его основным «героем» оказывается расположенная в центре огромная ваза, до краев наполненная бурыми осенними листьями и черным виноградом. Очевидно, все это панно задумано как символ мощного цветения жизни, в которую уже вползают осенние краски,— восторг и печаль тут соседствуют.

По характеру формального решения панно «Ваза» в полной мере отвечает распространенной в начале века стилистике «модерна», для которого очень характерен такого рода аллегоризм.

Л. Бакст вообще был одним из самых крупных и разносторонних русских мастеров модерна. Наряду с аллегориями и символикой он виртуозно владел столь свойственным этому стилю силуэтным построениями. Наиболее известен среди таких «силуэтных» вещей Бакста «Ужин» 1902 года. Он весь состоит из сменяющихся, четко очерченных планов. Смутно улыбающаяся молодая дама резко повернулась лицом к зрителю — и заплелось ее огромное темное платье, водопадом скатывается желтая скатерть и даже горжетка на спинке резного стула словно бы норовит ускользнуть. Во всей этой текучей игре силуэтов есть что-то от афишно-плакатной эстетики, смыкающейся с бакстовскими эскизами балетных костюмов. Впрочем, в станковых произведениях художника такие стыки редки — «Ужин» представляет собой в этом плане крайнюю точку.

Нередко в своей станковой живописи Бакст стремился к философскому подтексту. Он был способен увидеть черты общечеловеческой значимости и в простом пейзажном мотиве. Показанное с высокой точки зрения «Море» (1908), над синевой которого нависла одинокая, мощная ветвь, воспринимается как могущественная, безбрежная стихия.

Но самое значительное место среди картин и панно Бакста занимают произведения на историзованную тематику. Именно историзованную, а не историческую в узком смысле слова. Художник никогда и не намеревался изображать какие-то конкретные события прошлого. Его волновало совсем иное: на материале древности строить широкие философско-исторические концепции, как-то служащие уроком или идеалом для современности. Бакст написал по этому поводу обширную теоретическую декларацию «Пути классицизма в искусстве», которая была опубликована на страницах журнала «Аполлон» (№ 2—3 за 1909 год). Там художник, в частности, провозгласил: «Наш вкус, наша мода медленно, но упрямо, с каждым годом все сильнее и сильнее — прибавлю, неумолимо — возвращают нас на путь античного творчества!». Разумеется, речь не шла об эпигонском подражании. Мастер взывал возвратиться к духу высокой классики, которую он противопоставлял художественным метаниям современников. Речь шла, впрочем, не только об эстетических, но и о широко человеческих идеалах. «Как не полюбить,— вос-

ПОРТРЕТ А. Н. БЕНУА. 1898.

клицает Бакст в своем трактате,— солнце, спорт, танцы, мускулы, греческий идеал искусства — Одиссею, Илиаду, где герои были здоровы и прекрасны».

Известно, что каждый из мирискусников имел свои особые предпочтения в прошлом. Воспевали петровские и елизаветинские времена, Россию дворянских усадеб, Францию XVIII века. Всякий раз, сложными путями, это давало выход на современность.

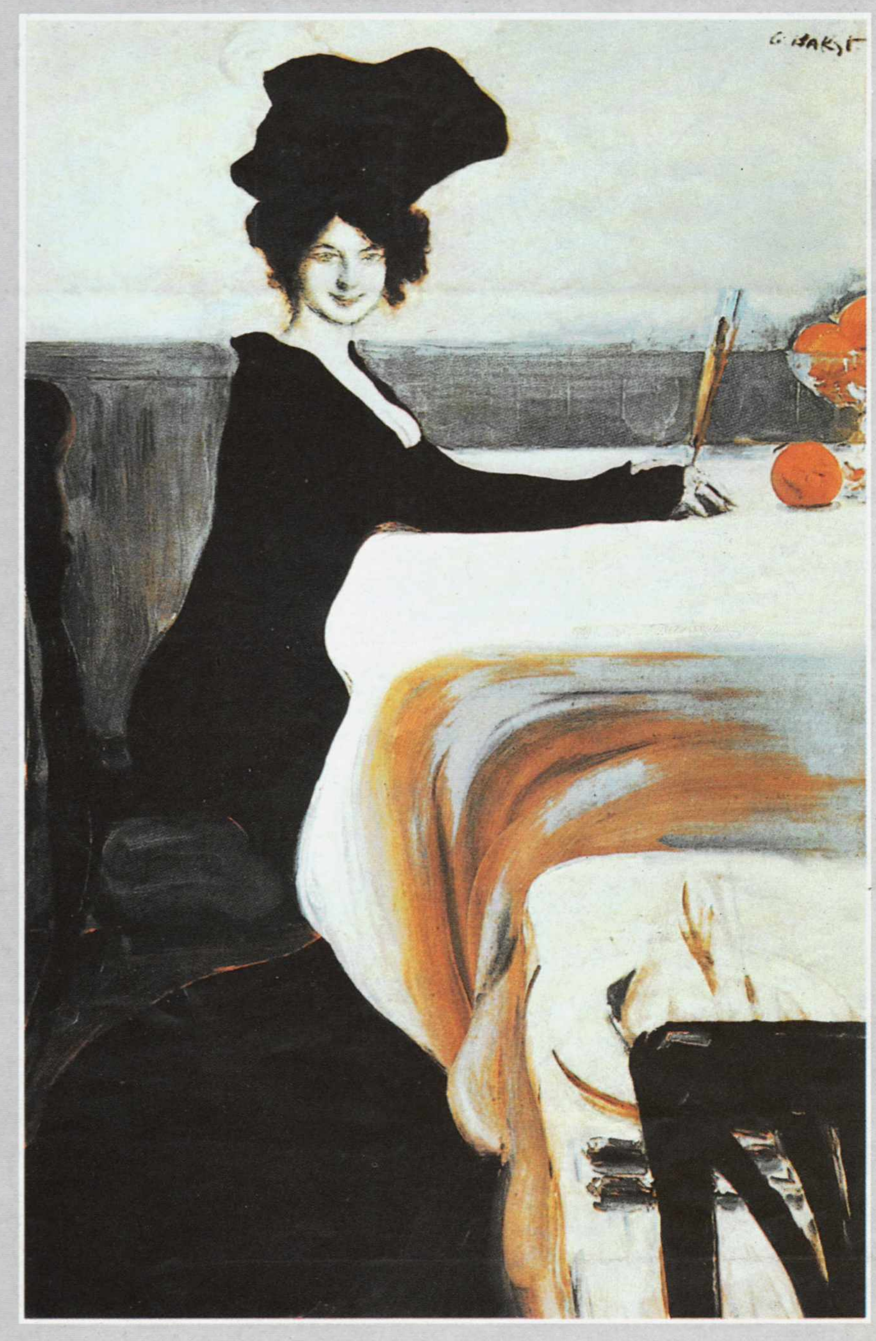
Идеалом Бакста была Древняя Греция. В 1901 году он оформил в Александринском театре две античные трагедии — «Ипполит» Еврипида и «Эдип в Колоне» Софокла. Прежде чем приняться за работу, Бакст тщательно изучал литературу и мифы античности, разумеется, также и ее искусство, особенно архаический период.

Поехать в Грецию (вместе с В. А. Серовым), увидеть воочию землю классики, написать с натуры Акрополь, морские и прибрежные виды, остров Крит Баксту удалось только в 1907 году. Но еще годом раньше он пишет мечтательное панно «Элизиум» (в первом варианте это был занавес для петербургского театра В. Г. Комиссаржевской). В античной мифологии Элизиум — край вечного блаженства. Изображая его, художник создает восторженную фантазию о гармоничной красоте классики.

Разумеется, для «Элизиума» не используются никакие натурные прототипы. Художник дает полную и сладостную волю своему воображению. Вот обетованная земля счастья. Здесь высится в безмолвной тишине гигантский лес вечнозеленых деревьев, столь пышных и далеко вздымающихся, что сквозь них еле проглядывают безмятежные небеса. Тут раскинулись цветущие луга, струятся прохладные ручьи, высятся дивные храмы, царственные вазы с ниспадающими растениями. В окружении всей этой тихой и торжественной красоты медленно шествуют, музицируют, беседуют любимцы богов, на долю которых выпало вечное блаженство. И даже какой-то крылатый дракон с длинными лапами, неожиданно выступающий из-за кипариса в центре, не кажется напоминанием о роке и беде, а, скорее, выглядит некоей узорчатой химерой, которая своей причудливой нелепостью лишь подчеркивает нерушимую и не поддающуюся воздействию времени красоту и гармонию Элизиума.

Конечно, эта художественная утопия Бакста в какой-то мере была противопоставлением жесткой и угрюмой прозе повседневности тех лет. Вместе с тем «Элизиум» — попытка дать конкретный образец поэтики классицизма, о которой художник говорил в своих теоретических выступлениях.

С той же поэтикой связано и самое известное из живописных произведений Л. Бакста — выполненное маслом в 1908 году декоративное панно «Античный ужас». Оно вызвало множество разноречивых откликов. Художники отнеслись к нему сдержанно, философ и поэт Вячеслав Иванов — восторженно; Максимилиан Волошин в «Аполлоне» посвятил «Античному

УЖИН. 1902.

ПОРТРЕТ Л. П. ГРИЦЕНКО. 1903.

ВАЗА (Автопортрет). 1906.

ужасу» сложный и многозначный разбор.

Надо сказать, что работу над «Античным ужасом» Бакст начал еще до поездки в Грецию 1907 года, продолжая начатые «Элизиумом» поэтические размышления на темы античного мира. Но, конечно, непосредственные греческие впечатления дали мастеру многое, причем не только натурный материал, но и само то ощущение вечности, которое, естественно, связывается с Элладой.

Самый сюжет картины имеет немало различных толкований. Она запечатлела широчайшие пространства — море, горы, острова, над которыми блистает огромная зигзагообразная молния. Это страшное бушевание стихий: воды затопляют землю, рушатся строения, мечутся люди, тонут корабли. А впереди, у самого края картины, возвышается недвижная полуфигура архаической богини с блуждающей улыбкой на устах и тихим голубем в руке. Она как бы не замечает грохотания страшной катастрофы, возносится над временами и судьбами, олицетворяя вечность и нерушимость красоты, искусства.

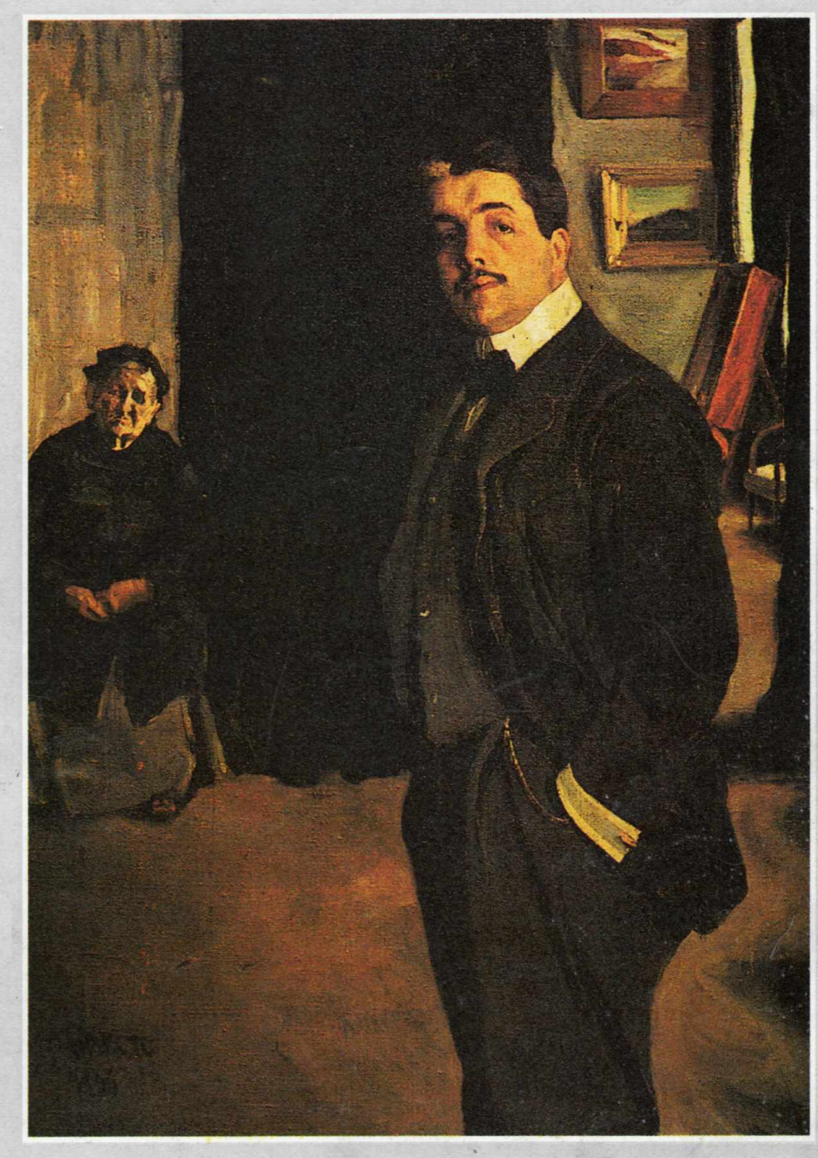
Принято считать, что Бакст изобразил в «Античном ужасе» гибель Атлантиды. Обращение к этой легенде (кстати сказать, нередкое в русской культуре начала XX века) вполне возможно. Но таким фабульным моментом смысл картины, конечно же, не ограничивается. Это никак не параллель, скажем, брюлловскому полотну «Последний день Помпеи». Картина Бакста имеет широкий философский характер. Должно быть, именно поэтому она, при всей своей внешней драматичности, достаточно сдержанна. Прав был Максимилиан Волошин, который в уже упомянутой статье заметил, может быть, несколько преувеличивая, что «ото всего, что пишет Бакст, мы

отделены всегда словно зеркальной витриной музея. Для него архаическое это только самая обширная зала в музее редкостей...». Повторяю, это слишком сильно сказано, но момент созерцательности в «Античном ужасе» преобладает. Картина катастрофы написана с каким-то странным спокойствием. Это не столько полное живой крови событие, сколько философский тезис, трактующий о зыбкости жизни перед лицом всевластия судеб и космоса. Рядом с этим особенно впечатляет то сочетание наивности и мудрости, сиюминутной привлекательности и пафоса вечности, которое есть в первопланной фигуре архаической ко́ры. Ее спокойно-загадочная красота (Вячеслав Иванов трактовал ее как воплощение «бессмертной женственности») венчает древнюю цивилизацию и предвещает сложение новых художественных идеалов. Они всегда так или иначе будут равняться на античность, которая впервые дала человечеству идеалы прекрасного и духовного.

Если «Элизиум» выглядел как прямое противопоставление конфликтам и мучительным противоречиям своего времени, то «Античный ужас», при всех допустимых сравнениях его с потрясениями первой русской революции, в целом возносится над временем и, по идее художника, должен звучать как символ непобедимости красоты в тревожном и мятущемся мире человеческой цивилизации.

В последующем Л. Бакст как станковист не создал ничего равнозначного ранним портретам, «Элизиуму» и «Античному ужасу». Огромная, всемирная слава театрального декоратора, в сущности, приковала художника к сценическому миру, не давая возможности основательно работать в иных жанрах искусства.

Александр КАМЕНСКИЙ

ПОРТРЕТ С. П. ДЯГИЛЕВА. 1906.

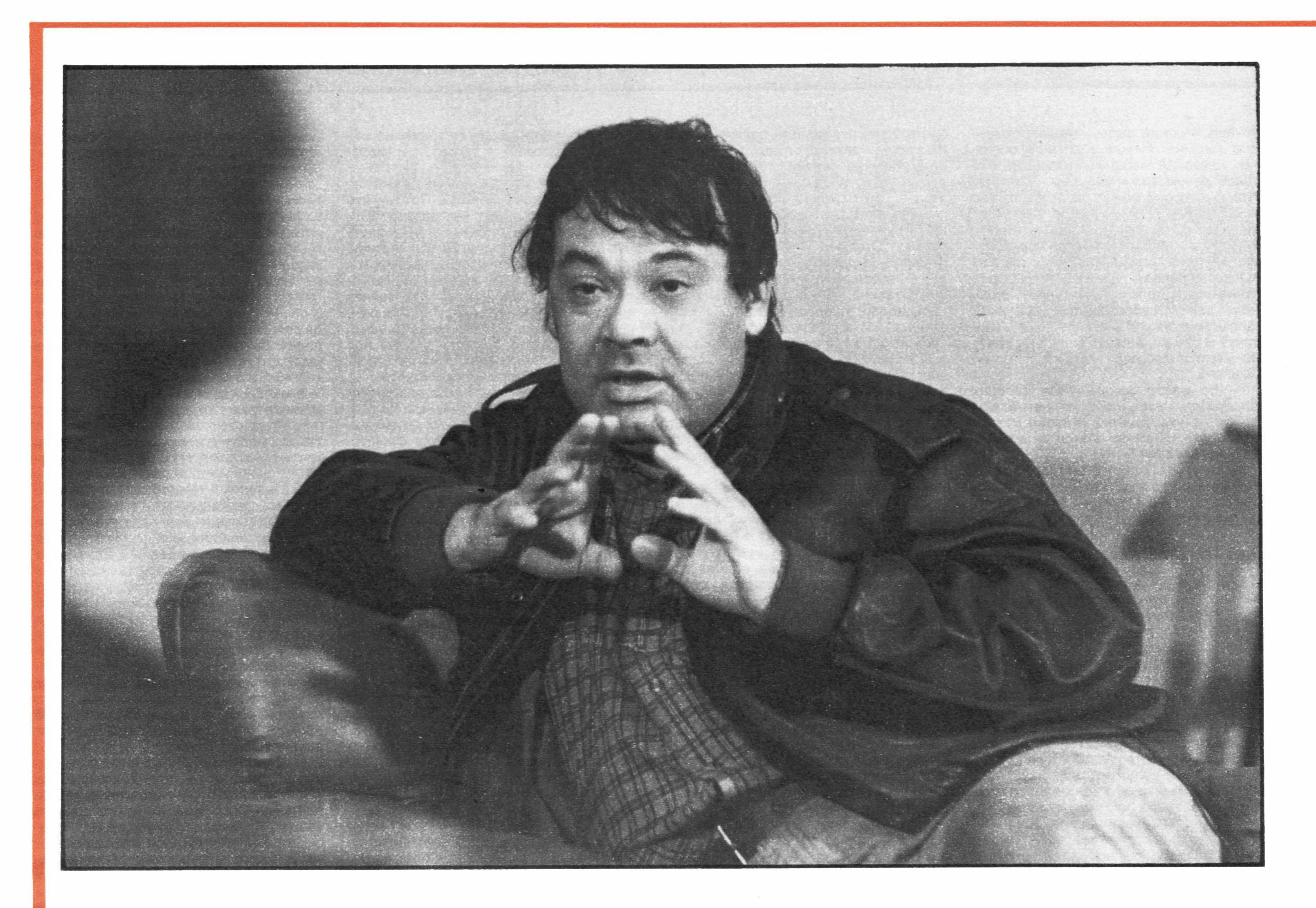

ЭЛИЗИУМ. 1906.

АНТИЧНЫЙ УЖАС. 1908.

МОРЕ. 1908.

ПО «ГАМБУРГСКОМУ СЧЕТУ»

ПОЗИЦИЯ

ПОЧТИ КАЖДЫЙ ЕГО ФИЛЬМ «ЛОЖИЛСЯ НА ПОЛКУ», НАЧИНАЯ С ПЕРВОГО — «СЕДЬМОЙ СПУТНИК», КОТОРЫЙ БЫЛ ЗАПРЕЩЕН НА ТЕЛЕВИДЕНИИ. СЕЙЧАС АЛЕКСЕЙ ГЕРМАН — ИЗВЕСТНЫЙ КИНОРЕЖИССЕР, ОДИН ИЗ ЛИДЕРОВ НАШЕГО КИНЕМАТОГРАФА.

— Несколько лет прошло с выхода фильмов «Лапшин» и «Проверка на дорогах»... Не парадокс ли это: в трудные времена работалось, творилось, а сейчас, в эпоху свободы, открытости, вы в простое?

— Почему не работается? Сначала был период ослепления и ликования — наверное, это естественно. Если столько лет тебя дерут, дерут, дерут, а потом вдруг выпускают одну твою картину, другую, и зрители узнают, что ты есть, у тебя берут интервью, тебя всюду приглашают... Я даже представить не мог, что так часто буду ездить за рубеж...

Я словно рекламный проспект перестройки, человек, который был запрещен весь, меня не было, я был практически уволен, а сегодня лауреат Государственных премий СССР, РСФСР, заслуженный деятель искусств, «известный советский режиссер», руковожу мастерской. Если бы мне 4 года назад сказали, что так будет, я бы захохотал!..

Почему же не снимаю? Много разных обстоятельств, много дел... Выяснилось, в частности, что мы, люди, привыкшие жить под прессом, не умеем работать, будучи свободными. Прошлой зимой мы начали писать сценарий по Стругацким. «Трудно быть богом». Интересная вещь получалась. Но вдруг меня пронзила простая мысль: зачем шифровать, если можно не шифровать, зачем героев называть донами, зачем все действие переносить в средневековье?! Пожалуйста, рассказывай сегодня все что хочешь, и о чем хочешь, и как

хочешь. Мы как рыбы, которые привыкли жить на глубине. Однажды оператор Анатолий Заболоцкий сказал, что такое режиссер: «Режиссер — это человек, который может работать только в состоянии атаки». Когда я сделал картину «Операция «С Новым годом» («Проверка на дорогах»), про нее сказали, что она сделана в пику фильму «Освобождение», и мой фильм действительно сделан в пику таким фильмам, как «Освобождение». А каким фильмам в пику мне сейчас делать картину? В общем, я столкнулся с тем, что не умею приспособиться, я — из вчерашнего.

— Но разве сегодня все хорошо, спокойно, разве сегодня нет атаки, вы ее не чувствуете? И разве некого атаковать, и разве вас и подобных вам не атакуют?

— Нет, эта атака имеет отношение только к искусству. Что значит: режиссер в состоянии атаки? Атаки не на начальника, не на Иванова — Петрова — Сидорова, не на правительство; он в состоянии атаки на то искусство, которое отрицает. Вот что я имел в виду. Вот, например, картина Матвеева про тыл во время войны — «Победа». Я не хочу выступать против Матвеева, он хороший актер; может быть, и режиссеры такие нужны, как он. Мне может нравиться или не нравиться его картина. Но когда этот фильм объявлялся государственной точкой зрения на время, вот с этого момента режиссеры, и я в том числе, начинали сражаться, противопоставляя этой точке зрения свое искусство, свой взгляд.

— Значит, у художника всегда есть выбор, и никто его не может заставить делать то, что он не хочет?..

— Мы очень любим сейчас говорить, как время, власти виноваты перед искусством. Но как искусство виновато перед своим народом — об этом мы говорим мало. А искусство, особенно кинематограф, виновато очень. Конечно, в сталинское время были страх и ликование. Ужас перед режимом и энтузиазм, искусственно подогреваемый,— это не альтернатива, а идущие рука об руку состояния, сущности. Газеты, журналы читали мало, книги — тоже малая прослойка людей, да и тиражи были ничтожны. Массовым было кино. Массовым, я бы сказал, отравителем сознания было кино. Ощутив желание вождя повсюду сеять подозрительность, кино сеяло образы врагов, образы чекистов: опять разоблачают, опять арестовывают... А немыслимое возвеличивание Сталина? Накачка образа вождя шла через весь кинематограф — военный, предвоенный и послевоенный. Мой отец, шутя, говорил, что по фильмам о Сталине можно написать краткий курс истории.

Мне трудно разобраться в той эпохе. Я понимаю, в каком были положении кинематографисты, не так сделаешь — голову потеряешь. Но я свидетель того, как после XXIII съезда началась реальная, конкретная попытка реабилитировать Сталина. Кто ее делал? Какой-нибудь конкретный вождь? Ходят слухи, что что-то решали на Политбюро. Может быть, правда, может, досужие разговоры. Не знаю. Но то, что мои коллеги занялись реабилитацией активно, это уж точно — из песни слов не выкинешь. Сначала Он вошел в фильм Таланкина о Курчатове, робко шагнул. Уже смелее Он в «Блокаде» ленинградской студии. Причем фильм делал режиссер Ершов — человек чистый, с убеждениями. Он сначала сделал Сталина со всеми отрицательными качествами: как он во время войны растерялся, как на него кричит Жуков. Но начальство, посмотрев, попросило снять одно, переделать другое, а в результате — замечательный Сталин. Его появление на экране встречали аплодисментами, я свидетель. Следующий этап — это фильм «Освобождение», где Бондарев, который, кстати, возник на «Тишине», антикультовской прозе, вводит Сталина в «Освобождение», и как! Ну а дальше уже фильм «Победа» — абсолютная, мощная реабилитация Сталина: умный, мудрый маршал, полководец, прелестный, тонкий, спасающий... И кто все это сделал? Наш брат, работник искусства. Я в это время был в Тбилиси, и мне шеф телевидения рассказал, что Абуладзе ставит «Покаяние». Помню, мы стоим в кабинете под огромным портретом Сталина и я говорю министру: «Как же так! Его убьют за это». И он отвечает, что Абуладзе должен сделать этот фильм, хотя и очень рискует.

— Вернемся к проблеме молчания, «неснимания». Может быть, это не только ваша проблема, но и общая? До сих пор молчит о нынешнем времени современная художественная литература, лучшие ее представители активно занимаются публицистикой, в кино процветает документалистика. Даже художественный фильм «Маленькая Вера», который стал бестселлером, тоже своего рода публицистика... Есть разные мнения по поводу этой немоты. Что думаете вы?

— Случилась общая беда. Случилось, что наши лучшие писатели стали... современниками великой литературы. У меня стоит на полке Распутин, и я много его читал, и Астафьев стоит — я в любой момент могу обратиться к его вещам, и Айтматов, и Быков, и другие хорошие, талантливые писатели. Но в принципе у нас литература назначалась: вот ты — ведущий, а ты — выдающийся, а ты будешь гением.

— Вы считаете всех перечисленных — назначенными?

— Нет, эти назначались своей литературой, своей темой. Но вместе с тем они заняли в нашей табели о рангах, допустим, графу маркизов, и они стали маркизами в этой иерархии. Потом приходит гласность, и тут выясняется, что, по «гамбургскому счету», они никакие не маркизы, а просто рядовые армии русской литературы, и не более того. Оказывается, совсем другая литература лидировала всегда, существовал совершенно другой уровень гражданственности, когда писатель шел на подвиг, на смерть, на самоуничтожение ради слов правды, на умирание, на полуголодную гибель. Помните, у Лермонтова о поэте: «Твой стих, как божий дух, носился над толпой и, отзыв мыслей благородных, звучал, как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных...» Кто из названных и не названных мной пишущих ныне понастоящему прозвучал «как колокол на башне вечевой»?! Это, может быть, не их вина, и они для своего времени совершили и писали мужественные вещи. А «колоколом на башне вечевой» оказались Платонов, Ахматова, написавшая в сталинскую эпоху «Реквием», Мандельштам, Гроссман, Пастернак, Домбровский и особенно Шаламов — лидирующий для меня по нравственной силе. Из каменоломен, из смерти он писал правду жизни. Очень точно он написал про себя: «Я из тех окаменелостей, что появляются случайно, чтобы поведать миру ценности, геологическую тайну». Среди писателей есть люди совестливые, и, соизмерив свое творчество и хлынувшее то, что годами лежало, они перестали писать и занялись публицистикой. Я убежден, что тот же Астафьев понимает, каков уровень «Печального детектива», если соотносить его, предположим, с рассказами Шаламова.

Поэтому же многие, как мне кажется, не могут сегодня снимать. Потому что открылся такой пласт литературы. Есть люди понахальнее. Какой-нибудь прочтет Шаламова и снимет себе картину, где бывший охранник зоны оказывается в общем-то хорошим человеком. Пожалуйста, для «ремесла» я хоть сейчас пойду и сниму зону, а, с другой стороны, как это сделать? Это и ужас, и долг, и понимание: то, что ты до сих пор делал, стоит копейки. Но когда с криком «не боги горшки обжигают» так легко за это берутся! Когда перед глазами мученическая судьба Шаламова, мученические судьбы многих других писателей,— идет другая точка отсчета, пошел другой счет.

Художник должен чувствовать себя идущим рядом с эпохой, идущим чуть-чуть впереди эпохи. А иначе, не ощущая себя лидером, он работать не сможет. А теперь попробуй-ка почувствовать себя лидером на фоне таких гигантов!.. Кино не произрастает из кино. Я в этом убежден. Кино выходит из литературы, в основном из поэзии. Вот и ослабли коленки у многих из нас. Не можем включиться, не можем научиться жить в искусстве при таком количестве кислорода. Я думаю, этим объясняются и творческая пауза у интересных режиссеров, и неинтересное кино мастеров. Вот Кира Муратова, божественный режиссер, вдруг что-то снимает из западной жизни, про что она понятия не имеет, и в результате, на мой взгляд, плохое кино. С холодным сердцем я смотрел ее конструкцию западной жизни. То же самое, считаю, и с Сокуровым. Как только Саша снимает наши истории — это искусство, как только он перебрасывается в общество, которого не знает,— это называется «не морочьте мне голову».

— И все-таки невозможно поверить, что за эти годы у вас не возникало желания взяться за какую-нибудь тему?

— Я думал над Шекспиром. Писали сценарий по Стругацким, работали над другими сценариями, написали пьесу для кукольного театра... Некоторое время тому назад, можно сказать, я расшевелился, когда мне в руки попала повесть, написанная человеком, никогда не печатавшимся. Имя автора — Владимир Шапиро. Очень сильное впечатление на меня она произвела, потому что вдруг я ощутил трагизм человека русской культуры, русского понимания, русского характера, а по национальности — еврея. И особый трагизм в том, что не нужен ни тем, ни этим — выброшен из жизни. Я в это время занимался Шаламовым, и мне показалось, что они здорово сочетаются. Это история дружбы двух прекрасных людей, русского и еврея. У каждого свои достоинства и недостатки, но прекрасен тот и другой. И эта жизнь, которую они прожили так долго вместе, развела их. Каждый ушел в свою национальность, в свою национальную проблему...

Короче, я думаю над этой прозой, есть желание ее реализовать. Правда, мы пишем-пишем, у нас много написано, но сценарий сделать не можем, что-то разладилось. Может, нужна резкая смена деятельности? Займусь чем-то другим, может быть, видео, может, совсем другим жанром, чтобы ощутить что-то иное... Недавно у меня появилось неожиданное желание — написать маленькую экранизацию для кукольного театра и самому попробовать поставить в куклах, хотя и ничего не знаю про кукольный театр. Трудно сказать, что получится.

— Расскажите подробнее о вашей студии молодых, о мастерской короткого фильма.

— История появления этой студии такая. Вскоре после V съезда кинематографистов ко мне подошел директор «Ленфильма» и предложил возглавить III объединение, которое, по его словам, они организовали для меня. Я не согласился, на меня обиделись. А я подумал тогда: мне самому придется отказывать режиссерам в работе, а у них дети. Столько лет я сам был в аналогичной ситуации, столько лет — не у дела, а теперь я буду говорить другим «нет». Я не захотел и сказал: «Дайте мне маленькую мастерскую первого короткометражного фильма». Режиссер попробует свои силы и уйдет, а на его место придет новый дебютант. И каждый в этой мастерской будет иметь право на ошибку, на эксперимент.

— Значит, мастерская первого фильма уже в работе?

— Не совсем. Все это тянется три года, сделали какую-то мастерскую, но по-настоящему ее еще нет, вот только недавно у нас появилась комната, есть редактор, есть директор, есть худсовет: Аристов, Мамин, Овчаренко, Сокуров. Но все это не очень умело организовывается, долго...

— А кто вас субсидирует? Когда-то вы говорили, что Госкино, немного кинофонд, но главным образом кооператив. Вы радовались, что пришли реальные деньги, реальные возможности снимать, не экономя, качественное кино...

— Да-да, помню, еще я говорил, что мы должны взять под жесткий контроль кооперативное движение, чтобы не было снижения художественного уровня. Но сегодня я солидарен с большинством, которое возмущается по поводу последнего постановления о запрещении кооперативной деятельности. Люди вложили деньги, начали делать серьезные дела, и им перекрыли кислород. Это мне напоминает героя повести Льва Разгона — жулик, такой крупный фармазон, даже пахан лагерный. Его спросили, почему **вы**, такой талантливый человек, и такой жульнический путь избрали, а он говорит, потому что с «совдепами» совершенно невозможно иметь дело. Предположим, с ними садишься играть в очко. Ты им говоришь: «У меня 21». А они отвечают: «Мы сегодня играем до 23». Назавтра снова сел, говоришь: «У меня 23», а они отвечают: «А мы до 17, у нас новое постановление». Вот такая история с кооператорами получилась. Вошли в дело и не только жуликоватые, но и сильные, но и с капиталом, но и умелые. И вдруг: катитесь вон. И если такие фокусы будет показывать наше руководство с кооператорами, у нас ничего хорошего не выйдет.

— Три года миновало с V съезда кинематографистов — яркого, бурного, можно сказать, революционного события. Какие итоги? Какое положение дел в кино на сегодня?

— Я считаю, что в кино сейчас катастрофа. Мне кажется, что непродуманно запускают так называемую новую модель. Главная иллюзия наших кинематографистов, что наши картины нужны на Западе и что они конкурентоспособны. Но это не так. Сотрудничая сегодня с нами, например, американцы говорят: «Мы рассказываем истории, а вы ставите проблемы и еще хотите, чтобы за **ваши** проблемы **мы** вам платили наши деньги!» Им это неинтересно. Я с уважением отношусь к нашему кино, и мне не нравится, когда его ругают. У нас есть хорошие картины. Но на сегодняшний день на мировом кинорынке мы неконкурентоспособны.

Следующая проблема — очень важная — прокат. Есть хорошая пословица: «Не буди лиха, пока тихо». Не надо было будить этого дьявола. Что же наделали мои друзья из Союза и Госкино! Они отобрали у трех-четырех человек — министра, зам. министра и еще у кого-то — дело проката и передали власть сотням людей. Но ведь эти прокатчики, решающие теперь покупать или не покупать,— бывшие чиновники, только пересевшие в новые кресла. И если с теми тремя-четырьмя можно было спорить, отстаивать, то что можно сделать с этой армией? К примеру, недавно на «Ленфильме» вышел фильм «ЧП районного масштаба» — правдивая, нужная картина о разложении комсомольских вождей в те годы. Но ее дружно не покупают — по идейным соображениям, по соображениям своей чиновничьей идеологии.

— А что же будет с кино Иоселиани, Квирикадзе, Сокурова, с фильмами «элитарными» в таких условиях кинопроката?

— Они вообще никому не будут нужны. Раньше эти режиссеры были на дотации государства, а теперь их судьба в руках прокатчиков, и ни один из них не захочет на кинорынке их фильмы покупать.

— А на Западе с ними заключают контракты, под их фильмы дают деньги, они снимают картины, и не одну, как, например, Иоселиани или Тарковский...

— Потому что там есть понятие «авторский кинематограф». Хозяин знает, где можно прокатывать тот или иной фильм, в кинотеатре какого разряда, в какой аудитории. У нас же ничего этого нет. Огромная страна — от моря до моря и... Конечно, есть толковые прокатчики, но мы даже не знаем, где они. Большинство умеют работать только с кассовыми картинами, а со всеми остальными не умеют. И не хотят. А отсюда возникает другая проблема. Ведь прокат будет диктовать уровень, давать направление киноискусству, стремясь сделать его исключительно коммерческим.

Кроме того, с нашим кино полный кавардак на телевидении, оно прокатывает картины — а смотрит их 50—60 миллионов человек — и ничего не платит... Не успели еще выйти «Власть соловецкая» или «ЧП районного масштаба», а их уже всюду крутят на видео, в любых клубах и тоже не платят за тираж...

— Получается, что все неуправляемо и никому нет дела?

— Да, именно так.

— А если бы вы возглавили Союз или Госкино... Что бы вы сделали? как изменили бы существующий непорядок дел?

— Я бы повесился от бессилия совладать со всем этим. Что-то перешло в Министерство культуры, что-то осталось, что-то — профсоюзная ветвь, что-то — партийная. Начальников кинопроката назначаю не я, а обкомы... Сегодня я ощущаю в себе меньше оптимистического задора. Поживем — увидим.

Беседу вела Наталья РЮРИКОВА.

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА.

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ МЭРОМ?

Приближаются выборы в республиканские и местные Советы народных депутатов, идут острые дискуссии, в которых иные из дискредитировавших себя руководителей собственную непопулярность объявляют едва ли не угрозой правящей роли Коммунистической партии, высоким революционным идеалам. Не ощущая повседневной необходимости в утверждении своего — и партии — авторитета, они продолжают требовать неких льгот и постоянного, независимо от избирательских настроений, права на власть.

На днях к нам пришло письмо от мэра итальянского города Болонья коммуниста Ренцо Имбени, который рассказывает о своей работе и о том, как, не являясь членом правящей в стране партии, он тем не менее отстаивает высокий авторитет коммунистов в глазах трудящихся одного из самых известных итальянских городов.

Нам кажется интересным и этот аспект разговора на вечные темы: об авторитете власти, о способности трудящихся делать собственный выбор и о многом другом.

Болонья — это итальянский город средней величины. Он не так известен, как другие города — центры организованного туризма, например, Рим, Венеция, Флоренция. В нем находится крупный и прославленный университет (свыше 60 000 студентов), старейший в мире. В прошлом году отмечалась девятисотая годовщина его основания. Болонья на протяжении нескольких веков, когда римский папа являлся также и главой папского государства, была, после Рима, вторым городом этой державы.

В городе Имола, недалеко от Болоньи, родился Андреа Коста, один из основателей итальянского социалистического движения. На переломе конца прошлого века и начала этого века в Болонье и в Эмилии-Романье (регион, столицей которого является Болонья) развились формы народного союзничества и объединения трудящихся: профсоюзы, кооперативы, общества взаимной помощи. В 1914 году в Болонье был избран мэр — социалист Франческо Занарди. В 1921 году в выборах побеждает мэр член Коммунистической партии Италии — Ньюди. Но новый мэр не успевает даже начать свою деятельность, поскольку фашистские боевые отряды штурмуют Палаццо Комунале — Дворец муниципалитета. На протяжении более двадцати лет, при фашизме, в Италии невозможно ни голосовать, ни свободно организовываться в союзы. Коммунисты, социалисты, католики-демократы, либералы и республиканцы вынуждены либо бежать за границу, опасаясь ареста, либо же скрываться и продолжать свою работу в подполье. Год спустя после войны, в 1946 году, в Болонье, снова проводятся выборы и мэром избирается коммунист Джузеппе Доцца. С 1966 по 1970 год, в течение четырех лет, мэром был Гуидо Фанти, а с 1970 по 1983 год — Ренато Зангери. С 29 апреля 1983 года этой чести удостоен я.

С 1946 года в Болонье девять раз проводились выборы на обновление городского совета. Список, представляемый коммунистами, который здесь называется списком «Две Башни» (Дуэ Торри), всегда получал большинство голосов. Большинство относительное, никогда не абсолютное. Итальянская избирательная система — чисто пропорциональная, преимуществом которой является факт, что она предоставляет представительство всем, даже самым маленьким политическим организациям, но недостаток ее — это чрезмерное раздробление. С 1946 года в Болонье городская управа (Джунта — это название исполнительного комитета) формировалась из коммунистов и социалистов. Такой союз считался почти естественным до начала шестидесятых годов. В течение последних двадцати лет союз принял более конфликтный характер.

Надо сказать, что опыт болонской администрации весьма известен не только в Италии, но и в других странах. Здесь впервые был внедрен эксперимент районных комитетов, сначала назначаемых, а потом избираемых непосредственно, всегда с плюралистическим участием всех политических сил, таким образом воплотилась в жизнь новая линия программирования в урбанистике, охране окружающей среды и восстановлению существующего наследия прошлого. В последнее время для обновления связи между горожанами и городскими органами проводится новый опыт, цель которого в возможности каждого гражданина ознакомиться с функционированием общественных органов администрации и затем в любой момент самому выдвигать предложения, критиковать, поддерживать. Недавно принятое решение, которое вызвало и продолжает вызывать много дискуссий,— это запрещение въезда частным автомобилям в древний исторический центр города (естественно, за исключением постоянно проживающих). На самом деле причиненный вред уже слишком велик. Но как же нелегко изменить привычки!

Производственную сферу нашего города преимущественно составляют мелкие промышленные заводы и ремесленные предприятия; на «крупных» заводах работает здесь по 1000—1500 трудящихся — это в основном предприятия отрасли точной механики. Кроме того, существует сильная кооперативная деятельность в сельскохозяйственном секторе, в строительной промышленности, услугах, коммерческой сети сбыта, страховых предприятиях.

Муниципалитет через разрабатываемые им градостроительные регулировочные планы и принимаемые административные решения всегда поддерживал экономическое развитие, как частное, так и кооперативное. Не случайно в провинции Болоньи наивысший процент занятости женского населения и в Болонье отмечается наивысший в итальянской действительности уровень дохода на душу населения.

Почему в Болонье такое доверие к мэру-коммунисту? Я думаю, по двум основным причинам. Те, коммунисты, кому была вверена эта должность, по сегодняшний день всегда сдерживали свое слово; программы не остались мертвой буквой, а были осуществлены; руководители всегда оказывались готовы служить населению. Другая причина — это то, что Болонья является одним из лучших управляемых итальянских городов. Голосуя за коммунистического мэра, коммунисты избиратели Болоньи желают сохранить эти положения.

Ренцо ИМБЕНИ, мэр города Болоньи, Италия

Кремль, 20-е годы

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО СЕКРЕТАРЯ СТАЛИНА

Борис БАЖАНОВ

Ворошилов после гражданской войны не без противодействия Троцкого был назначен командующим второстепенным Северо-Кавказским Военным Округом, но Сталин неуклонно следил за его выдвижением, и в результате последних реорганизаций военного ведомства этот год он уже был командующим одним из самых важных военных округов — Московским. Сталин предложил пленуму, чтобы, оставляя Троцкого членом ЦК и Политбюро, ему одновременно было б сделано предупреждение — «если он будет продолжать свою фракционную деятельность, то тогда он будет из Политбюро и из ЦК удален». Сняв его с поста Наркомвоена, пленум назначил его председателем Главконцесскома и председателем особого совещания при ВСНХ по качеству продукции.

Назначения эти были и провокационны, и комичны. Во главе Главконцесскома Троцкий должен был обсуждать с западными капиталистами проекты предлагаемых им промышленных концессий внутри СССР. Между тем в Политбюро давно известно и для себя твердо установлено, что концессии эти были не чем иным, как грубыми жульническими ловушками. Западным капиталистам предлагались концессии на очень заманчиво выглядевших и внешне очень выгодных условиях. Условия договора хорошо соблюдались, пока концессионер ввозил и устанавливал в России машины, оборудование и пускал предприятие в ход. Вслед за тем при помощи любого трюка (каковых трюков у властей было сколько угодно) концессионер ставился в условия, при которых он договор выполнить не мог, договор расторгался, и ввезенное оборудование и налаженное предприятие переходило в собственность советского государства... Собственно, для этого трюк с концессиями и был создан. Троцкий мало подходил для этих мошеннических операций, поэтому, вероятно, его туда и назначили.

Еще меньше он подходил для наблюдения за качеством продукции советских заводов. Блестящий оратор и полемист, трибун трудных переломных моментов, он был смешон в качестве наблюдателя за качеством советских штанов или гвоздей. Впрочем, он сделал попытку добросовестно выполнить и эту задачу, возложенную на него партией: создал комиссию специалистов, объехал с ней ряд заводов и представил результаты изучения Высшему Совету Народного Хозяйства; заключения его никаких последствий, понятно, не имели.

Во главе военного ведомства стал Фрунзе. Надо сказать, что еще в мае 1924 года были добавлены три кандидата в члены Политбюро: Фрунзе, Сокольников и Дзержинский.

Старый революционер, видный командир гражданской войны, Фрунзе был очень способным военным. Человек очень замкнутый и осторожный, он производил на меня впечатление игрока, который играет какую-то большую игру, но карт не показывает. На заседаниях Политбюро он говорил очень мало и был целиком занят военными вопросами.

Уже в 1924 году, как председатель комиссии ЦК по обследованию состояния Красной Армии, он доложил в Политбюро, что Красная Армия в настоящем своем виде совершенно небоеспособна, представляет скорее распущенную банду разбойников, чем армию, и что ее надо всю распустить. Это и было проделано, к тому же в чрезвычайном секрете. Оставлены были только кадры — офицерские и унтер-офицерские. И новая армия была создана осенью из призванной крестьянской молодежи. Практически в течение всего 1924 года у СССР не было армии; кажется, Запад этого не знал.

Второе глубокое изменение, которое произвел Фрунзе,— он добился упразднения института политических комиссаров в армии; они были заменены помощниками командиров по политической части с функциями политической пропаганды и без права вмешиваться в командные решения. В 1925 году Фрунзе дополнил все это перемещениями и назначениями, которые привели к тому, что во главе военных округов, корпусов и дивизий оказались хорошие и способные военные, подобранные по принципу их военной квалификации, но не по принципу их коммунистической преданности...

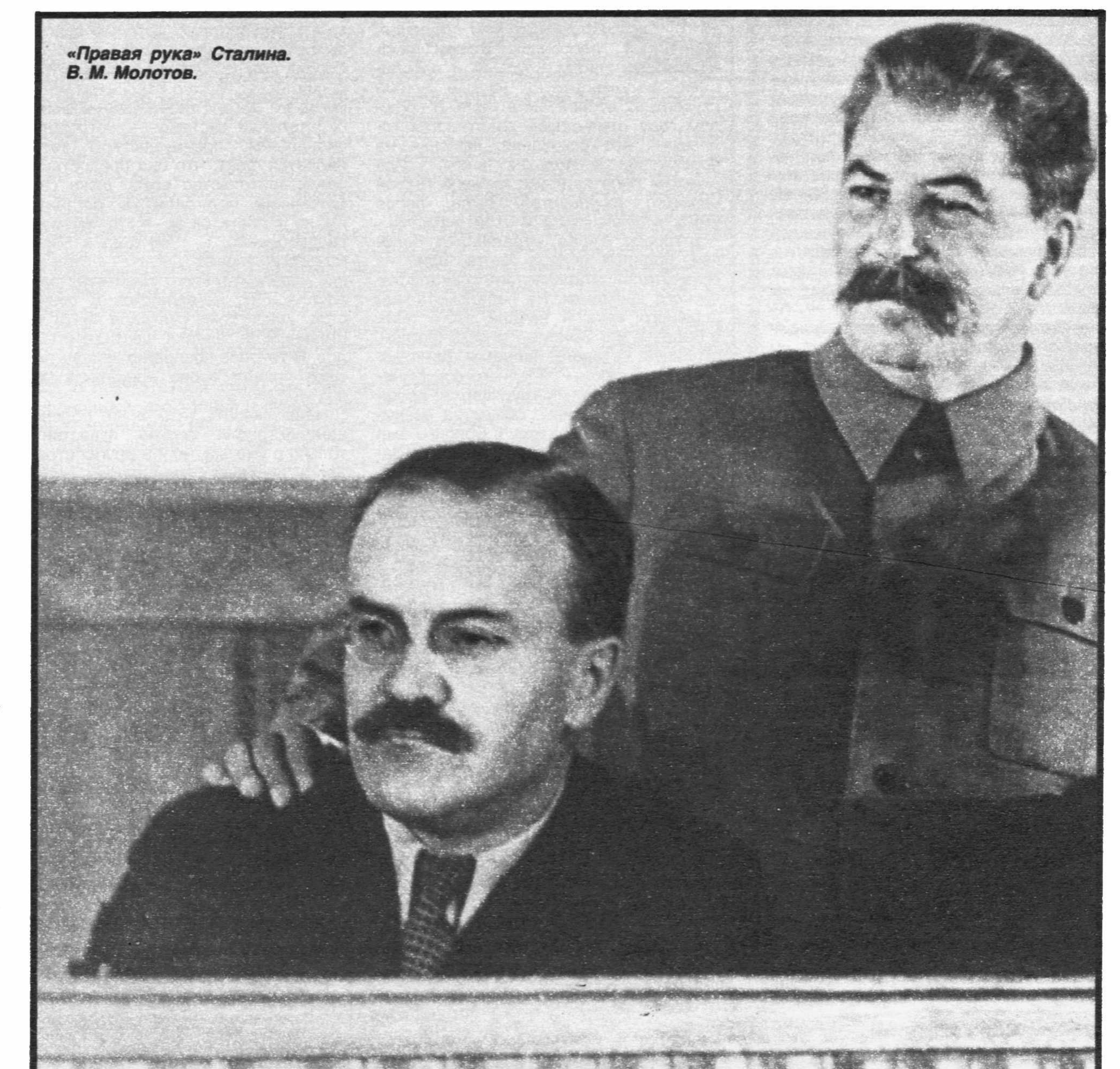
Я не имел случая говорить со Сталиным по этому поводу, да и не имел ни малейшего желания привлекать его внимание к этому вопросу. Но при случае я спросил у Мехлиса, приходилось ли ему слышать мнение Сталина о новых военных назначениях. Я делал при этом невинный вид: «Сталин ведь всегда так интересуется военными делами». «Что думает Сталин? — спросил Мехлис.— Ничего хорошего. Посмотри на список: все эти тухачевские, корки, уборевичи, авксентьевские — какие это коммунисты. Все это хорошо для 18 брюмера, а не для Красной Армии». Я поинтересовался: «Это ты от себя или это — сталинское мнение?» Мехлис надулся и с важностью ответил: «Конечно, и его, и мое».

Между тем Сталин вел себя по отношению к Фрунзе скорее загадочно. Я был свидетелем недовольства, которое он выражал в откровенных разговорах внутри тройки по поводу его назначения. А с Фрунзе он держал себя очень дружелюбно, никогда не критиковал его предложений. Что бы это могло значить? Не было ли это повторением истории с Углановым (о которой я расскажу дальше), то есть Сталин делает вид, что против зиновьевского ставленника Фрунзе, а на самом деле заключил с ним секретный союз против Зиновьева. На это не похоже. Фрунзе не в этом роде, и ничего общего со Сталиным у него нет.

Загадка разъяснилась только в октябре 1925 года, когда Фрунзе, перенеся кризис язвы желудка (от которой он страдал еще со времени дореволюционных тюрем), вполне поправился. Сталин выразил чрезвычайную заботу об его здоровье. «Мы совершенно не следим за драгоценным здоровьем наших лучших работников». Политбюро чуть ли не силой заставило Фрунзе сделать операцию, чтобы избавиться от его язвы. К тому же врачи Фрунзе операцию опасной отнюдь не считали.

Я посмотрел иначе на все это, когда узнал, что операцию организует Каннер с врачом ЦК Погосянцем. Мои неясные опасения оказались вполне правильными. Во время операции хитроумно была применена как раз та анестезия, которой Фрунзе не мог вынести. Он умер на операционном столе, а его жена, убежденная в том, что его зарезали, покончила с собой. Общеизвестна «Повесть непогашенной луны», которую написал по этому поводу Пильняк. Эта повесть ему стоила дорого.

Почему Сталин организовал это убийство Фрунзе? Только ли для того, что-

«Правая рука» Сталина. В. М. Молотов.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—40.

бы заменить его своим человеком — Ворошиловым? Я этого не думаю: через год-два, придя к единоличной власти, Сталин мог без труда провести эту замену. Я думаю, что Сталин разделял мое ощущение, что Фрунзе видит для себя в будущем роль русского Бонапарта. Его он убрал сразу, а остальных из этой группы военных (Тухачевского и прочих) расстрелял в свое время...

Конечно, после смерти Фрунзе руководить Красной Армией был посажен Ворошилов. После XIV съезда... он стал и членом Политбюро. Это был очень посредственный персонаж, который еще во время гражданской войны пристал к Сталину и всегда поддерживал Сталина во время бунта сталинской вольницы против твердой организаторской руки Троцкого. Его крайняя ограниченность была в партии общеизвестна. Слушатели исторического отделения Института Красной профессуры острили: «Вся мировая история разделяется на два резко ограниченных периода: до Климентия Ефремовича — и после». Он был всегда послушным и исполнительным подручным Сталина и служил еще некоторое время для декорации и после сталинской смерти.

Вся сталинская военная группа времен гражданской войны пошла вверх. В ней трудно найти какого-либо способного военного. Но уже умело оркестрированная пропаганда некоторых из них произвела в знаменитости, например, Буденного...

Во время гражданской войны он «рубал» и беспрекословно слушался приставленных к нему и командовавших им Сталина и Ворошилова. После войны он был сделан чем-то вроде инспектора кавалерии...

Потом Буденный стал маршалом, а в 1934 году даже вошел в Центральный Комитет партии. Правда, это был ЦК сталинского призыва, и если бы Сталин обладал чувством юмора, он бы заодно, по примеру Калигулы, мог бы ввести в Центральный Комитет и буденновского коня. Но Сталин чувством юмора не обладал.

Надо добавить, что во время советско-германской войны ничтожество и Ворошилова и Буденного после первых же операций стало так очевидно, что Сталину пришлось их отправить на Урал готовить резервы.

СТАЛИН

Пора поговорить о товарище Сталине. Теперь я его хорошо знаю, даже, пожалуй, очень хорошо...

Постепенно о нем создались мифы и легенды. Например, о его необыкновенной воле, твердости и решительности. Это — миф. Сталин — человек чрезвычайно осторожный и нерешительный. Он очень часто не знает, как быть и что делать. Но он и виду об этом не показывает. Я очень много раз видел, как он колеблется, не решается и скорее предпочитает идти за событиями, чем ими руководить...

Он следит за прениями, и когда видит, что большинство членов Политбюро склонилось к какому-то решению, он берет слово и от себя в нескольких кратких фразах предлагает принять то, к чему, как он заметил, большинство склоняется. Делает это он в простых словах, где его невежество особенно проявиться не может (например: «Я думаю, надо принять предложение товарища Рыкова; а то, что предлагает товарищ Пятаков, не выйдет это, товарищи, не выйдет»). Получается всегда так, что хотя Сталин и прост, говорит плохо, а вот то, что он предлагает, всегда принимается. Не проникая в сталинскую хитрость, члены Политбюро начинают видеть в сталинских выступлениях какую-то скрытую мудрость (и даже таинственную)...

Ничего остроумного Сталин никогда не говорит. За все годы работы с ним я только один раз слышал, как он пытался сострить. Это было так. Товстуха и я, мы стоим и разговариваем в кабинете Мехлиса — Каннера. Выходит из своего кабинета Сталин. Вид у него чрезвычайно важный и торжественный; к тому же он подымает палец правой руки. Мы умолкаем в ожидании чего-то очень важного. «Товстуха,— говорит Сталин,— у моей матери козел был — точь-в-точь как ты; только без пенсне ходил». После чего он поворачивается и уходит к себе в кабинет. Товстуха слегка подобострастно хихикает.

К искусству, литературе, музыке Сталин равнодушен. Изредка пойдет послушать оперу — чаще слушает «Аиду».

Женщины. Женщинами Сталин не интересуется и не занимается. Ему достаточно своей жены, которой он тоже занимается очень мало. Какие же у Сталина страсти?

Одна, но всепоглощающая, абсолютная, в которой он целиком,— жажда власти. Страсть маниакальная, азиатская, страсть азиатского сатрапа далеких времен. Только ей он служит, только ею все время занят, только в ней видит цель жизни.

Конечно, в борьбе за власть эта страсть полезна. Но все же на первый взгляд кажется труднообъяснимым, как с таким скупым арсеналом данных Сталин смог прийти к абсолютной диктаторской власти...

Известно, что ни в первой революции 1917 года, ни в Октябрьской Сталин никакой роли не играл, был в тени и ждал. Через несколько времени после взятия власти Ленин назначил его наркомом...

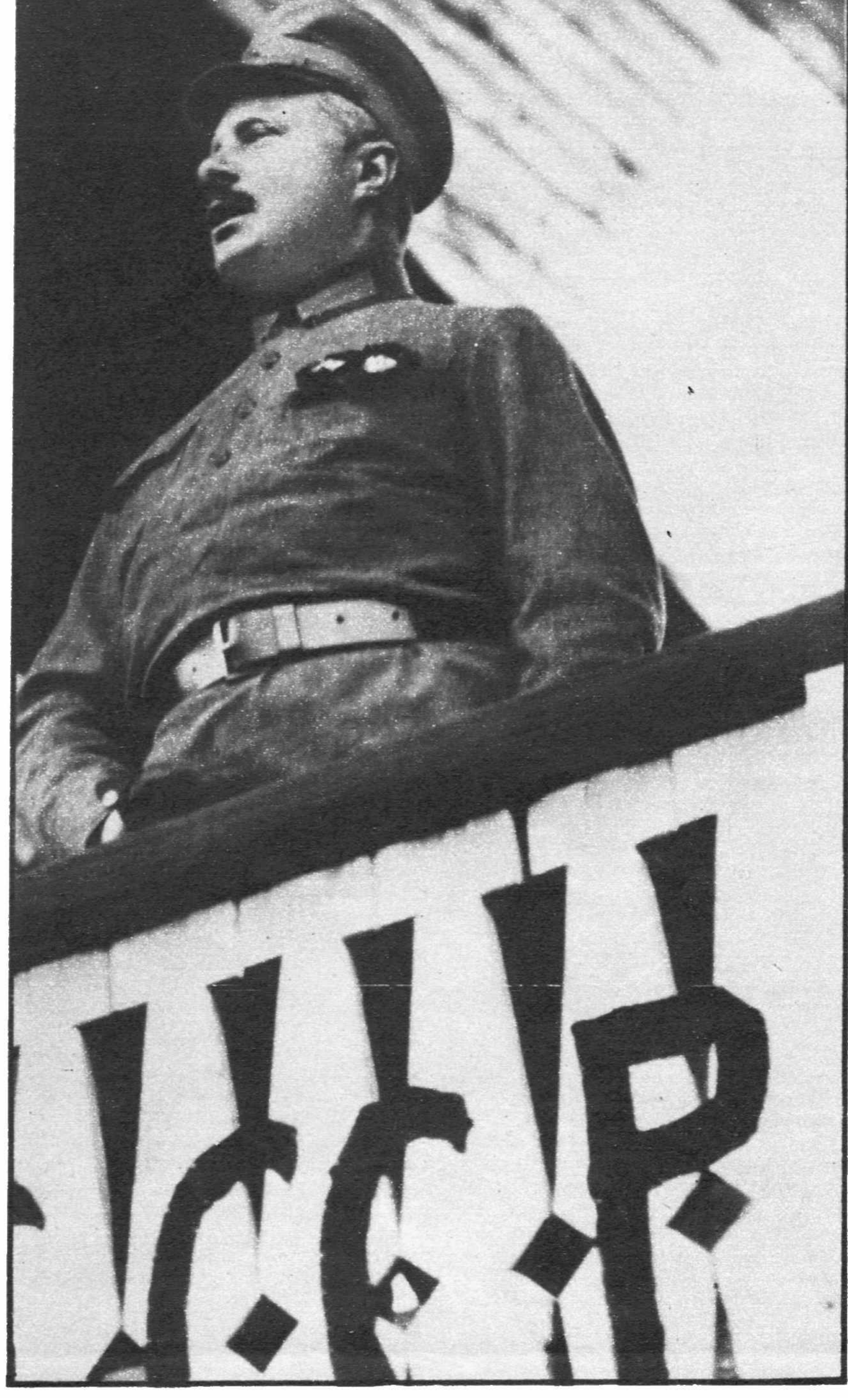
Наркомом Сталин только числился — в наркоматы свои почти никогда не показывался. На фронтах гражданской войны его анархическая деятельность очень спорна, а во время польской войны, когда все наступление на Варшаву сорвалось из-за невыполнения им и его армиями приказов главного командования, и просто вредна. И настоящая карьера Сталина начинается только с того момента, когда Зиновьев и Каменев, желая захватить наследство Ленина и организуя борьбу против Троцкого, избрали Сталина как союзника, которого надо иметь на партийном аппарате. Зиновьев и Каменев не понимали только одной простой вещи — партийный аппарат шел автоматически и стихийно к власти...

Тщательно разбирая его жизнь и его поведение, трудно найти в них какие-либо человеческие черты. Единственное, что я мог бы отметить в этом смысле, это некоторая отцовская привязанность к дочке — Светлане. И то до некоторого момента. А кроме этого, пожалуй, ничего.

Грубость Сталина. Она была скорее натуральной и происходила из его малокультурности. Впрочем, Сталин очень хорошо умел владеть собой и был груб, лишь когда не считал нужным быть вежливым. Интересны наблюдения, которые я мог делать в его секретариате. Со своими секретарями он не был нарочито груб, но если, например, он звонил и курьерша была в отсутствии (относила, например, куда-нибудь бумаги), и на звонок появлялся в его кабинете Мехлис или Каннер, Сталин говорил только одно слово: «чаю» или «спички»...

Обычные регулярные заседания Политбюро начинались утром и заканчивались к обеду. Члены Политбюро расходились обедать, а я оставался в зале заседания, чтобы сформулировать и записать постановления по последним обсуждающимся вопросам. Сделав это, я отправлялся к Сталину. Обычно в это время он начинал обедать. За столом были он, его жена Надя и старший сын Яшка (от первой жены — урожденной Сванидзе). Сталин просматривал карточки, и я отправлялся в ЦК заканчивать протокол.

Первый раз, когда я попал к его обеду, он налил стакан вина и предложил мне. «Я не пью, товарищ Сталин». «Ну, стакан вина, это можно; и это — хорошее, кахетинское». «Я вообще никогда ничего алкогольного не пил и не пью». Сталин удивился: «Ну, за мое здоровье». Я отказался пить и за его здоровье. Больше он меня вином никогда не угощал.

Михаил Фрунзе. Фото 20-х годов.

Но часто бывало так, что, выйдя из зала заседаний Политбюро, Сталин не отправлялся прямо домой, а, гуляя по Кремлю, продолжал разговор с кем-либо из участников заседания. В таких случаях, придя к нему на дом, я должен был его ждать. Тут я познакомился и разговорился с его женой, Надей Аллилуевой, которую я просто называл Надей. Познакомился довольно близко и даже несколько подружился.

Надя ни в чем не была похожа на Сталина. Она была очень хорошим, порядочным и честным человеком. Она не была красива, но у нее было милое, открытое и симпатичное лицо. Она была приблизительно моего возраста, но выглядела старше, и я первое время думал, что она на несколько лет старше меня. Известно, что она была дочерью питерского рабочего-большевика Аллилуева, у которого скрывался Ленин в 1917 году перед большевистским переворотом. От Сталина у нее был сын Василий (в это время ему было лет пять), потом, года через три, еще дочь, Светлана.

Когда я познакомился с Надей, у меня было впечатление, что вокруг нее какая-то пустота — женщин-подруг у нее в это время как-то не было, а мужская публика боялась к ней приближаться — вдруг Сталин заподозрит, что ухаживают за его женой,— сживет со свету. У меня было явное ощущение, что жена почти диктатора нуждается в самых простых человеческих отношениях. Я, конечно, и не думал за ней ухаживать (у меня уже был в это время свой роман, всецело меня поглощавший). Постепенно она мне рассказала, как протекает ее жизнь.

Домашняя ее жизнь была трудна. Дома Сталин был тиран. Постоянно сдерживая себя в деловых отношениях с людьми, он не церемонился с домашними. Не раз Надя говорила мне, вздыхая: «Третий день молчит, ни с кем не разговаривает и не отвечает, когда к нему обращаются; необычайно тяжелый человек». Но разговоров о Сталине я старался избегать — я уже представлял себе, что такое Сталин, бедная Надя только начинала, видимо, открывать его аморальность и бесчеловечность и не хотела сама верить в эти открытия.

Через некоторое время Надя исчезла, как потом оказалось, отправилась проводить последние месяцы своей беременности к родителям в Ленинград. Когда она вернулась и я ее увидел, она мне сказала: «Вот, полюбуйтесь моим шедевром». Шедевру было месяца три, он был сморщенным комочком. Это была Светлана. Мне было разрешено в знак особого доверия подержать ее на руках (недолго, четверть минуты — эти мужчины такие неловкие).

После того как я ушел из секретариата Сталина, я Надю встречал редко и случайно. Когда Орджоникидзе стал председателем ЦКК, он взял к себе Надю третьим секретарем; первым был добродушный гигант Трайнин. Зайдя как-то к Орджоникидзе, я в последний раз встретился с Надей. Мы с ней долго и по-дружески поговорили. Работая

Журнальный фотомонтаж из серии «Вожди революции» (начало 20-х годов).

у Орджоникидзе, она ожила — здесь атмосфера была приятная. Серго был хороший человек. Он тоже принял участие в разговоре; он был со мной на «ты», что меня немного стесняло,— он был на двадцать лет старше (впрочем, он был на «ты» со всеми, к кому питал маломальскую симпатию). Больше я Надю не видел...

На квартире Сталина жил и его старший сын — от первого брака — Яков. Почему-то его никогда не называли иначе как Яшка. Это был очень сдержанный, молчаливый и скрытный юноша; он был года на четыре моложе меня. Вид у него был забитый. Поражала одна его особенность, которую можно назвать нервной глухотой. Он был всегда погружен в свои какие-то скрытые внутренние переживания. Можно было обращаться к нему и говорить — он вас не слышал, вид у него был отсутствующий. Потом он вдруг реагировал, что с ним говорят, спохватывался и слышал все хорошо.

Сталин его не любил и всячески угнетал. Яшка хотел учиться — Сталин послал его работать на завод рабочим. Отца он ненавидел скрытой и глубокой ненавистью. Он старался всегда остаться незамеченным, не играл до войны никакой роли. Мобилизованный и отправленный на фронт, он попал в плен к немцам. Когда немецкие власти предложили Сталину обменять какого-то крупного немецкого генерала на его сына, находившегося у них в плену, Сталин ответил: «У меня нет сына». Яшка остался в плену и в конце немецкого отступления был гестаповцами расстрелян...

Конечно, резюмируя все сказанное о Сталине, можно утверждать, что это был аморальный человек с преступными наклонностями.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО

Из большевистских вождей Троцкий производил на меня впечатление более крупного и одаренного. Но справедливость требует тут же сказать, что он был одарен отнюдь не всесторонне и наряду с выдающимися качествами обладал немалыми недостатками.

Он был превосходным оратором, но оратором типа революционного — зажигательно-агитаторского. Он умел найти и бросить нужный лозунг, говорил с большим жаром и пафосом и зажигал аудиторию. Но он умел вполне владеть своим словом, и на заседаниях Политбюро, где обычно никакого пафоса не полагалось, говорил сдержанно и деловито.

У Троцкого было очень острое перо, он был способный, живой и темпераментный публицист.

Он был человек мужественный и шел на все риски, связанные с его революционной деятельностью. Достаточно указать на его поведение, когда он председательствовал в 1905 году на Петербургском Совете депутатов; до конца он держался храбро и вызывающе и прямо с председательской трибуны пошел в тюрьму и ссылку.

Но еще более доказательна история с «клемансистским тезисом» 1927 года. Власть уже была целиком в руках Сталина, который продолжал шумиху с оппозицией, выявляя (как я уже писал выше) скрытых врагов. На ноябрьском Пленуме ЦК 1927 года, на котором Сталин предложил в конце концов исключить Троцкого из партии, Троцкий взял слово и, между прочим, сказал, обращаясь к группе Сталина (передаю смысл): «Вы — группа бездарных бюрократов. Если станет вопрос о судьбе советской страны, если произойдет война, вы будете совершенно бессильны организовать оборону страны и добиться победы. Тогда, когда враг будет в 100 километрах от Москвы, мы сделаем то, что сделал в свое время Клемансо,— мы свергнем бездарное правительство; но с той разницей, что Клемансо удовлетворился взятием власти, а мы, кроме того, расстреляем эту тупую банду ничтожных бюрократов, предавших революцию. Да, мы это сделаем. Вы тоже хотели бы расстрелять нас, но вы не смеете. А мы посмеем, так как это будет совершенно необходимым условием победы». Конечно, в этом выступлении много и наивности, и непонимания Сталина, но как не снять шляпу перед этим выступлением?

Благодаря темпераменту Троцкого, его мужеству и его решительности, он был, несомненно, человеком острых критических моментов, когда он брал на себя ответственность и шел до конца. Именно поэтому он сыграл такую роль во время Октябрьской революции, когда он был незаменимым выполнителем ленинского плана захвата власти: Сталины куда-то попрятались, Каменевы и Зиновьевы перед риском отступили и выступили против, а Троцкий шел до конца и смело возглавил акцию...

Но здесь надо указать и на один важный недостаток Троцкого. Он был слишком человеком позы. Убежденный, что он вошел в Историю, он все время для этой Истории (с большой буквы) позировал. Это было не всегда удачно. Иногда это была большая поза, оправданная ролью, которую играли Троцкий и его социальная революция в мировых событиях; к примеру, когда советская власть во время гражданской войны висела на волоске — «Мы уйдем, но так хлопнем дверью, что весь мир содрогнется»,— это тоже для позы и для Истории; иногда это было менее оправдано; еще было терпимо, когда Троцкий принимал парады своей Красной Армии, стоя на броневике; но бывало и так, что поза была не к месту и была смешна.

Стратегией гражданской войны руководил, конечно, больше Ленин, чем Троцкий. Но в организации Красной Армии Троцкий сыграл, несомненно, очень большую роль. Здесь надо отметить одну черту, характерную не для одного Троцкого. В процессе управления страной, отдельными сторонами в организации борьбы и хозяйства, способные люди быстро росли и учились. Красины, Сокольниковы и Сырцовы с каждым годом становились все более государственными людьми. В государственной школе даже и менее способные росли и учились. Например, небезызвестный Михалваныч Калинин, которого Ленин ввел в Политбюро отчасти большинства ради, отчасти для того, чтобы постоянно иметь под рукой человека, знающего деревню и психологию крестьян,— в этом смысле оказывал несомненные услуги. Но когда он пробовал принимать участие в прениях, требовавших некоторых знаний и культуры, он первое время нес такую чепуху, что члены Политбюро невольно улыбались. И что же? Через два-три года Михалваныч значительно поумнел, во многом разобрался и, не будучи лишен от природы здравого смысла, часто выступал очень толково и перестал быть комиком труппы.

Способный Троцкий, бывший вначале талантливым агитатором, тоже сильно вырос в организаторской и руководящей работе. Но не раз и срывался. После окончания гражданской войны, когда транспорт был совершенно разрушен и железнодорожники, не получавшие практически никакого жалованья, должны были, чтобы не умереть с голоду, культивировать овощи и заниматься мешочничеством, им некогда было за-

ниматься поездами, и поезда не ходили. Ленин назначил Троцкого Народным Комиссаром Путей Сообщения (не без скверной задней мысли — чтобы поставить Троцкого в глупое положение). По вступлении в должность Троцкий написал патетический приказ: «Товарищи железнодорожники! Страна и революция гибнут от развала транспорта. Умрем на нашем железнодорожном посту, но пустим поезда!» В приказе было больше восклицательных знаков, чем иному делопроизводителю судьба отпускает на всю жизнь. Товарищи железнодорожники предпочли на железнодорожном посту не умирать, а как-нибудь жить, а для этого нужно было сажать картошку и мешочничать. Железнодорожники мешочничали, поезда не ходили, и Ленин, достигший своей цели, прекратил конфуз, сняв Троцкого с поста Наркомпути.

Не подлежит сомнению, что и первое время оранизации Красной Армии Троцким все шло в лозунгах и речах о солдатских комитетах, выборных командирах, бестолковщине, демагогии и бандитизме. Но скоро Троцкий сообразил, что никакой армии без минимальных военных знаний и без минимальной дисциплины создать нельзя. Он привлек специалистов — старых офицеров царской армии; одни были куплены высокими чинами, других просто мобилизовали и заставили отдавать их умение под строгим надзором коммунистических комиссаров. А в борьбе за дисциплину пришлось всю гражданскую войну бороться против Сталиных и Ворошиловых. И сам Троцкий при этом многому научился и из агитатора постепенно превратился в организатора. Но больших высот в этом деле он все же не достиг; не говоря о конфузе с транспортом, когда пришлось организовать борьбу за власть, ничего дельного здесь Троцким создано не было, и в смысле организации посредственные Молотовы били его по всей линии. Правда, Троцкий считал, что самое важное в этой политической борьбе — это большие вопросы политической стратегии, «политика дальнего прицела», борьба в сфере идей. Тут он явно пошел за Лениным, пытаясь копировать ленинские схемы и ленинские рецепты, явно демонстрируя свою слабость по сравнению с Лениным, который, конечно, занимался, и очень занимался, вопросами политической стратегии, но придавал не меньшее значение и вопросам организационным.

Здесь приходится коснуться еще одного слабого места Троцкого — его слабости как теоретика и мыслителя.

Я бы сказал, что Троцкий — тип верующего фанатика. Троцкий уверовал в марксизм; уверовал затем в его ленинскую интерпретацию. Уверовал прочно и на всю жизнь. Никаких сомнений в догме и колебаний у него никогда не было видно. В вере своей он шел твердо. Он мог только капитулировать перед всей партией, которую он считал совершенным орудием мировой революции, но он никогда не отказывался от своих идей и до конца дней своих в них твердо верил; верил с фанатизмом. Из людей этого типа выходят Франциски Ассизские, и Петры Отшельники, и Савонаролы; но и Троцкие, и Гитлеры. Не теоретики, не мыслители, такие фанатики оказывают гораздо большее влияние на судьбу человечества, чем столпы разума и мудрости.

Если попытаться восстановить, какова была основная политическая мысль Троцкого, то не так легко разобраться в горе ложных обвинений, которую беспрерывно громоздили против него сначала зиновьевцы, потом сталинцы, потом сталинские наследники. Во всяком случае, уже в то время, когда эта борьба происходила внутри партии и я был ее свидетелем, для меня, как и для всех большевистских верхов, была ясна лживость и надуманность большинства разногласий. Нужно было повергнуть соперника и завладеть властью. Но нельзя было иметь такой вид, что это безыдейная борьба пауков в банке. Надо было делать вид, что борьба высокоидейная и разногласия необычайно важны: от того или другого их решения зависит будто бы чуть ли не все будущее революции.

Между тем обычно это были неопределенные споры о словах. В особенности много таких пустых и тенденциозных споров было проведено вокруг знаменитой теории «перманентной революции» Троцкого и сталинского «построения социализма в одной стране». На самом деле идея Троцкого заключалась в том, что с Октябрьской революцией в России началась эпоха мировой социальной революции, которая будет вспыхивать и в других странах. Имея всегда эту цель в виду, надо рассматривать коммунистическую Россию как плацдарм, базу, позволяющую вести и продолжать подготовительную революционную работу в других странах. Это совершенно не означает, что, имея в виду цель мировой революции, можно не придавать никакого значения тому, что будет происходить в России. Наоборот, по мысли Троцкого, надо активно строить коммунизм в России; но, по его мнению (и надо сказать, что Ленин до революции целиком это мнение разделял), одна изолированная русская революция едва ли долго устоит перед натиском остальных «капиталистических» стран, которые постараются подавить ее силой оружия...

Сталин, желая иметь вид, что у него тоже в основном идейные разногласия с Троцким, в начале 1925 года обвинил Троцкого в том, что он не придает значения, «не верит» в возможность построить социализм в одной стране, то есть в России, где коммунистическая революция уже произведена. На беду, в этот момент (март 1925 года) опять началась грызня между Зиновьевым и Сталиным: Зиновьев не терпел экскурсов Сталина в область общей стратегии и находил смехотворным его попытки выступать в роли теоретика и стратега. На мартовском пленуме произошли стычки, и Сталин отомстил Зиновьеву, показавши ему, что большинство в ЦК стоит больше, чем какая-то там стратегия. На пленуме тезисы Зиновьева к Исполкому Коминтерна были отвергнуты по вздорным мотивам спора о словах — идет ли речь об «окончательной» победе социализма или нет. В апреле Зиновьев и Каменев на Политбюро удвоили атаки против сталинского социализма в одной стране — надо было не допустить, чтобы Сталин ставил свою кандидатуру в стратеги и вожди революции. В конце апреля Сталин созвал XIV партийную конференцию, на которой этот вопрос сугубо обсуждался.

Опять-таки споры шли о словах и были надуманы. Может ли быть социализм построен в одной стране? Вопрос в конце концов шел о том, свергнут ли его враги силой оружия. На восьмом году революции уже можно было разглядеть, что пока его никто свергать не собирается. Сделать ли из этого символ веры? Какой в этом смысл? Или считать, что пока надо усиляться, а там видно будет, это, в сущности, никакого значения не имело. А сколько потом, поссорившись со Сталиным, вылил зиновьевский блок чернил на Сталина, доказывая, что он не революционер, забросил мировую революцию и погряз только в местных делах и т. д.

Кроме всего этого, надуманного, были, конечно, и проблемы капитальной важности. Самая важная, которая встала в 1925—1926 годах была: про-

должать ли нэп, мирное соревнование между элементами «капиталистическими» (то есть свободного рынка, хозяйственной свободы и инициативы) и коммунистическими, или вернуться к политике 1918—1919 годов и вводить коммунизм силой. От того, по какому пути пойдет власть, зависела жизнь десятков миллионов людей.

Практически это был прежде всего вопрос о деревне. Дать возможность как-то медленно эволюционировать крестьянству и его хозяйству, не разрушая их, или разгромить крестьянство, ни перед чем не останавливаясь (по марксистской догме крестьянство — это мелкие собственники, элемент мелкобуржуазный). Тут, конечно, был и вопрос: есть ли возможность это сделать? Ленин опасался, что власть не обладает достаточными силами, и предпочитал решение постепенное с добровольным и медленным вовлечением крестьянства в колхозы («кооперативы»). Сейчас, по оценке Сталина, гигантский полицейский аппарат (с опорой на армию) достиг такой силы, что создание искомой всероссийской каторги было возможно.

Но каков лучший путь? Кое-чему научившиеся практики Бухарин и Рыков считали, что надо продолжать ленинский путь нэпа. В апреле 1925 года Бухарин на собрании московского актива сделал свое знаменитое заявление, что «коллективизация — не столбовая дорога к социализму» и что надо ставить ставку на развитие крестьянского хозяйства, бросил даже крестьянам лозунг «обогощайтесь!».

Ярые фанатики, как Троцкий, бесчестные комбинаторы, искавшие лишь власти, как Зиновьев, и вполне аморальная публика, как Сталин, из разных соображений сошлись на том же: продолжать силой внедрение коммунизма.

Но это произошло не сразу. В 1925 году зиновьевский клан ничего не имел против бухаринской позиции. Понадобилось его удаление от власти в 1926 году, чтобы он сделал вольт-фас и стал защищать рецепты Троцкого о сверхиндустриализации и нажиме на деревню. А Сталин, не особенно углубляясь в идеи, больше подчинял все своим комбинациям. В 1926 году, выбросив Зиновьева и Каменева, он поддержал против них позицию Бухарина. И до конца 1927 года, громя зиновьевско-троцкистский блок, он занимает эту позицию. Но в конце 1927 года он решает отделаться от старых членов Политбюро — Бухарина, Рыкова и Томского. И тогда он без всякого смущения берет всю политику Зиновьева и Троцкого, которую он все время осуждал и громил. Теперь он и за сверхиндустриализацию, и за насильственную коллективизацию и разгром деревни. И когда декабрьский съезд 1927 года дает ему наконец твердое и непоколебимое большинство в ЦК (плод многих лет неустанной работы), он эту попытку принимает, выбрасывает старых членов Политбюро и теперь уже спокойно через горы трупов идет к своему коммунизму.

По существу здесь пути Сталина и Троцкого сошлись...

Между тем надо вспомнить, что даже в своем завещании Ленин писал о «небольшевизме» Троцкого (который он, впрочем, советовал не особенно ему ставить в вину). Фактически это означает, что до революции Троцкий никогда не принадлежал к ленинской партии профессиональных революционеров. Известно, что, приехав в Россию после февральской революции, он сначала вошел в группу «межрайонцев», с которыми летом 1917 года и влился в конце концов в ленинскую организацию. То есть Троцкий до революции не был большевиком...

Хотя и фанатик, и человек нетерпимый в своей вере, он был отнюдь не лишен человеческих чувств — верности в дружбе, правдивости, элементарной честности...

Он — хороший семьянин, очень любит своих детей, которые преклоняются перед ним, преданы ему и слепо идут за ним. Я был знаком с его дочкой Зиной, очень на него похожей, худенькой и хрупкой туберкулезной молодой женщиной, так же возбужденной и вспыхивающей, как отец. Отец для нее был все. Она, конечно, погибла в сталинских тюрьмах.

И еще одна черта меня всегда поражала в Троцком — его удивительная наивность и непонимание людей. Можно подумать, что он всю жизнь прошел, видя только абстракции и не видя живых людей, как они есть. В частности, он ничего не понял в Сталине, о котором написал толстую книгу.

В 1930 году, будучи за границей, я писал по поводу высылки Троцкого из СССР, что я очень удивлен и не узнаю моего Сталина, которого я так хорошо изучил. Гораздо более в его нравах было поступить с Троцким, как, например, с Фрунзе. В сталинском распоряжении сколько угодно способов отравить Троцкого (ну, не прямо это было бы подписано, а при помощи вирусов, культур микробов, радиоактивных веществ), и потом хоронить его с помпой на Красной площади и говорить речи. Вместо этого он выслал его за границу. Я заканчивал свое изложение так: «В общем, непонятно, почему Сталин не следовал своему обычному методу, который так отвечает его привычкам и его характеру. Но в конце концов вполне возможно, что Сталин находил более выгодным убить Троцкого не в СССР, а за границей».

Это было написано в 1930 году. В 1940 году последней работой Троцкого была книга о Сталине, которую смерть не дала ему закончить. Он успел написать 584 страницы этой книги. Следовательно, 579-ю и 580-ю страницы он писал, вероятно, в последние дни или недели своей жизни. Вот что он пишет на этих страницах: «По поводу моей высылки в феврале 1929 года в Турцию Бажанов пишет...» Далее идет на полстраницы цитата из моей книги. Вслед за тем Троцкий продолжает: «В 1930 году, когда появилась книга Бажанова, я рассматривал это как простое литературное упражнение. После московских процессов я ее более принял всерьез». И далее он приводит догадки, что в сталинском секретариате, который я покинул в 1926 году, я что-то по этому поводу слышал и знаю. То есть то, что было для меня ясно еще в 1930 году и в чем я не сомневался, а именно, что Сталин в нужный момент его убьет (а с началом войны для Сталина это принимало характер срочности), Троцкий «начинал принимать всерьез» лишь незадолго до своей смерти. И для этого еще нужно было допускать, что Бажанов что-то слышал в сталинском секретариате в 1926 году. А нельзя было просто сообразить, что такое Сталин? Какая поразительная наивность и какое непонимание людей!

В течение трех лет Григорий Евсеевич Зиновьев был № 1 коммунизма и затем в течение десяти лет постепенно спускался в подвал Лубянки, где он и закончил свою жизнь. Заменив Ленина на посту лидера, он все же партией как настоящий вождь принят не был. На первый взгляд может показаться, что это облегчило его поражение. На самом деле победа или поражение в этой борьбе за власть определялись другими причинами, чем популярность, чем признание превосходства. Среди этих причин есть и очень важные, но до сих пор малоучтенные, но об этом речь будет дальше.

Зиновьев был человек умный и культурный; ловкий интриган, он прошел длинную ленинскую дореволюционную большевистскую школу. Порядочный трус, он никогда не склонен был подвергаться рискам подполья, и до революции почти вся его деятельность протекла за границей. Летом 1917 года он также не очень был увлечен риском революционного переворота и занял позицию против Ленина. Но после революции Ленин простил ему довольно быстро и в начале 1919 года поставил его во главе Коминтерна.

С этого времени Зиновьев благоразумно занимает позицию ленинского ученика и последователя. Эта позиция была удобна и чтобы претендовать на ленинское наследство. Но ни в каком отношении, ни в смысле теории, ни в смысле большой политики, ни в области организационной стороны борьбы Зиновьев не оказался на высоте положения. Как теоретик, он не дал ничего; попытки 1925—1926 годов (философия эпохи по Зиновьеву — стремление к равенству) не вязались ни с целями, ни с практикой коммунизма и были приняты партией с равнодушием. В области большой политической стратегии он подчинял все мелкой тактике борьбы за власть, яростно стараясь отвергать все, что говорил Троцкий, а отброшенный от власти, сразу принял все позиции Троцкого (прямо противоположные), чтобы блокироваться с ним против Сталина. Наконец, в области организационной он только сумел крепко захватить в свои руки вторую столицу, Ленинград; но этого было слишком недостаточно для успеха. Он держал в своих руках и Коминтерн; но это было еще менее важно. Тот, кто был хозяином в Кремле, мог посадить кого угодно руководить Коминтерном (одно время Сталин посадил даже Молотова).

Выдвинув весной 1922 года Сталина на пост генерального секретаря партии, Зиновьев считал, что позиции, которые он сам занимал в Коминтерне и в Политбюро, явно важнее, чем позиция во главе партийного аппарата. Это был просчет и непонимание происходивших в партии процессов, сосредоточивавших власть в руках аппарата. В частности, одна вещь для людей, боровшихся за власть, должна быть совершенно ясной. Чтобы быть у власти, надо было иметь свое большинство в Центральном Комитете. Но Центральный Комитет избирается съездом партии. Чтобы избрать свой Центральный Комитет, надо было иметь свое большинство на съезде. А для этого надо было иметь за собой большинство делегаций на съезд от губернских, областных и краевых партийных организаций. Между тем эти делегации не столько выбираются, сколько подбираются руководителями местного партийного аппарата — секретарем губкома и его ближайшими сотрудниками. Подобрать и рассадить своих людей в секретари и основные работники губкомов, и таким образом будет ваше большинство на съезде. Вот этим подбором и занимаются систематически уже в течение нескольких лет Сталин и Молотов. Не всюду это проходит гладко и просто. Например, сложен и труден путь ЦК Украины, у которого несколько губкомов. Приходится комбинировать, смещать, перемещать, то сажать на ЦК Украины первым секретарем Кагановича, чтоб навел в аппарате порядок, то перемещать, выдвигать и удалять строптивых украинских работников. Но в 1925 году основное в этом рассаживании людей проделано. Зиновьев увидит это тогда, когда уже будет поздно. Казалось, можно было раньше сообразить смысл этой сталинской работы.

На съезде 1924 года Зиновьев второй раз (и последний) делает свой лидерский политический отчет ЦК. За несколько дней до съезда он еще явно не знает, о чем он будет докладывать. Он спрашивает меня, не могу ли я ему сделать анализ работы Политбюро за истекший год. Я его делаю и представляю в виде развернутых материалов к съезду о том, чем в основном занималось Политбюро за год. Я никак не ожидаю, что все это может играть большую роль, чем материалы. На большую роль они, конечно, и не претендуют. К моему большому удивлению, Зиновьев ухватывается за эти материалы и так примерно строит свой доклад: «Вот, товарищи, за этот год мы занимались тем-то и тем-то и сделали то-то».

Я поражен. Настоящий вождь и лидер должен был выделить основные и узловые проблемы жизни страны, путей революции. Вместо этого — неглубокий отчет. Случайно мои материалы служат канвой для этого бухгалтерского отчета. Я убеждаюсь, что настоящего размаха и настоящей глубины у Зиновьева нет.

Трудно сказать почему, но Зиновьева в партии не любят. У него есть свои недостатки, он любит пользоваться благами жизни, при нем всегда клан своих людей; он трус; он интриган; политически он небольшой человек; но остальные вокруг не лучше, а многие и много хуже. Формулы, которые в ходу в партийной верхушке, не очень к нему благосклонны (а к Сталину?): «Берегитесь Зиновьева и Сталина: Сталин предаст, а Зиновьев убежит».

На свое несчастье, Лев Борисович Каменев находится на поводу у Зиновьева, который увлекает его и затягивает во все политические комбинации. Сам по себе он не властолюбивый, добродушный и довольно «буржуазного» склада человек. Правда, он старый большевик, но не трус, идет на риски революционного подполья, не раз арестовывается: во время войны в ссылке; освобождается лишь революцией. Здесь он попадает в орбиту Зиновьева и теперь всегда идет за ним, в частности, против ленинского плана захвата власти; потом предлагает создание коалиционного правительства с другими партиями и подает в отставку; но скоро он опять же вслед за Зиновьевым появляется на поверхности, возглавляя Московский Совет, а потом становится чрезвычайно полезным для Ленина его заместителем по всем хозяйственным делам. А с болезнью Ленина он и фактически руководит всей хозяйственной жизнью. Но Зиновьев втягивает его в тройку, и три года он во всем практическом руководстве заменяет Ленина: председательствует на Политбюро, председательствует в Совнаркоме и в Совете Труда и Обороны.

Человек он умный, образованный, с талантами хорошего государственного работника (теперь сказали бы «технократа»).

Женат он на сестре Троцкого, Ольге Давыдовне. Сын его, Лютик, еще очень молод, но уже широко идет по пути, который в партии называется «буржуазным разложением». Попойки, пользование положением, молодые актрисы. В партии есть еще люди, хранящие веру в идею; они возмущаются. Написана даже пьеса «Сын Наркома», в которой выведен Лютик Каменев, и пьеса идет в одном из московских театров; при этом по разным деталям нетрудно догадаться, о ком идет речь. Каннеру звонят из Агитпропа ЦК — за директивой; Каннер спрашивает у Сталина, как быть с пьесой; Сталин говорит: «Пусть идет». Каменев подымает на тройке вопрос о том, что пьесу надо запретить — это явная дискредитация члена Политбюро. Зиновьев говорит, что лучше не обращать внимания: запретив пьесу, Каменев распишется, что речь идет о нем; Зиновьев напоминает историю с «Господами Обмановыми» — роман запрещен не был (до войны при царской власти революционный писатель Амфитеатров опубликовал довольно гнусный пасквиль на царскую семью — семью Романовых; и, хотя там была масса деталей, по которым было видно, о ком идет речь, царь признал ниже своего достоинства запрещением романа признать, что речь идет о его семье; и роман свободно циркулировал).

— «Благодарю Вас, Генрих», — отвечает Каменев (это из Шекспира); «И известно, чем это кончилось» (это от Каменева). В конце концов было решено не запрещать пьесу, но оказать нужное давление, чтобы она была снята с репертуара.

В области интриг, хитрости и цепкости Каменев совсем слаб. Официально он «сидит на Москве» — столица считается такой же его вотчиной, как Ленинград у Зиновьева. Но Зиновьев в Ленинграде организовал свой клан, рассадил его и держит свою вторую столицу в руках. В то время как Каменев этой технике чужд, никакого своего клана не имеет и сидит на Москве по инерции. Мы скоро увидим, как он ее потеряет (вместе со всем прочим).

Фотодокументы из фонда ЦГАКФД СССР.

Окончание следует.

НЕ ДЕЛИТЬ, А ЗАРАБАТЫВАТЬ

Начало на 2-й стр. обложки.

ципа дележа к принципу зарабатывания. До сих пор мы живем в психологии дележа и ломаем голову не над тем, как больше создать, заработать, связать меру того, что хотим получить, с мерой своего вклада в умножение общественного богатства, а над тем, как лучше разделить то, что даже и создано не нами.

Кто-то выразился: мы ведем себя как супруги при разводе, когда решается вопрос не как жить вместе и приумножать добро, оставить наследство детям, а как поделить общее имущество.

Так что на комиссиях не возникало разночтения между положением дел в экономике и их оценкой. Но вот дальше, увы, не всегда удается найти взаимопонимание. Сейчас некоторые республики, город Москва переходят на хозяйственный расчет. И опять наблюдаются несдержанные восторги и непонятная эйфория. В принципе принятые меры, конечно, благо. Они развяжут руки инициативе, дадут республикам возможность более эффективно, чем прежде, вести свое хозяйство. Но и работать придется гораздо больше, чем раньше.

Я пытаюсь охлаждать некоторых особенно оптимистично настроенных товарищей: во-первых, вы, пожалуйста, не надейтесь, что с момента перехода на хозяйственный расчет у вас произойдет хоть какое-то увеличение ресурсов. Их просто нет. Для того чтобы увеличить ресурсы вам, их надо у кого-то забрать. При переходе на хозрасчет вы получаете только право зарабатывать, поэтому вы должны сказать своим гражданам: все, что мы заработаем, после уплаты налогов государству остается нам. И мы сами будем решать, на что потратить эти средства: строить ли больницы, школы, озеленять ли территорию, проводить какие-то экологические мероприятия. И второе, что вы обязательно должны понять, это то, что с переходом на хозрасчет вы принимаете на себя всю полноту ответственности за решение всего комплекса экономических, социальных и экологических проблем вашего региона. Больше ссылаться будет не на кого. Кончается время, когда за все неурядицы можно было кивать на Совмин, Госплан и так далее. Мол, не дали, не запланировали, не выделили ресурсы. Вам устанавливают налоги, определенный размер госзаказа, а дальше — живите, как хотите. И отвечайте за свое умение руководить делом перед своими избирателями...

— И что же вам в ответ?

— Молчание... Будто столкнулись с полной неожиданностью. А ведь настоящий хозрасчет — относится ли он к предприятию, региону или подразделению любого другого хозяйственного комплекса — это и есть переход от дележа к зарабатыванию. Мы вообще переходим сейчас к новому образу жизни, новому типу отношений внутри коллективов и между отдельными коллективами. Это ломает десятилетиями складывавшиеся структуры, психологию, мышление. Это касается всего: и заработка, и квартиры, и потребительского рынка. Нам многое приходится переосмысливать, так как наши прежние понятия складывались в условиях бедности, низкого уровня жизни. Когда доходов хватало только на то, чтобы, живя в коммуналке, едва-едва сводить концы с концами. И сейчас это старое мышление вырастает в большой социальный вопрос, к решению которого мы не готовы.

Например, мы в нашей комиссии подготовили для вынесения в Верховный Совет СССР проект закона о единой налоговой системе: налоги на прибыль, на кооперативы, налоги на личные доходы и так далее; но в этой системе нет налога на наследство. Так как мы не знаем, с какой стороны подойти к этому вопросу...

— Нет концепции?

— Нет концепции, нет научных разработок...

— А на Западе закон о налоге на наследство — один из главных...

— Но там наследственное право привязано к другой общественной структуре, другому уровню жизни. Да и подошли они к этой проблеме гораздо раньше нас, поэтому накопили большой опыт. Мы же столкнулись с ней только сейчас. И оказалось, что мало что знаем. Стали размышлять на чисто интуитивном уровне. С одной стороны, есть вроде бы элемент социальной несправедливости, что два молодых человека входят в жизнь при разных стартовых условиях: один начинает с нуля, другой — имея и хорошую квартиру, и дачу, и машину, и деньги, полученные в наследство. Но, с другой стороны, обрезать у второго эти блага означало бы лишить стимула, инициативы, стремления хорошо и высокопроизводительно трудиться самые активные слои населения. В конце концов, когда мы говорим о заработках, то практически мало кто думает о себе лично, о том, чтобы купить себе лишний костюм. Больше думают о семье, о подрастающем поколении, о детях. Может быть, чрезмерно много о них думают, но на то мы и Россия, чтобы во всем перегибать палку. Короче, оставить о себе память, обеспечить детям хорошие условия жизни — мощнейшая движущая сила. Нельзя так вот, походя, взять ее и обрезать...

Но все это, как видите, рассуждения на уровне интуиции. Есть одна крайность, есть другая крайность, и ни одну нельзя положить в основу системы налогов...

— И что же?

— И мы... стыдливо обошли этот вопрос. Мы не готовы были предложить какую-либо стройную концепцию. И, к сожалению, не нашлось у нас ни одного специалиста, который бы мог четко сформулировать свои предложения.

— Но можно было бы пригласить людей, близких к этой проблеме, обсудить все, поискать пути решения...

— Уверен заранее, что начался бы спор, крик, отсутствие взаимопонимания, и никакого конструктива...

— Слушаю я вас, Леонид Иванович, и все время вертится вопрос: почему вы все-таки согласились принять этот пост? Прошлое интервью я брал у вас в последний рабочий день прошлого года: вечером тридцатого декабря. И тогда вы уже говорили, что положение в экономике страны — чрезвычайное. Что для выхода из этой ситуации требуются и меры чрезвычайные. С тех пор дела наши только ухудшились. И вдруг вы соглашаетесь уйти из чистой науки в практику, да еще на одно из самых «горячих» мест. Непонятно.

— Не скрою, предложение занять такой высокий пост в правительственной структуре было для меня довольно неожиданным и, конечно же, означало серьезное изменение уклада жизни и многого другого. Но, должен сказать честно — не знаю, будет это истолковано в мою пользу или нет,— больших колебаний у меня не было...

— Почему?

— Хотя я и занимался, как вы выразились, «чистой» наукой, все-таки очень часто — как, впрочем, и другие ученые-экономисты — привлекался для разработки правительственных документов экономического характера. Причем еще со времен Косыгина. Так что предлагаемое мне дело в общем-то не было для меня совершенно новым.

Далее. Понимание того, что происходит в экономике страны, просто не позволяло оставаться в стороне. Это не соответствовало моим представлениям о гражданском долге. (Может быть, я покажусь несколько старомодным, но понятия Гражданственность, Гражданин, Долг не являются для меня пустыми словами.) Ведь Отечество оказалось в опасности! Твердо убежден — все, кому дорога его судьба, не могут стоять в такое время в стороне, думать о личном спокойствии...

Вы, наверное, заметили, что среди заместителей Рыжкова в основном люди, которым около шестидесяти. Да и в высшем партийном руководстве таких много. Это мое поколение, поколение с трудным детством, тяжелым отрочеством. Поколение, которое не участвовало в войне, но все-таки хватило лиха в те суровые годы. И вот теперь ему в наследство от предшественников досталось разваливающееся народное хозяйство страны, которое надо привести в порядок. Ну как тут поступить, когда твои ровесники взялись за это неподъемное дело и предлагают тебе работать вместе? Я считаю: надо соглашаться.

— Это понятно. А вот как это происходило? В какой последовательности? Ведь не просто вот так предложили пост, а вы ответили: согласен...

— Лично мне представляется, что все началось еще на XIX партконференции. После моего выступления я почувствовал вокруг себя некую зону отчуждения. Как я говорил, мое выступление понравилось далеко не всем. Люди, привыкшие чутко улавливать настроения «верхов», как-то четко обозначили свою линию поведения и даже успели покритиковать меня с высокой партийной трибуны. Так вот... Как-то после обеденного перерыва я стоял в одиночестве у входа в Кремлевский Дворец съездов. Еще оставалось время до начала очередного заседания, хотелось побыть на свежем воздухе, покурить. Смотрю, от здания Совета Министров идет Рыжков. Подходит ко мне, протягивает руку. Долго смотрит в глаза: «Надо бы поговорить».

Встретились, поговорили. Вскоре меня пригласили принять участие в заседании правительства, где обсуждался проект одного из законов. А чуть позже нашему институту поручили представить доклад об экономической реформе и ее дальнейшем совершенствовании. Правда, не все члены Президиума Совета Министров СССР согласились тогда с нашей точкой зрения, но тем не менее нам поручили подготовить еще серию докладов. Таким образом, Николай Иванович отлично знал мои позиции в вопросах экономики вообще и в отношении реформы в частности. И я, разумеется, тоже хорошо представлял уровень его требований. Так что, когда мне было предложено возглавить Государственную комиссию по реформе и занять пост заместителя Председателя Совмина, я попросил время для размышления. Мне были даны на это сутки.

— О чем вы думали в эти часы, с кем советовались, кому первому сказали о сделанном вам предложении?

— Естественно, жене. Мы с нею однокашники, так что она лучше других могла понять и оценить, на что я иду...

Ну, а я о чем думал?.. Почему-то в эти отведенные для размышления сутки у меня перед глазами стоял образ репинских бурлаков. Поверьте, я не рисуюсь. Но вспомнились именно они. К следующему утру я принял решение: надо соглашаться.

— С кем-нибудь еще советовались?

— После того как принял решение — нет. Просто рассказал детям (у меня сын и дочь), товарищам по работе в институте, коллегам-ученым. Между предложением Рыжкова и утверждением моей кандидатуры на сессии получился довольно большой разрыв по времени, так что в эти несколько дней я успел поговорить со всеми, чье мнение для меня небезразлично и кому я считал своим долгом сказать об этом лично до официальных сообщений.

Первыми были, разумеется, товарищи по институту. За три года моей работы здесь у нас сложился дружный, крепкий штаб единомышленников. Я просил, чтобы, став заместителем премьера, я оставался директором Института экономики. И получил согласие. Естественно, отдавать ему столько же времени, как и раньше, я не смогу, поэтому большая часть моей ноши должна лечь на плечи моих заместителей. С другой стороны,— и это мы тоже все понимали — я получаю возможность прикрыть их своей спиной, чем-то помочь. Имея под рукой такой институт, мне легче будет прорабатывать научную сторону предложений, которые станут проходить через комиссию. Так что все складывалось довольно удачно для всех сторон, хотя нагрузка возрастала на каждого.

— А как отнеслись коллеги-ученые?

— С пониманием. Главное — все согласились помогать в работе. Аганбегян и Петраков, Бунич и Попов, Заславская и Шаталин — все. Татьяна Ивановна Заславская, человек эмоциональный, воскликнула: «Ты веришь, что можно еще что-то сделать? Никто не хочет работать, все разваливается, мы катимся вниз!»

— А вы?

— А я... что я мог ей ответить? Да она и сама понимает, что кому-то же надо браться за дело. Буду это я, или она, или кто-то другой — все равно всем нам придется работать. Другого выхода просто нет...

И все-таки я «получил» свое. Еще при первой беседе с Рыжковым я сказал, что мое согласие некоторые расценят как желание продать себя по дорогой цене и приобрести некоторые блага, соответствующие такому высокому посту. Он удивился: «Неужели будет так?»

Так вот, когда на Верховном Совете я изложил свою программу и понимание проблем, ответил на вопросы и депутаты начали обсуждать мою кандидатуру, на трибуну поднялась представительница Литвы доктор экономических наук Прунскене и вспомнила человека, который продался за чечевичную похлебку...

— Вы ей что-нибудь ответили?

— Нет. Мне больше не дали слова. Все бы ничего, но ирония судьбы заключается в том, что буквально через две недели сама Прунскене была назначена заместителем председателя правительства Литвы и председателем комиссии по экономической реформе...

— Интересно, теперь относит она на свой счет те изыски о чечевичной похлебке? Если честный человек — должна бы...

— Пусть останется на ее совести. Но мне пришлось пройти и через это. Главное все-таки в другом: все мои коллеги, все мои товарищи высказали готовность надеть свою лямку и начать тащить, тащить сообща нашу баржу. Впереди, сзади, сбоку, в стороне, может быть, даже в виде консультанта, который идет рядом и подсказывает, как переложить лямку, чтобы получился выигрыш в работе, помогая «таким образом» лучшей организации труда. Главное, чтобы все наши раздельные лямки и усилия шли к одной общей тяге, которая закреплена на носу баржи...

— В этом смысле, я думаю, вам просто повезло. Или, Леонид Иванович, вы еще не почувствовали себя частью аппарата? Пройдет время и... Я помню ваш директорский кабинет в Институте экономики. Много зелени, цветов, какие-то картины. И в приемной масса цветов. Все располагает к спокойной работе, доверительному общению. А сейчас... Эти деревянные под дуб панели по стенам. Эти массивные кресла, книжный шкаф, ряды стульев вдоль стола для заседаний — от всего этого дохнуло чем-то довоенным. В таком кабинете удобно давать указания, грохать кулаком по столу, «убеждая» строптивых. Сколько я перевидел кремлевских кабинетов — и своими глазами, и в кино, и на фотоснимках,— все они как-то ухитрились выглядеть на одно лицо. Один социальный заказ?

— Я здесь работаю еще совсем немного и все-таки уже кое-что успел поменять. Встретимся попозже, посмотрите, останется ли тут все по-старому, или же нет. Но если серьезно, то я противник упрощенных подходов. Я не стал бы походя противопоставлять государственный аппарат науке, не стал бы отрицать большое влияние личностных отношений на какие-то общественные процессы. Надо и на новом месте оставаться самим собой. Знаете, есть такая простенькая песенка... Я помню из нее всего один куплет:

Первый тайм мы уже отыграли.
И одно лишь успели понять...
Чтоб тебя на земле не теряли,
Постарайся себя не терять.

За точность не ручаюсь. Слова, как видите, не бог весть какие, но вот что-то западает в памяти и волнует...

— Наверное, они вызывают у вас какие-то ассоциации...

— Пожалуй. Первый тайм сыгран, надо найти силы на следующий, и не просто сыграть, а победить... И при этом постараться себя не потерять... Остаться самим собой. Последнее особенно важно...

— Леонид Иванович, я хочу вернуться к осени прошлого года, когда Верховный Совет СССР утверждал бюджет на нынешний год. Тогда, насколько я помню, впервые за нашу историю был объявлен бюджетный дефицит — тридцать пять миллиардов. Сообщение, как говорится, не из приятных. Но буквально через несколько недель публицисты начали называть в своих статьях другую цифру — сто миллиардов. Нынешним летом уже официально признано: сумма дефицита в бюджете 1989 года равна 120 миллиардам.

Скажите, откуда такой плюрализм в подсчетах? И насколько можно верить им, если даже в таком серьезном деле, как дефицит государственного бюджета, допускается трехкратное разночтение?

— Объясняется все довольно просто. В прошлом году было решено впервые за многие годы публично назвать дефицит при обсуждении государственного плана и бюджета на 1989 год. Шли очень серьезные дебаты на эту тему. Все понимали, с одной стороны, гласность, открытость, надо сказать народу правду, но, с другой стороны, все боялись взрыва. Ведь обычно дефицит бюджета бывал «там», «у них», а у нас всегда было все прекрасно. Считали, что если наконец объявить, что и у нас не все в порядке,— мир развалится на части, начнется паника, потрясение основ. И неожиданно это сообщение было встречено с полным равнодушием, не вызвало никакого колебания воздуха. Депутаты подняли руки за утверждение бюджета. Комментировать это событие журналисты начали где-то через месяц.

— Неужели депутаты не поняли, что за событие произошло?

— Может быть, не поняли, может быть, не до конца осознали. Скорее всего посчитали, что, как им доложили, так и надо. Ну, подумаешь — дефицит! Государство возьмет и добавит — в чем проблема?

При всем при том в докладе была проявлена тактическая осторожность, для чего было проведено разложение сумм. Чистый дефицит составил — буду говорить округленно — 35 миллиардов рублей. Это брешь в бюджете, не обеспеченная ничем. Она-то и была названа. Была еще и закрытая брешь — на сумму 65 миллиардов. Эти деньги Минфин изъял у Государственного банка. То есть вроде бы деньги есть, но они не свои, не тобой заработаны, их надо будет со временем отдать. По всей международной практике и научной логике это долг государства. Свой дефицит оно сбалансировало на эту сумму, но не своими доходами, а займом. Правда, и эта сумма тоже была названа, но отдельно: заимствование средств из ссудного фонда Госбанка. Для тех, кто не разбирается в финансовых тонкостях, эта формулировка ничего не говорила. Специалисты же сразу все поняли — вот и пошли гулять по страницам газет и журналов сто миллиардов рублей.

Сейчас, когда шла разработка нового плана и бюджета, в правительстве было решено обозначать все: и непокрытый дефицит, и покрытый за счет заимствований у Госбанка, а также у Сбербанка. Вот тут и появилась новая цифра — 120 миллиардов. При этом договорились, что считать будем по одной и той же методике и бюджеты предстоящих лет, и ближайших прошедших. Иначе мы не сможем сопоставлять, сравнивать состояние наших финансов в прошлом с настоящим и с будущим.

— Ну прошлое — это уже прошлое, а как обстоят дела в будущем, где нам только еще предстоит жить?

— Правительством предпринимаются меры, которые позволят немного снизить дефицит уже в этом году. На будущий год его размеры определены в 60 миллиардов, то есть уже вдвое меньше, чем в этом...

— А куда же денутся нынешние 120?

— Они пойдут на прирост государственного долга. С учетом прошлых лет он составит примерно триста миллиардов. Вещь не из приятных, но это не наше изобретение, он существует во всем цивилизованном мире. Если вы хотите проедать и тратить больше, чем зарабатываете, долг вам обеспечен. Это закон.

В чем теперь будет заключаться новизна наших отношений с бюджетом и дефицитом? Уже на следующий год они должны приобрести цивилизованную форму: на сумму 60 миллиардов мы должны выпустить ценные бумаги — долговые обязательства государства, под пять процентов годовых сроком примерно на пятнадцать лет. Эти пять процентов государство будет возвращать владельцам бумаг каждый год, а всю сумму выкупит через пятнадцать лет. Хотя может и не выкупить, а обменять на новые ценные бумаги. Как хочешь: можешь взять деньги, можешь приобрести новые обязательства.

Тут есть одна тонкость. Проценты по обязательствам государства будут ниже процента, который станут выплачивать коммерческий или кооперативный банк. Но! Государство гарантирует свои обязательства всем своим достоянием. У него я свой вклад получу всегда. А во взаимоотношениях с коммерческим или кооперативным банками есть элемент риска. Надеясь получить два-три лишних процента годовых, я в то же время рискую всей суммой.

На этом стоит вся мировая практика. Мы еще не приспособились к таким отношениям, мы проходим только подготовительные и начальные классы финансово-коммерческой системы, рынка ценных бумаг, биржевых операций. Все это у нас еще впереди: и просчеты, и разочарования, и разорение комиссионных банков. В большей или меньшей степени, но все это будет. Главное, что мы обязаны сохранить при любых условиях,— доверие к государству и его обязательствам.

В нашей истории была одна акция, которая не особенно сейчас вспоминается, но влияние которой засело в памяти народа просто на каком-то подкорковом уровне. При денежной реформе в декабре 1947 года мы произвели обмен наличных денежных знаков в соотношении 10:1. Но вклады в сберегательных кассах до трех тысяч меняли 1:1. Такой необычной акцией были поощрены вкладчики, которые в тяжелейшие годы войны верили в прочность государства, помогали стране финансировать борьбу против фашистской агрессии, финансировать нашу Победу. И это доверие к государственной сберегательной системе осталось. Каждый знает, что выплачиваемые по вкладу 2—3 процента — не такой уж большой доход. Но ни вор, ни мор с этими деньгами ничего не поделает. Государство все равно вернет их. Этот элемент доверия — счастье в наше тяжелейшее время, когда все разваливается. Это удача правительства, что народ все еще верит ему, что не будет денежной реформы, что она в этих условиях нелогична, бессмысленна. И если бы все эти деньги хлынули сейчас на необеспеченный рынок — это стало бы катастрофой.

— Леонид Иванович, как, на ваш взгляд, будет развиваться реформа? Ведь первый тайм, воспользуюсь предложенным вами образом, мы уже отыграли, а результатов ощутимых пока нет. Вернее, они очень ощутимы, но пока что только в негативном плане. Разбалансирован потребительский рынок. Снизились многие производственные показатели. Денег стали зарабатывать больше, а работать хуже. И принятые ранее, уже в период перестройки, решения и постановления не в малой степени способствовали этому.

К сожалению, мы не смогли полностью отрешиться и от наследия прошлых лет, от скомпрометировавших себя и осужденных нами методов тех или иных проблем. Например, в наш журнал поступила жалоба со Жлобинского завода металлоконструкций, построенного при участии австрийской фирмы. Министерство установило госзаказ в 95 процентов. Таким образом, предприятие лишилось возможности искать выгодных партнеров и покупателей за рубежом, чтобы за вырученную валюту в будущем приобретать импортное оборудование, необходимое для реконструкции завода, обновления производства. Лет через шесть-семь необходимость в таком оборудовании возникнет острейшая. И за валютными средствами придется опять идти на поклон в министерство. Будут ли эти деньги там в нужном количестве — вопрос. Короче, головная боль и министерству, и заводу заранее запланирована.

Или история с автозаводом малолитражных автомобилей в Елабуге. Сообщение о его строительстве вызвало всеобщий энтузиазм. А тут еще было решено выпустить облигации под строительство завода «народных автомобилей». Правда, от этого замысла вскоре отказались. Но я не о подобной поспешности и легкости обещаний по поводу ближайших блестящих перспектив. Я о нашей гигантомании. Уж сколько раз мы обжигались на этом и вот снова попадаемся в ту же ловушку. Ведь завод по производству 900 тысяч, как запланировано, автомобилей в год — это практически комплекс из полутора десятков заводов. Это город — вспомним Тольятти или Набережные Челны — тысяч на 500—600 со всей бытовой и социальной инфраструктурой. Пока мы все это построим, устареет и модель автомобиля, изменятся и наши потребности в нем. Не разумнее ли было создать сеть небольших сборочных предприятий в уже обжитых местах? Они более гибки, могут быстрее переналаживаться на новую продукцию, их можно быстрее запустить в дело...

— Все так. Но что делать, если Елабуга — первоначальное строительство тракторного завода — это наследство, от которого не откажешься. Как его бросишь — все эти сотни миллионов рублей? И с госзаказами все не так просто, как кажется на первый взгляд, и не так легкоразрешимо, как нам это всем хочется. Конечно, можно во многих случаях значительно снизить его процент. Но тогда оказались бы разорванными многие складывавшиеся в течение десятилетий связи. И это может привести к хаосу...

К сожалению, нельзя все изменить одним махом, даже если это нам всем очень хочется... Мы всегда очень торопимся. Часто рубим по живому, не задумываясь о последствиях. И это обычно не приостанавливает негативные процессы, а только усиливает и ускоряет их. Примеров даже за последние годы можно привести немало.

Если говорить о реформе, то сейчас наступает новый этап в ее развитии: создается нормативно-правовой базис новых экономических отношений. В течение августа правительство разработало и первого сентября представило на рассмотрение Верховного Совета целый пакет законов: о собственности, о земле и землепользовании, об аренде и арендных отношениях, о единой налоговой системе, новый закон о социалистическом предприятии.

Но это только начало, так сказать, первоочередные законодательные акты, подготовленные по заданию Верховного Совета. Сейчас правительство готовит цельную программу дальнейших действий по оздоровлению экономики. Они касаются и финансового оздоровления, и перспектив экономического и социального развития страны, а также определяют этапы дальнейшего развития самой реформы.

Сегодня уже по собственной инициативе, а не по заданию Верховного Совета мы разрабатываем проекты законов об акционерных обществах и банках. Мы пришли к выводу, что нужен закон о бирже. Когда появятся займы, о которых мы говорили, начнут циркулировать ценные бумаги. Значит, нужно организовывать рынок ценных бумаг, создавать биржу, определять условия для ее деятельности, готовить, наконец, кадры, которые бы могли вести всю эту новую для нас работу.

Мы готовим и материалы, связанные с антимонополистическим законодательством. Институт экономики Академии наук СССР должен представить Совету Министров доклад, как бороться с явлениями монополизма в нашей стране...

Еще один закон, разрабатываемый в чисто инициативном порядке нашей комиссией,— закон о малых предприятиях. Мы обратились к ряду научно-исследовательских институтов с просьбой подготовить свои соображения на этот счет. Тут будут и антимонопольные меры, и то, о чем знают, но не пишут даже западные теоретики: антизабастовочные меры.

Представьте, в Закавказье работает единственный в стране завод по производству фильтров для сигарет. Если он остановится, грядут последствия хуже мыльных: остановятся все табачные фабрики, зависящие от его поставок. Это обойдется стране в несколько миллионов рублей валютой, так как фильтры придется закупать на мировом рынке. Остановить производство сигарет мы не сможем, так как это ударит по нашему потребительскому рынку, обороту и налогу с оборота. Будь у нас десять заводов с общей мощностью, равной одному закавказскому, то забастовка на последнем не будет особенно ощутима: его заказ можно будет распределить по другим предприятиям...

— Но ведь возможен и сговор всей отрасли — забастовка просто из солидарности с товарищами по профессии...

— В принципе возможен, но он трудноосуществим. Однако, рассуждая о значении мелких предприятий, мы должны помнить не только об эффективности производства, но и об их способности динамично переходить с одно-

го вида продукции на другой, оперативно реагировать на запросы рынка.

Бывая в Японии, я всегда удивлялся, что в такой индустриальной стране, с высочайшим уровнем автоматизации производства, с использованием самых совершенных технологий, одновременно с крупными заводами существует колоссальный набор мелких предприятий, магазинчиков, ресторанчиков с примитивным трудом, с отсутствием какой бы то ни было механизации. Государство их подкармливает различными дотациями, так как они необходимы для амортизации различных экономических ударов. Вообще, когда мы рассматриваем экономическую систему Запада, мы почему-то видим только гигантские концерны с жесткой внутренней дисциплиной, с отсутствием какой-либо самостоятельности у филиалов. И как-то забываем, что вся эта система стоит на фундаменте из гибких, подвижных мелких предприятий.

Поэтому мы решили разработать соответствующую программу. Не думаю, что эту задачу при всем осознании ее необходимости будет легко решить, потому что не так просто произвести механическое разделение сложившегося технологического процесса. Например, как из ЗИЛа или ГАЗа сделать несколько заводов? Я даже не уверен, что это следует делать. А вот создавать разнообразные гибкие формы, структуры и так далее — это, по-моему, одно из перспективных направлений для будущего.

— Что же это все-таки такое — экономическая реформа? Уже принят ряд законов, на подходе — принятие еще нескольких. А в замысле вашей комиссии, как я понял, еще нескончаемое их множество...

— Реформа — это процесс. Очень длительный процесс...

— Возвращение к разумному управлению народным хозяйством?

— Я не думаю, что это возвращение... Правильнее сказать: обретение рациональных форм управления хозяйством.

Вскоре после XXVII съезда партии я дал интервью, где сказал, что реформа — это длительный процесс и завершение ее можно ожидать где-то к 2000 году. Как я знаю по откликам, это вызвало большой шум: «Что это, мол, Абалкин заявляет?» Многие меня обвинили в пессимизме. Так считал и Валовой, заместитель главного редактора «Правды». А недавно я встретился с ним, и он, вспомнив то мое интервью, сказал:

— Я считал, что ты пессимист, а ты, оказывается, неисправимый оптимист. Ты действительно веришь, что к 2000 году все намеченное будет реально?..

Я всегда отчаянно спорил с теми, кто призывал и обещал войти в XIII пятилетку с отлаженным хозяйственным механизмом. Помните все эти заявления? Я же убеждал: не обманывайте ни себя, ни других!

За понятием «новый хозяйственный механизм» стоят колоссальные экономические пласты, которые надо перевернуть, за ним — другая структура производства, другая система отношений. Вы хотите внедрить, допустим, арендные отношения на земле. Но для этого вы должны построить заводы, которые бы смогли выпускать технику, необходимую арендаторам, и в количествах, соответствующих их потребностям. Нужно изменить психологию и стереотипы мышления, как у самих крестьян, так и по отношению к ним. На это уйдут годы. Спрашиваю: «Как вы предполагаете это сделать?» «Надо,— отвечают,— постараться, поднажать, взяться всем миром».

Просто не хватает слов... Я никогда не отличался злорадством. Вот, мол, я говорил, предупреждал, а вы не послушались... Напротив, я всегда желаю успеха. Но надо реально смотреть на вещи. Меня сейчас спрашивают: «А вы действительно подадите в отставку через полтора года?» Я не хочу подавать в отставку через полтора года. Через полтора года я хочу сказать: дело сдвинулось с мертвой точки. Процесс ухудшения положения в экономике остановился. Теперь пойдем вперед...

— Пока ухудшение не остановлено?

— Пока нет. С каждым месяцем ситуация в экономике продолжает ухудшаться. Где угодно, как угодно и в любом своем качестве я это могу подтвердить фактами и расчетами...

— И все-таки видите в перспективе приостановление этого процесса? Леонид Иванович, а не могут возникнуть какие-то новые ситуации, которые вы пока не просчитываете? Ну кто мог предположить, допустим, всего год тому назад, что по стране прокатятся забастовки? Теперь вот появились разговоры, что при выходе к 2005 году на уровень производительности труда, как в Соединенных Штатах — а мы все хотели, чтобы и у нас работали так же производительно,— у нас появится сорокамиллионная армия безработных. Не трудно представить, как это осложнит ситуацию в стране...

— В этих расчетах допущена большая передержка. Начать с самого представления о возможности решить эту задачу в столь короткий срок. Но здесь имеется и не совсем корректный подсчет: сравнивают реально прогнозируемые на 2005 год объемы производства с американским уровнем производительности труда. В результате такого сопоставления получают сорок миллионов лишних рабочих.

Реально же соотношение такое. В прошлом и позапрошлом годах мы освобождали примерно по миллиону человек. Значит, к 2000 году мы освободим из сферы материального производства еще примерно 12 миллионов человек. Такова оценка нашего института, проведенная достаточно профессионально. Отсюда и предстоящая задача: обеспечить освобождающихся рабочих местами в сфере услуг или иных областях деятельности, произвести соответствующую переквалификацию кадров.

Сейчас возник второй процесс, который пока что не отслеживается: часть освобождающихся работников уже отсасывает кооперативный сектор, а в ближайшем будущем это сделает и аренда в сельском хозяйстве. При определенных условиях она могла бы вызвать значительный отток рабочих рук из городов в село. Создание фермерских хозяйств в Центральной России, глубокая переработка продукции на месте — все это создаст благоприятные условия для использования освобождающейся рабочей силы. В правильности такого вывода убеждает пример кооперативов. Все предполагали, что они привлекут к себе домашних хозяек, пенсионеров. Но оказалось, что охотнее всего туда вливаются рабочие государственных промышленных предприятий и строек. Другими словами, происходят серьезные структурные изменения занятости. Такой вот неожиданный поворот. Мы должны учитывать и его, чтобы наметившийся процесс проходил достаточно безболезненно. Вопрос, конечно, серьезный, но не тех масштабов, что предсказывают некоторые экономисты.

Но сейчас на горизонте появилась другая проблема, которая может обостриться, и весьма ощутимо, уже в будущем году. Все признали разумным и справедливым сокращение производственных капитальных вложений. Но! Прямое перемещение из сферы производственного строительства в сферу жилищного не удается. Мы сокращаем строительство где-нибудь в Тюменской области, а хотим занять этих людей в Ростове-на-Дону, в Волгограде, Воронеже, Горьком. Для этого их надо переселить, уплатить подъемные, обеспечить на новом месте жильем, иначе у нас ничего не выйдет...

И это, как понимаете, привело к осознанию еще одной проблемы. В нашем хозяйственном механизме отсутствует еще одно очень важное звено: в системе принятия решений нет элемента оценки возможных последствий принимаемых решений. Принимаем ли мы решение о сокращении производства и продажи винно-водочных изделий или же утверждаем налоги на кооперативы, мы не отслеживаем возможные социальные последствия таких решений. Отсутствие элементов оценки и прогнозирования возможных результатов и порождает решения, научно не подготовленные, которые вскоре приходится отменять, потому что они приводят к явлениям вроде бы очевидным, но очевидным уже после того, как они дали о себе знать.

Есть два способа вмонтировать оценку последующих результатов в механизм принятия решений. Первый — метод ситуационного анализа, проводимого исследовательскими институтами. Второй — изучение общественного мнения по отношению к каким-то проектам. Мы сейчас разворачиваем работу в обоих направлениях. И должен сказать, что в народном хозяйстве страны существует колоссальная потребность в таких исследованиях.

Например, остро встал вопрос о положении руководителя на предприятии. Сейчас мы увлечены очередной новинкой: выборы на конкурсной основе. Ничего не скажешь — звучит и выглядит красиво... и одновременно выбивает профессионально подготовленный состав. Мы готовили директора в Академии народного хозяйства. Посылали его на стажировку за границу, дали иностранный язык, научили менеджменту и маркетингу... а коллектив завода взял да и не выбрал его. Выбрал своего, более покладистого, знакомого, который будет мягок к коллективном. Так вот мы и хотим понять, как относятся к разным формам назначения руководителя разные группы работников предприятия: рабочие, ИТР, служащие. Что им ближе: назначение сверху или рекомендация с последующим выбором на собрании коллектива? Выборы с одной кандидатурой или с альтернативными?

— Все это прекрасно, но все это разговор о будущем. Нынешние трудности душат нас сегодня. Иссякает запас терпения. Не получится ли так, что надоест ждать и мы опять откажемся ото всего, перекроем реформе кислород, зажмем все и начнем движение вспять? Благо что опыт есть...

— Один из возможных вариантов развития событий...

— Один из возможных... Значит, вы не отвергаете полностью возврат?

— Я не хочу на эту тему даже рассуждать. Возврат означал бы катастрофу...

На днях я выступал на ученом совете своего института. В Совете Министров в последние два месяца я так был занят новой работой, что вырваться к своим коллегам порой просто не бывает возможности. Недели две не был, но мои замы уговорили-таки меня приехать и выступить. Рассказал товарищам, над чем работает комиссия, какие у нее планы. А когда дело дошло до анализа положения в экономике страны, я, вовсе не желая нагнетать обстановку, все-таки сказал:

— Идет абсолютное снижение по всем показателям. На железных дорогах стоят сотни неразгруженных составов. В других местах не хватает вагонов для вывозки урожая. Гниют зерно, картофель... Не завозится топливо на зиму. Отдельные регионы оказываются в кольце экономической блокады. Рано или поздно все это рванет. Забастовки обошлись стране примерно в три миллиарда рублей. У правительства нет средств, чтобы покрыть эту брешь. Надо либо обложить дополнительным оброком все население, собрать с каждого человека, от младенца до старца, по десять рублей, либо еще шире разинуть акулью пасть дефицита бюджета, добавить к 120 миллиардам еще три.

Мы, правительство, просим полтора года спокойной работы. Дайте поработать, потом спрашивайте за результат. Не дают. То одно, то другое.

И все это я говорю, говорю, а потом в заключение: «Я не знаю в истории ситуации, когда правительство оказывалось бы в более сложном положении. Оно не может остановить забастовку, не может пустить поезда через Азербайджан в Армению, и наоборот».

И тут Виктор Николаевич Богачев бросает мне реплику:

— А я, Леонид Иванович, могу подсказать тебе историческую аналогию: это 1932 год в Германии.

— Не приведи господь,— только и смог сказать я...

— Леонид Иванович, еще в том, декабрьском, интервью вы сказали, что стоите за чрезвычайные меры. Могли бы таковыми стать предлагаемые некоторыми учеными — в частности, Николаем Шмелевым — закупки импортных товаров на мировом рынке и стабилизация таким образом нашего внутреннего. Ослабив напряжение в торговле, можно будет более спокойно решать все остальное...

— Прежде всего распродажа национального достояния не лучший путь. Проедать то, что заработали до тебя, а тем более оставлять детям долги — это нечестно. Но тут более существенно даже другое: это способ поправить наши пошатнувшиеся дела с помощью того самого осужденного мною и вами принципа дележа. Он порождает беспочвенные надежды. Порождает иллюзию, будто бы можно улучшить положение, не работая, не меняя своего отношения к труду, не создавая ничего. Вдруг начать жить лучше — и все. Хотя эти меры могут пополнить рынок, они нанесут тяжелейший удар по перестройке, приведут к социальным последствиям, которые станут тормозить ее в будущем. Создание новых иллюзий — в свое время через это прошли Югославия, Польша,— связанных с большими займами под какие-то будущие радужные перспективы, чревато самыми тяжелыми последствиями.

К тому же дополнительные займы резко подорвут доверие к кредитоспособности нашего государства, что будет использовано для политического и экономического давления на нас. Это ухудшит условия кредитования, заставит нас платить более высокий процент и соглашаться на любые уступки. Наши большие закупки товаров на Западе сразу резко вздуют цены на мировом рынке. И за одну и ту же сумму мы сможем купить меньшее их количество.

Предложение Шмелева не учитывает реалии мирового рынка и вожделения тех, кто нас окружает. Мы несколько увлеклись ослаблением международной обстановки: какие все вокруг добрые, как все желают успеха нашей перестройке. Да, нам желают успехов. Но свой интерес не упустит никто. На это не стоит надеяться.

Что можно реально сделать — это произвести перегруппировку средств нашего импорта. Раз решили приостановить некоторые стройки, значит, средства, запланированные на промышленное оборудование, надо пустить на лекарства, медицинское оборудование, ширпотреб. Такой маневр уже проводится. Думаю, скоро результат его почувствует и наш потребитель. Есть еще ряд мероприятий, которые могли бы облегчить положение на внутреннем рынке. Но пускаться в расширение нашей задолженности заграничным кредиторам — это запрещенный прием.

Это я говорю, будучи абсолютно убежденным в том, что Николай Шмелев — один из серьезнейших наших экономистов. Его выступление на Съезде народных депутатов было одним из самых глубоких и содержательных. Но названный пункт его предложений мне кажется несостоятельным. Не надо строить иллюзии, будто можно улучшить свою жизнь за чужой счет. Свое благосостояние надо поднимать своим трудом. Иного просто не дано. Мы живем не хуже, чем работаем. Это я говорил на сессии Верховного Совета. Могу повторить и сейчас. Экономика страны будет такой, какой мы ее создадим. Сможем трудиться по-новому — и она обретет новое качество.

НА ПРИЗ «ОГОНЬКА»

НАЗОВИТЕ ЛУЧШЕГО ВРАТАРЯ

Вот уже тридцать лет редакция журнала «Огонек» определяет по итогам сезона лучшего вратаря страны в высшей лиге. Мы рады, что каждый раз нам помогали это делать с максимальной точностью наши читатели — любители и знатоки футбола. Особенно много писем с оценкой мастерства стражей ворот стало поступать в последние годы. Редакция внимательно относится к мнению читателей при окончательном выборе лауреата.

Кто будет лучшим в нынешнем сезоне? Темпераментный и надежный преемник семикратного обладателя огоньковского приза Рината Дасаева спартаковский вратарь Станислав Черчесов? Московский динамовец Дмитрий Харин, ставший заслуженным мастером спорта за победу на Олимпиаде в Сеуле? Или его одноклубник из Киева — опытнейший боец Виктор Чанов?

Не посчитайте это навязыванием мнения редакции, своеобразной «подсказкой». Просто мы назвали нескольких вероятных претендентов. А ведь среди остальных голкиперов есть еще несколько, ярко отыгравших сезон.

Пишите нам для скорейшей обработки результатов на открытках с пометкой «На конкурс «Лучший вратарь». Как бы ни было трудно, постарайтесь быть предельно объективными.

Заранее благодарим наших читателей — любителей футбола за внимание.

ПОЛЕМИКА

ПЛОД РАЗДРАЖЕННОЙ ФАНТАЗИИ

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО АЛЕСЮ АДАМОВИЧУ

За последние три года хлесткие обвинения в мой адрес сыпались со страниц «Огонька» десятки раз, но я не считал нужным отвечать на них, исходя, в частности, из народного присловья «брань на вороту не виснет». Почему же я решил ответить Вам, Александр Михайлович? Только лишь потому, что Ваше обвинительное послание основано на недоразумении в полном смысле этого слова.

В «Литературной России» от 28 июля с. г. я критически высказался о некоторых Ваших выступлениях. Вы в своем «открытом письме» предпочли спорить по принципу «а сам-то ты кто?» и ровно ничем не опровергли мои суждения. Правда, Вы заявили, что я будто бы привел из Вашего текста «усеченную цитату»; однако на деле Вы просто запамятовали свою собственную, цитируемую мною статью, в которой ни слова нет ни о «репрессированных», ни о «застенках ОГПУ» (см.: Новый мир, 1981, № 10).

И если уж Вы способны забывать свои — притом записанные и напечатанные — речи, то не стоило бы Вам полагаться на память в отношении моих незаписанных речей двадцатилетней давности.

Да, почти двадцать лет назад, в 1970-м, я и П. В. Палиевский были приглашены в Минск для выступлений в Институте литературы имени Я. Купалы. Именно приглашены, а вовсе не предприняли некий «спецвояж», как Вы утверждаете. И были мы оба, кстати сказать, рядовыми и беспартийными сотрудниками Института мировой литературы, а не некими «спецами». Если верить Вам, те выступления в Минске были восприняты чуть ли не в штыки. Между тем мы беседовали тогда в течение нескольких дней (и с одним и тем же составом слушателей) в общей сложности пятнадцать (!) часов — и никто (даже и Вы) не покидал аудиторию.

Но перейду к Вашим «обвинениям». О «Новом мире» и «Октябре» я говорил тогда примерно то же, что и в пространной нынешней статье, публикуемой в ежегоднике «Писатель и время», который скоро выйдет в свет в издательстве «Советский писатель». Разговор об этом здесь невозможен из-за недостатка места.

Далее, Вы заявляете, что я-де бранил Ваши сочинения о войне, а также повести В. Быкова. Уверяю Вас, что я никак не мог говорить о Вашей тогда не имевшей широкой популярности прозе, ибо знал Вас только как преуспевающего литературоведа, ставшего в самое «застойное» время членкором. И критически я отзывался именно о Ваших отвечающих всем тогдашним требованиям литературоведческих трудах.

В. Быкова же я не мог бранить уже хотя бы потому, что он в те годы (вместе с упомянутыми Вами Ю. Бондаревым и К. Воробьевым и неупомянутыми В. Астафьевым, В. Беловым, В. Распутиным) был одним из ведущих авторов журнала «Наш современник» и выражал в своей прозе его основное направление, которому я сочувствовал.

Вообще Ваша память явно оставляет желать лучшего; так, Вы пишете, что я-де рассуждал тогда еще и о белорусских писателях К. Чорном и К. Крапиве, хотя я и теперь, к сожалению, не знаю ни их книг, ни их судеб и не стал бы хоть что-либо о них говорить. Это незнание, конечно, может вызвать осуждение, но в своем письме Вы ведь раздраженно спрашиваете меня: «Есть ли на свете что-нибудь, чего Вы не знаете, Вадим Валерианович?» Посему я рад успокоить Вас: есть!

Но перейду к главному Вашему «обвинению». Тут уж Вас подвела не только память. В «Литературной России» я писал, что для Вас характерно не понимание истории и современности, а поверхностная «позиция». Но в том, как Вы двадцать лет назад восприняли мои суждения о репрессиях, выразилось удивительное, прямо-таки ошеломляющее непонимание.

О чем тогда шла речь? Задавались вопросы, почему в Белоруссии одни ни в чем не повинные писатели, ученые, общественные деятели погибали, а других почему-то «не трогали». И, пытаясь прояснить это, мы позволили себе весьма и весьма рискованные в то время суждения. Мы говорили, что была установка: существует заранее известный процент врагов, которых нужно ликвидировать. В 1937 году в Минск был послан с чрезвычайными полномочиями известный деятель Яков Яковлев, ранее проводивший коллективизацию, еще до начала которой был определен процент репрессируемых «кулаков» и «подкулачников». То же проделали и в 1937—1938 годах (в том числе и в Белоруссии). И чтобы выразить всю неслыханную чудовищность подобной «практики», было сказано, что людей прореживали, как морковку. И это гротескное сравнение, разоблачающее весь ужас и цинизм совершавшегося («процентный террор» ведь неизбежно раздавливает души и тех, кто остается в живых), Вы ухитрились понять как некое «оправдание» террора...

Ну, допустим, в 1970-м Вы слишком многого не знали и еще менее понимали. Однако в 1989-м такое непонимание поражает.

Тогда, в 1970-м, конечно, просто нельзя было открыто сказать, что такое «прореживание» началось по меньшей мере в 1919 году, когда, например, Якир дал директиву о «процентном уничтожении» (это его терминология) донских казаков. Я открыто сказал об этом в текущем году на страницах «Литературной газеты» в диалоге с Б. Сарновым. Так что Вы, Александр Михайлович, правы, говоря о моем «постоянстве». Да, в 1970-м я говорил (и, конечно, не я один), в сущности то же самое, что в 1989-м говорят все, поскольку это «разрешено».

Кто-нибудь, возможно, заподозрит, что я теперь «перетолковываю» сказанное мною двадцать лет назад. Но я тогда ведь не только говорил, но и писал, и даже как-то ухитрялся печатать. Так, в том самом 1970 году я, характеризуя развитие поэзии в начале тридцатых годов, писал о коллективизации: «На рубеже 20—30-х годов происходит резко обозначенная ломка поэтической формы... Это обусловлено тем, что дело шло об изменении самых глубин быта и душевной жизни миллионов людей. Эту ломку и запечатлевала сама структура поэтической формы». Для подтверждения этого тезиса я приводил строфы Заболоцкого, Олейникова и Чернова — молодого поэта, который со всей остротой воссоздал в 1932 году то, что происходило в стране, и вскоре исчез без следа (о чем я, понятно, тогда не упомянул):

«Любимая
И трижды проклятая столица моя!
Здесь на площади гудят толпы,
реют плакаты,
А на полях ветер.
Воют собаки бездомные.
Страшно ночью осенней
Думать о черных степях...»

Я процитировал свою статью, напечатанную еще в 1971 году. Впрочем, в будущем году выйдет в свет собрание всех моих статей о современной литературе, опубликованных в 1960—1980-х гг., которые печатаются без всяких изменений, только с просьбой к читателям (в предисловии) внимательно вглядываться в текст, ибо нередко приходилось из-за цензуры урезывать и приглушать мысль. И не скрою, я удовлетворен тем, что могу переиздать сейчас любое свое сочинение. Те, кто по личному признанию одного из них, Ю. Афанасьева, «сидел в дерьме», никак не могут это сделать (попробовал бы Афанасьев переиздать даже свою статью 1985 года из «Коммуниста»!). Я, например, в отличие от Вас вообще никогда не употреблял слово «колхозы», так как не имел возможности сказать, что я о колхозах думаю.

И последнее. Так как возразить мне Вы, по существу, не можете (в этом можно будет убедиться, прочитав мою статью в «Литературной России»), Вы, Александр Михайлович, решили не спорить, а создать некий жуткий «образ Вадима Кожинова» — апологета террора, коллективизации, репрессий. Но этот «образ» — плод одной только раздраженной фантазии.

Вадим КОЖИНОВ

ЕЩЕ РАЗ О МОРКОВКЕ

Мы рады, что наиболее принципиальные взгляды на отечественную историю, которые разделяет и «Огонек», приобретают все больше сторонников. Сейчас с ними частично солидаризировался один из самых эрудированных авторов «Нашего современника» и «новой» «Литературной России», В. Кожинов, предложивший нам свою заметку.

Приятно, что В. Кожинов открыто заявил о своей антисталинистской позиции. До сих пор у нас были на этот счет некоторые сомнения.

Но о них позже.

Сначала поговорим о памяти. И отдадим должное критику, который в отличие от оппонента прекрасно помнит буквально каждое свое слово, сказанное без малого двадцать лет назад. Интересно, что феномен этот во многом объясняется постоянством убеждений и привязанностей. Так, например, Кожинов объясняет, что В. Быкова «не мог бранить уже хотя бы потому, что он в те годы (вместе с упомянутыми Ю. Бондаревым и К. Воробьевым) был одним из ведущих авторов журнала «Наш современник» и выражал в своей прозе его основное направление», которому он, Кожинов, «сочувствовал».

Убедительно. Но, к сожалению, именно привязанность к «Нашему современнику» в данном случае подвела критика. Дело в том, что В. Быков впервые опубликовался в этом журнале только в 1976 году и, следовательно, в 1970-м, когда проходила злосчастная конференция в Минске, не входил в число неприкосновенных для критики Кожинова авторов журнала. Таким образом, в то время Кожинов вполне мог «бранить Быкова».

И Ю. Бондарева, кстати, у критика были все основания пожурить, ведь первая его «современниковская» публикация — роман «Берег» — появилась, к сожалению, только в 1975 году. Интересно, а если бы Ю. Трифонов печатался в «Нашем современнике», появились бы те печально памятные высказывания В. Кожинова о творчестве этого замечательного прозаика?

Теперь — о «морковке», этого, по мнению Кожинова, «гротескного сравнения, разоблачающего весь ужас и цинизм совершавшегося» (имеются в виду репрессии).

Кожинов, оказывается, ничего такого не имел в виду. Он вовсе не предлагал своего обоснования массовых репрессий, просто допустил словесную небрежность, которую не так поняли, кроме Адамовича, десятки слушателей. В самом деле, обидное недоразумение.

Теперь о причине самой полемики. Адамовича задело, что в своей статье в «Литературной России» Кожинов отказал ему в моральном праве осуждать «раскулачивание». В отличие, скажем, от своего брата-критика М. Лобанова, для которого этот вопрос является «глубоко личным и выстраданным».

Тут А. Адамовича тоже можно понять: действительно, почему В. Кожинов «не разрешает» ему говорить о репрессиях против крестьян? Ведь, насколько известно, Адамович никогда не был апологетом раскулачивания. И, казалось бы, только порадоваться надо Вадиму Валериановичу, что хоть один писатель на Съезде народных депутатов затронул эту большую и давно волнующую критика тему. Если бы он сам присутствовал на Съезде, наверняка сказал бы то же самое! Так в чем же дело? Может быть, просто-напросто критику не нравится не только как Адамович пишет, но и как говорит? Ну не принимает он его эстетику — и все тут!

В противном случае остается предположить, что, по мнению Кожинова, право рассуждать о судьбах крестьянства имеют только так называемые писатели-деревенщики и территориально прилегающие к ним критики. Ну, а Адамович, не ведая того, посягнул на роль народного заступника, которая уже давно была кому-то отдана. То ли дело свой, проверенный автор «Нашего современника», выражающий «его основное направление»! Уж он-то, что бы ни сказал, от критических стрел Кожинова был бы защищен... И все-таки хочется верить: дело не в групповых интересах, а в личной антипатии. Тоже, конечно, грустно, но по-человечески понятней.

Впрочем, через «Литературную Россию» В. Кожинов предъявляет серьезные претензии не только депутату-писателю, но и депутатам-экономистам, в частности Г. Попову и Ю. Черниченко. Какие? А вот: «не превзошли уровень Адамовича» — так он и пишет.

Кому-то может показаться странным, что об уровне экономистов судит литературный критик. Но — возможно, читатели «Огонька» не знают — Кожинов не какой-нибудь рядовой «толкователь» литературных произведений, а человек, легко ориентирующийся в сложных вопросах истории и категориях философии (ниже мы расскажем о его работе «Правда и истина»), в тонкостях и исторических корнях национальных отношений (об этом также пойдет речь ниже), наконец, ученик Бахтина, что уже ко многому обязывает.

Так что незнание творчества К. Чорного (не может же человек знать вообще все) критику вполне простительно, даже если он «критически отзывался» тогда, в Минске, именно о тех литературоведческих работах Адамовича, которые были посвящены творчеству этого репрессированного писателя.

Несколько отклоняясь от темы, расскажем, что не так давно В. Кожинов заявил о себе еще в одном качестве: как специалист по «хазарскому игу», которое, по его словам, «было, без сомнения, гораздо более опасным для Руси, чем татаро-монгольское (см. «Вопросы литературы» № 12 за 1988 г.). И неважно, что теория В. Кожинова оказалась неверной (см. в том же номере статью М. Робинсона и Л. Сазоновой), куда важнее, что ему удалось на примере хазар показать опасность для Руси экспансии «малых народов».

Труд Кожинова, недооцененный в профессиональной среде, получил признание любознательных читателей: в лексиконе активистов общества «Память» появилась новая формулировка — «хазарский каганат». Что-то вроде «масонской нечисти», только исторически определенней.

И все-таки отдадим должное: перед нами человек разносторонних интересов и знаний, что само по себе не может не вызывать уважения. Мало того, этот человек готов за свои убеждения пойти на смелый поступок.

Как не оценить мужество критика, который в застойные 70-е «не только говорил, но и писал и даже как-то ухитрялся печатать» правду о коллективизации. Ведь в то время отважился опубликовать такое: «на рубеже 20—30-х годов происходит резко обозначенная ломка поэтической формы...»!

Вообще, перечитывая работы Кожинова, нельзя не испытать чувства зависти. «За свою биографию в отличие от многих литераторов сейчас мне краснеть не приходится...» — прямо признается он (см. интервью в «Советской России» за 12 мая 1989 г.). «Не скрою, я удовлетворен тем, что могу переиздать сейчас любое свое сочинение»,— пишет критик и в своей заметке, представленной «Огоньку».

Только хотелось бы спросить его, переиздавая свои сочинения о «хазарском иге», статью из «Литературной России», возмутившую Адамовича — распределением по групповому признаку права говорить правду — и многие другие свои произведения, которые опровергались, критиковались за тенденциозность, передергивание фактов, вырывание цитат из контекста, слов из цитат и т. д., не боится ли критик, что — пусть не Адамович — какой-то другой литератор, историк или экономист усомнится в его компетентности и объективности? Или, переиздавая все это, Кожинов настаивает только на своем постоянстве?

Но вернемся к нашим недавним сомнениям, связанным со взглядами критика на новейшую историю. На чем они основывались?

Вот несколько выдержек только из одной — не самой свежей — статьи Кожинова — «Правда и истина» (она была напечатана в «Нашем современнике», а затем — в более полном виде — в сборнике «Позиция», изд-во «Советская Россия», М., 1988 г.).

Приведя известные слова В. И. Ленина о том, что «революцию следует сравнивать с актом родов» и «на нашу страну... падают теперь особенно тяжелые муки первого периода начавшегося акта родов», В. Кожинов замечает:

«Это в самом деле пророческие слова, с беспощадной прямотой предвещавшие долгие годы «родовых мук». Нельзя не заметить, однако, что сегодня есть немало литераторов, которые, по сути дела, готовы оспаривать мысль Ленина об «особенно тяжелых муках» первых лет революции. Эти литераторы полагают, что наиболее мучительным был 1937 год. Но такое представление обусловлено либо их неосведомленностью, либо сугубо тенденциозным подходом к делу...»

Все бы хорошо, но Ленин, как известно, не дожил не только до 1937-го, но даже до 1929-го, и судить о том, какие муки оказались «особенно тяжелыми», естественно, не мог.

К тому же главная идея Кожинова была не в том, что литераторы оспаривали Ленина, а в том, что репрессии 30-х годов — не что иное, как продолжение тех «родовых схваток», которыми, по мысли Ленина, всегда сопровождается рождение нового общества. Иными словами, было естественное и необходимое продолжение революционного процесса. Никакой сталинщины не было и в помине.

Также непонятно, почему на протяжении всей своей статьи В. Кожинов старался заслонить фигуру Сталина другими, несравненно более мелкими историческими фигурами:

«Не были «людьми Сталина» и ведущие сподвижники Ягоды — Рошаль, Паукер, начальник Главного управления исправительно-трудовых лагерей Берман, заместители последнего Рапопорт и Фирин, начальник Беломорстроя Коган и т. д. ...

Как представляется, можно более или менее точно указать «рубеж», с которого начинается полновластие Сталина. Еще в 1935 году Зиновьев и Каменев по обвинению в «участии в убийстве Кирова» были осуждены всего лишь на пять лет заключения; в августе же 1936 года дело было пересмотрено, и они были приговорены к расстрелу. А «суровые решения», которые принимались до этого момента, никак нельзя безоговорочно связывать с именем Сталина».

Выходит, с именем Сталина нельзя «безоговорочно связывать» ни злодейское уничтожение крестьянства, ни массовые репрессии после убийства Кирова, ни само убийство Кирова. При этом, вспомним, Кожинов настаивает на «ошибочности» представления о том, что 37-й год (когда «только и начинается полновластие Сталина») был наиболее мучительным!

Еще одна цитата:

«Очень большую роль в событиях первой половины 30-х годов играл руководивший коллективизацией Яковлев...

Едва ли можно оспорить, что на этом человеке лежит главная ответственность за трагедию 1933 года.»

Картина, к сожалению, получается такая:

Явления, которое мы сегодня именуем сталинщиной, просто не существовало. Была историческая необходимость. Поэтому Сталин тут не виноват. С другой стороны, в кровавых репрессиях конца 20-х годов (коллективизация) и 30-х годов виноват кто угодно (в основном люди еврейской национальности) — только не Сталин.

Возникает простой вопрос: если во всем случившемся повинна некая безликая историческая необходимость, то в чем же тогда состоит вина деятелей, перечисляемых Кожиновым? А если все-таки были люди, на которых «лежит главная ответственность» за происходившие массовые репрессии, то почему бы в таком случае Кожинову прямо не назвать главного автора и режиссера всей этой кровавой вакханалии?

Ну да это статья прошлогодняя. С тех пор позиция критика могла претерпеть изменения.

А почему, собственно, нет?

Еще недавно мы и представить не могли, что нашими авторами станут такие люди, как многолетний заместитель главного редактора в кочетовском «Октябре» критик Ю. Идашкин, бывший ответственный работник КГБ полковник Я. Карпович... Но времена меняются. А с ними и мышление.

Сам факт, что Кожинов принес свою заметку в «Огонек» да еще и заявил в ней о себе как о противнике сталинщины, позволяет надеяться, что как раз на своем постоянстве критик отныне не настаивает.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

Это удивительно, но, кажется, нет в стране ни одного печатного издания, которое бы не откликнулось на визит Б. Н. Ельцина в США и на скандальную публикацию в «Правде». Об этом рассказывало радио и даже телевидение показало передачу. Страна захлебывается от изобилия разного рода комментариев, а только один «Огонек» молчит.

Почему?!

Читатель невольно начинает выискивать причину, неоднозначно трактуя позицию редакции. Так в чем же истинный плюрализм мнений: в замалчивании или..?

С. КУЗНЕЦОВ
Москва

В редакцию поступило много писем и телефонных звонков с аналогичными вопросами.

Беседа с народным депутатом СССР Б. Н. ЕЛЬЦИНЫМ

ПОЕЗДКА, О КОТОРОЙ ГОВОРЯТ

— Борис Николаевич, это была первая ваша поездка в США. Какова ее цель?

— Приглашение посетить Соединенные Штаты поступило от Эсаленского института, который расположен в Сан-Франциско, ряда политических деятелей и фондов США. Таким образом, поездка являлась как бы частной, хотя встречи и организация были на самом высоком уровне. Программа пребывания была рассчитана на две недели, с 9 по 24 сентября, но в последний момент все пришлось перекраивать, 18 сентября я должен был вернуться в Москву на Пленум ЦК по национальному вопросу. Пришлось программу, рассчитанную на две недели, умещать в девять дней, и поэтому пребывание в Штатах оказалось чрезвычайно насыщенным.

Впрочем, поначалу сама поездка вдруг оказалась под большим вопросом. Хорошо известно наше подозрительное отношение к капитализму вообще и к поездкам наших людей «туда» в частности. Самое крепкое, что мы сумели возвести за эти годы,— это железный занавес, отделивший нас от цивилизованного мира. Недоверие к тем, кто выезжает за рубеж в командировку или по приглашению, чувство почти что обязательное. Сейчас вроде бы времена изменились, но, по сути, порядок вещей, униженное ожидание советского человека, просящего у властей разрешения на выезд, остался прежним.

После окончания работы Съезда народных депутатов мне поступило приглашение из ФРГ принять участие в «круглом столе» советских и немецких ученых, политологов, экономистов и т. д. по проблемам взаимоотношений Востока и Запада. Все документы были подготовлены, отправлены куда полагается, и вдруг мне позвонил Председатель Совета Союза Е. М. Примаков и под невнятным и невразумительным предлогом в поездке отказал. И в этот раз уже была готова американская виза, куплены билеты, а я все не знал, поеду или нет, поскольку до последнего момента разрешения на выезд не было. В конце концов все же в ЦК КПСС выехать мне разрешили.

— Я думаю, вы предполагали, что Америка окажется совсем не той страной, которую всем нам долгие годы демонстрировали собкоры и публицисты центральных газет и журналов, политобозреватели ЦТ. Что там будут убивать все-таки не на каждом углу и, кроме страшных воротил бизнеса и сплошных безработных, останется шанс встретиться и с милыми, симпатичными американцами. И тем не менее что поразило больше всего?

— Боюсь, что однозначно здесь не ответить. Поскольку впечатлений так много, мои представления об Америке были так абстрактны и далеки от реальности, что выделить что-то одно я не могу. Пожалуй, как бы банально это ни звучало, больше всего меня поразили сами американцы. Это удивительно открытый, искренний, доброжелательный народ. Недаром говорят, что две наши державы, при всем, казалось бы, различии, очень похожи друг на друга.

Американцы оптимистичны, и за все девять дней, что я пробыл в США, не помню ни одного расстроенного или опечаленного человека, они все время улыбаются. Конечно, это не значит, что у них все замечательно и никаких проблем нет, многие просто скрывают свои чувства, но этот природный оптимизм позволяет им и трудности легче переносить, и другим настроение не портить. Вообще же моя поездка — это сплошное разрушение собственных штампов и стереотипов. Ну, например, одно из таких клише: дескать, американцев волнуют только они сами, а то, что происходит вокруг них, им на это глубоко наплевать.

Мне кажется, во время предвыборной кампании в Москве не происходило такого столпотворения людей и такого интереса во время моих выступлений, как в Америке. На одну из встреч, если не ошибаюсь, в Колумбийском университете, я просто опоздал на полчаса, потому что сначала внизу меня не отпускала толпа студентов и преподавателей, а потом долго не мог попасть в аудиторию, поскольку все было забито до отказа.

— Что интересовало американских студентов и преподавателей, на какие вопросы приходилось отвечать больше всего?

— Всех волнует судьба перестройки. Поэтому всюду звучал вопрос, что будет происходить в Советском Союзе через полгода, через год, пять лет... Такая острая озабоченность, мне показалось, вызвана двумя причинами. Даже для американцев, хорошо нас изучавших и знавших и относившихся к нашим лозунгам, что мы живем лучше всех, с большим подозрением, даже для них то количество проблем, которое свалилось на нас, и их глубина оказались неожиданными. Они не предполагали, что экономическая и межнациональная ситуации в Советском Союзе окажутся столь взрывоопасны. И второе — всех потрясли июньские события в Китае, когда страна, с таким неимоверным трудом выбиравшаяся из тоталитарного прошлого, вдруг, по мнению многих, в один день оказалась отброшена назад, почти в начало пути.

— И что вы отвечали на этот вопрос — как пойдет перестройка в ближайшее время? Нас это волнует, пожалуй, чуть больше, чем американцев.

— На мой взгляд, все решится в течение ближайшего года. Если за это время в стране положение не переменится к лучшему, возможны самые тяжелые потрясения. Мне кажется, тогда уже ни Горбачев, ни Съезд народных депутатов, никто не сможет удержать ситуацию в стране под контролем. Почему-то эту мою позицию называют пессимистичной. Это не пессимизм. Я скорее оптимист и считаю, что у нас есть шансы выбраться из кризиса, для этого надо реализовать те программы, которые разработаны в том числе и межрегиональной депутатской группой, и, кстати, они находят все больше сторонников в Верховном Совете. Я имею в виду передачу земли крестьянам, переход на региональный хозрасчет и экономическую самостоятельность союзных и автономных республик, закон о собственности и т. д. Все это стабилизирует ситуацию в стране, раскрепостит людей, подтолкнет их к самостоятельности, заставит быть инициативными.

— Вернемся в Америку. Как были построены ваши встречи в университетах и городах?

— Всего за 9 дней я побывал в 11 городах. Разговор шел по широким темам. Строил я встречи примерно так же, как и свои выступления в Москве, сначала, примерно в течение двадцати — тридцати минут, обозначение тем разговора, моей позиции, а потом ответы на вопросы. На все вопросы, любые, какими бы острыми, неприятными или обидными они для меня ни были. Каждая встреча продолжалась около двух-трех часов. Аудитория состояла от тысячи до трех тысяч человек.

— Известно, что ваша поездка включала в себя не только чтение лекций, но и встречи с влиятельными американскими политиками. Расскажите подробнее о встрече с президентом США Дж. Бушем, другими высокопоставленными американскими политиками.

— В нашей печати говорилось, что президент США Дж. Буш старался внешне организовать и провести нашу встречу таким образом, чтобы не нанести ущерба отношениям с М. С. Горбачевым. Буквально до последней минуты, уже находясь в Белом доме, я не знал, состоится ли беседа с президентом США. Шла встреча с помощником президента по национальной безопасности Б. Скоукрофтом, и в этот момент в кабинет вошел Дж. Буш. После общих и обязательных приветствий я постарался в нескольких словах рассказать о целях своего пребывания в США, о том, что сегодня необходимы более решительные усилия президента и его администрации в поддержке перестройки в нашей стране, поскольку ее успех затрагивает интересы не только Советского Союза, но и Соединенных Штатов, всего мира. Дж. Буш, согласившись со мной, сказал, что эти вопросы находятся под его пристальным вниманием... В общем, эта встреча носила в большей степени внешний характер, но, конечно, была чрезвычайно важной для поддержки авторитета этой поездки. Продолжалась она, как сообщили американские журналисты, пятнадцать минут, я, естественно, время не замечал.

Более деловой была беседа с государственным секретарем США Дж. Бейкером. Она продолжалась около часа. И затем беседы с группами сенаторов, комитетами. Я перечислил госсекретарю 10 пунктов совместных программ, основанных на взаимовыгодных началах и работах на перестройку.

— Что в эти программы входит?

— Ну, это самые разнообразные и широкие мероприятия — от всем понятных и безусловных, но с которыми Соединенные Штаты до сих пор медлят — предоставление нашей стране режима наибольшего благоприятствования в торговле, и до проектов более специфических, например, идеи постройки американскими строительными фирмами одного миллиона квартир в СССР, передачи в аренду миллиона гектаров земли под возделывание сои, получение белка, что позволит сделать рывок в росте производства мяса и молока.

— Борис Николаевич, вы встречались со многими американскими бизнесменами. Что все-таки сдерживает их в отношениях с нами, ведь советский рынок чрезвычайно велик, о нем можно только мечтать и мечтать! А американцы почему-то медлят...

— Медлят по тем же причинам, о которых выше я уже говорил. Они боятся нашей нестабильности, боятся возврата к старым временам. Да и мы положа руку на сердце можем ли дать ту гарантию американским вкладам в развитие нашей экономики, которую дают сегодня даже страны «третьего мира»? Если у нас нет полной уверенности, что собственные кооперативы мы в скором времени не назовем уродливым буржуазным явлением, отходом от настоящего марксизма! Придет какой-нибудь генерал, всех сомневающихся и недовольных — лопатками по голове, все личное вновь сделает общественным, а Нину Андрееву поставит руководить идеологией... Я лично в это не сильно верю, но они боятся. И потому на сегодняшний день всего сорок шесть американских компаний приняли решение вкладывать средства в нашу экономику. И это при том, что тысячи и тысячи фирм мечтают об увеличении производства и рынках сбыта. Вот я и пытался убедить американских бизнесменов, что в сегодняшней ситуации ожидание — это не лучшая тактика. Надо предпринять решительные шаги уже сейчас, помочь нашей экономике сегодня, чтобы у американцев в ближайшее время появился сильный, здоровый, выгодный партнер.

— Был ли какой-то тяжелый или неприятный момент во время этой поездки?

— Нет. Самое тяжелое — это жесточайший график, который необходимо было выдерживать во время этого путешествия. Из-за уплотнения программы, я уже об этом говорил, время пребывания в каждом городе сократилось на день-два, но при этом почти все намеченные мероприятия, встречи, беседы организаторы поездки просили оставить, люди ждали, готовились, и мне действительно неудобно было подводить гостеприимных хозяев. И потому спать приходилось по два-три часа в сутки. В один момент я понял, что не выдерживаю. Мы приехали в Балтимор поздней ночью, пока познакомились с встречавшими нас американцами, поужинали (обедать почти не приходилось), побеседовали — уже утро — шесть утра, а в семь утра беседа с представителями делового мира, встреча обязательная, ее отменить никак нельзя. Час сна, и уже будят, а я чувствую, что не могу... Еще ведь разница в поясном времени колоссальная! Говорю, нет, извинитесь, скажите, что заболел, умер, что угодно, я не выдержу... Через пять минут опять стук в дверь. Говорят, Борис Николаевич, нельзя, надо идти, просим вас. Я собираю все свои силы, встаю, умываюсь, делаю вымученную улыбку и выхожу к гостям. Наверное, это самый кошмарный момент. Все-таки не только просидел я с ними, но еще и вслед за этим провел встречу в институте Хопкинса. Собрал всю волю в кулак, чтобы шутить, отвечать на вопросы, улыбаться... Как я это выдержал, мне не ясно до сих пор. Кстати, почему-то именно это выступление показало ЦТ... Впрочем, несложно догадаться, почему.

— Какие планы в этой поездке не удалось реализовать?

— Было мало времени, поэтому какие-то важные встречи, посещения происходили почти что на бегу. Не удалось как следует, глубоко, детально познакомиться со строительной индустрией США, как председателя строительного комитета Верховного Совета меня это очень интересовало. Здесь нам стольскому можно поучиться! Побольше мне хотелось бы пообщаться и, может быть, даже пожить в доме простых американцев. Спокойных, домашних встреч, где можно было бы поговорить о культуре, человеческих отношениях, о жизни вообще, их мне не хватило. Надеюсь, в следующий раз мой визит в США будет не таким напряженным.

— Вы сами говорили по-английски или у вас был переводчик?

— Нет, я когда-то учил немецкий, но, впрочем, все мы отлично знаем, что значит наше отечественное изучение иностранных языков. Немецкий мы вообще ненавидели, шла война, какой тут немецкий!.. Учительницу мы доводили до слез, мне до сих пор стыдно перед этим добрым, искренним человеком. Короче говоря, иностранных языков я не знаю, и это, конечно, моя беда. Сейчас, видимо, уже поздно начинать, но после этой поездки мне очень захотелось попробовать.

А в Америке вместе со мной все время был прекрасный американский переводчик, который работал в таком сумасшедшем по напряжению режиме, что даже я, привыкший еще со студенческих лет работать по двадцать часов в сутки, удивлялся его выдержке и работоспособности. Высококлассный переводчик. Но американцы всегда и ценят такую работу.

Кстати, вот еще один стойкий стереотип, который был быстро разрушен, будто американцы только и говорят что о деньгах, прибылях, соседской и своей зарплате, что их интересуют одни доллары и они страсть как любят похвастаться своим богатством. На самом деле в Америке нет бестактнее вопроса, чем какая у вас зарплата или каковы размеры вашего состояния.

Несмотря на все потепление, мы, оказывается, удивительно плохо друг друга знаем. Нужны постоянные обмены, на всех уровнях. Конгрессмены и депутаты, министры и бизнесмены, президенты и ученые, военные и профсоюзные деятели — это понятно. Но не менее важно общение школьников, студентов, домохозяек, рабочих, служащих, молодых менеджеров, всех людей. Это позволит навести такие крепкие мосты, которые не в состоянии будет поколебать ни один самый жестокий и холодный ветер.

И все-таки, как хорошо, что отношения между нашими странами стали другими. М. С. Горбачев и Р. Рейган сумели буквально за несколько лет разрушить недоверие, которое складывалось десятилетиями. Кстати, я посетил Рональда Рейгана в больнице, где он находился после перенесенной операции, и передал ему, что советские люди с большой симпатией относятся и к нему, и к его делам.

— Вам удалось просто побродить по улицам, посмотреть на витрины, на прохожих, стать, хотя бы на полчаса, растворившимся в толпе американцем, почувствовать дух американского города?

— Походить удалось, но раствориться, к сожалению, нет. На улицах ко мне подходили десятки американцев, показывали большой палец, в общем, обращались со мной как с близким знакомым и приговаривали при этом: «О-о, Елсин!» Действительно, хотелось спокойно пройтись, оглядеться, окунуться в атмосферу огромного мегацентра или маленького городка... Не судьба.

— За девять дней сложно было детально познакомиться с функционированием экономической, политической систем Соединенных Штатов. И все-таки, что, на ваш взгляд, особенно впечатляет, что полезно было бы перенять нам из американского опыта?

— Может быть, это слишком просто звучит, но главное, что не просто полезно, а необходимо перенять нам,— это здравый смысл. Вся жизнь в Америке построена на здравом смысле. Там не может быть начальником дурак, потому что это вредно для производства, там не будут платить одинаковую зарплату тому, кто работает хорошо и кто работает плохо, потому что это глупо. Там не может руководитель местного отделения, допустим, республиканской партии, давать местному фермеру, пусть тоже республиканцу, указания, когда ему сеять кукурузу, а когда пшеницу. Кстати, был на средней ферме — 6 тысяч свиней, 500 гектаров земли — 3 человека и 2 компьютера.

Глядя на их впечатляющие города, прекрасные, оборудованные школы и университеты, глядя на грандиозные небоскребы и замечательные, уютные двух-одноэтажные дома, пролетая над величественной статуей Свободы, разговаривая со многими американцами, я искренне радовался за них. Великий американский народ создал великую страну. И здесь нет какого-то самоунижения, черной зависти или ущербности. У меня лично увиденное вызвало, наоборот, оптимистичные чувства — значит, можно устроить жизнь людей так, чтобы они были свободны и могли реализовывать свои силы на благо общества и благо самих себя. Они умеют работать и умеют жить.

Пожалуй, только один раз увиденное вызвало чувство боли. Боли за нас, за нашу страну, за то, до чего все-таки мы довели богатейшую, талантливую, измученную вечными экспериментами державу. Это произошло, когда меня привели в продуктовый супермаркет. Мне не удалось побывать ни в одном магазине, хотя, конечно, хотелось своими глазами поглядеть, что это такое, современный американский универмаг, но времени не было ни секунды. А вот продуктовый супермаркет я специально посетил.

Для нас, привыкших к пустым полкам, консервам, к жутким, грязным, сморщенным овощам и таким же несимпатичным фруктам, это безумство красок, запахов, коробочек, пакетиков, колбас, сыров и т. д. и т. п.— всего 30 тысяч наименований продуктов — выдержать невозможно. Только в супермаркете со всей очевидностью стало понятно, почему сталинская система с такой тщательностью возводила железный занавес, и мы до сих пор с огромным трудом пытаемся пробить в нем бреши. Потому что это видеть нашему, даже закаленному человеку нельзя, противопоказано.

— Борис Николаевич, в США такие встречи оплачиваются. Ваши гонорары устанавливались предельно высокими, и вся полученная сумма, как вы говорили, будет переведена на борьбу со СПИДом в Советском Союзе. После вашей поездки наша печать сообщила самые противоречивые сведения на этот счет. Удалось ли вам реализовать этот проект?

— Когда несколько месяцев назад ко мне обратились с предложением прочитать в нескольких американских университетах платные лекции, я сказал, что согласен не лекции читать, а участвовать во встречах — так и было, но делать их платными не могу, и вообще я воспитан на том, что образование должно быть бесплатным. Мне сказали, что труд должен оплачиваться. В конце концов я предложил перевести эти деньги на борьбу со СПИДом в нашей стране. В последний день моего пребывания в США, это было воскресенье, я подписал документ, в котором говорилось, что вся сумма заработанных мною денег до доллара будет полностью направлена на приобретение одноразовых шприцев и другого необходимого оборудования в рамках акции «АнтиСПИД». Приобретение и доставку в Москву медицинского оборудования должны осуществить организаторы моей поездки по Америке. При подсчете это оказалось 1 миллион одноразовых шприцев с иглами. В ближайшие дни весь груз с одноразовыми шприцами и другим оборудованием прибудет в аэропорт Шереметьево-2, первые 100 тысяч уже прибыли и направлены в детские больницы Москвы. Как я уже говорил, произошло подписание документа в воскресенье, в Москве уже был понедельник, утро, и в киоски «Союзпечати» начала поступать «Правда» с перепечаткой статьи из итальянской газеты, в которой сообщалось, что почти все деньги я потратил на беспробудное пьянство и видеомагнитофоны.

— Борис Николаевич, эта история действительно волнует всех. К сожалению, в перепечатке «Правды» не сообщаются некоторые другие подробности вашего пребывания в Америке, например, хорошо ли к вам относились в американском вытрезвителе, сколько публичных домов вы посетили?.. А если серьезно, я надеюсь, вы не сильно расстроились, читая весь этот бред?

— Конечно, расстроился необычайно. Я уже говорил, поездка была крайне напряженной, она вымотала меня основательно, и вот, когда я только вступил на родную землю — и с чувством облегчения, и с чувством большого выполненного дела,— и тут такой страшный, несправедливый, подлый удар! Да нет, какой там смех! И хоть бы что-то в этой статье было правдой. Уж если очень хотелось мою поездку в Америку принизить в глазах советских людей, можно ведь было все сделать как-то тоньше, хитрее, перемешать правду с ложью, вырвать цитаты, надергать какие-то слова... А тут — все ложь. Начиная с видеокассет «Рэмбо», десятков белых рубашек и черных ботинок, скупленных якобы мною в американских универмагах, граненых стаканов из-под зубочисток, из которых я пью виски, и заканчивая суперавтомобилями, которые я требовал для своих перемещений по Америке. Только одна правда в статье есть, я действительно побывал в Соединенных Штатах, а все остальное — грязный и недостойный вымысел.

— Вы действительно решили подать на итальянскую газету «Репубблика» и нашу «Правду» в суд? Сейчас идут такие слухи.

— Нет. Если бы люди вдруг поверили этой грязи, хотя я даже чисто теоретически не могу такого представить, тогда, конечно же, пришлось бы защищать через суд свою честь и достоинство, призывать в свидетели таможенников, подтверждающих отсутствие видеомагнитофонов и рубашек и чего там еще, дали бы показания американцы, которые были свидетелями всего моего пребывания в США... Но, к счастью, мне не надо ничего доказывать. Люди поверили мне и не поверили ни единой строчке, опубликованной «Правдой». Это с каким же пренебрежением надо относиться к своим читателям, какими же, ну, я не знаю, идиотами их считать, если надеяться, что в такой бред, такую грязь они могут поверить?! Я еще летел в самолете, а телефон в моем кабинете раскалился докрасна. Уже в понедельник вечером пришли первые телеграммы с поддержкой в мой адрес, а сейчас их буквально тысячи и тысячи. К тому же принес извинения главный редактор газеты «Репубблика» за напечатанную фальшивку.

— В «Огонек», кстати, тоже приходит сейчас масса телеграмм, и я приведу только одну из них: «Возмущен клеветой, опубликованной в «Правде». Народные депутаты обязаны провести расследование обстоятельств появления публикации, порочащей достоинство своего коллеги, депутата Ельцина. От подписки на «Правду» отказываюсь. А. Кантемиров, член КПСС, Москва».

— Мой внук учится во втором классе. Хоть они и малыши, но нынче все приобщены к политике, ну и, естественно, в школе дети между собой активно обсуждали статью в «Правде». Он возвратился из школы грустным и вечером серьезно спросил мою дочь: «Мама, а почему «Правда» печатает неправду? Разве так бывает?» Ну, что ответишь на этот вопрос? Я тоже вынужден отказаться от подписки на «Правду». Как можно доверять газете в других публикациях, если она может позволить себе напечатать такую фальшивку, скатиться до уровня «желтой прессы».

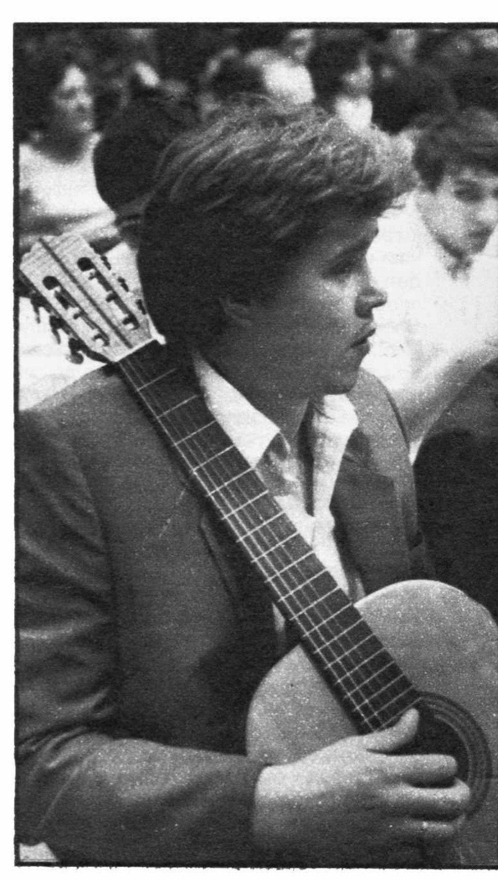
Ну, в общем, все это тяжелые переживания, и, если бы не поддержка людей, вряд ли я бы смог выдержать еще и это испытание.

— Борис Николаевич, от имени читателей «Огонька» я благодарю вас за эту беседу, за вашу бескорыстную помощь в деле борьбы со СПИДом, страшной бедой всего человечества. Время в конце концов все расставит по своим местам, и добрые дела останутся в памяти людей. Всего вам самого лучшего!

Беседу вел
Валентин ЮМАШЕВ.

ПРОЗР

Фото
Александра НАГРАЛЬЯНА

В Кисловодске находится единственное в стране медучилище, где обучают слепых массажу. Среди студентов — 14 воинов-«афганцев». Вообще-то в начале года их было восемнадцать, но некоторым учеба оказалась не по силам. Диагноз их болезни обычно написан на лице — в виде борозды от осколка или пороховых крапин. А у кого-то вообще целый «букет»: ампутация, контузия, да тут еще слепота...

— Учиться трудно, особенно тем, кто совсем не видит,— говорит Леша Рогачев, «афганец» из-под Брянска.— Наше училище — одно из сильнейших подобного профиля.

Рогачев не видит совсем. Хотя кажется, что видит, только другим зрением. Глаза не потеряли подвижность и лишь когда он скупо рассказывал о последней операции, о друзьях, которых уже нет,— они смотрели в одну точку.

— Но расслабляться тоже нельзя. Руки опустишь — конец. Один у нас даже в секцию бега ходит — видит чуток,— его глаза вновь буравят точку.— Кто захочет, тот сможет...

...Володя Теплых до армии собирался поступать в инфизкульт. Бегал, потом тренировал в спортшколе. Сейчас его больше интересуют проблемы протезирования: нога отнята до бедра, один глаз стеклянный. За год три протеза сменил: натирают так, что не может до аудитории дойти. Обращался и в ЦК комсомола, и в военкомат, и в краевое общество слепых. Обещают помочь, но... желающих несть числа: в последнее время резко вырос спрос на протезы и подобную продукцию.

— Поймите, это ж вам не игрушки,— горячится Теплых.— Тут кругом незрячие, надо маневрировать. Но ведь чертов протез — он куда хочет, туда идет... И потом: надо мне, к примеру, с девушкой пройтись — приятно мне ковылять на такой деревяшке?

Урок физкультуры. С виду то же самое, что и у зрячих. Но смысл совсем другой — социальная реабилитация. Специальные упражнения: ходьба — на время, на расстояние, по близлежащим улицам, через транспортные линии. Вообще-то этому учат в интернатах, в реабилитационных центрах. Но, как правило, учат плохо. Специальные игры: роллинг-болл — мяч-погремушка...

Сегодня — толкание набивного мяча. Рискованное занятие: мячи со свистом врезаются в гущу то одной, то другой команды — ловить тут не умеют...

На одном из стендов в училище можно найти такие данные: около 56 тысяч слепых работают на более чем двухстах учебно-производственных предприятиях страны, выпуская продукции на 540 миллионов рублей в год. Нарисована и продукция: крышки для банок, прищепки, щетки, ершики, пуговицы, картонажные изделия... Таковы «творческие перспективы» незрячих людей.

Поэтому профессия массажиста считается среди слепых престижной. Здесь полнее всего проявляются их повышенная тактильная чувствительность. Недаром в училище на массаж отводится 800 часов. Но что значит одно училище на всю страну (есть, правда, еще музучилище в Курске)? Ведь ежегодно тысячи раненых, инвалидов от рождения пополняют Всероссийское общество слепых!

Беда в том, что государству невыгодно обучение незрячих. Экономическая отдача от них невелика. По закону они имеют право, получив профессию, вообще не работать. Так что пусть штампуют крышки и клеят коробки.

Но уместен ли тут только экономический подход? Обязательны ли, скажем, во втором Кисловодском медучилище обычные правила учебных заведений — например, планы приема-выпуска учащихся? Ведь главное здесь не подготовка специалистов, а социальная реабилитация.

В обществе все взаимосвязано. Не случайно, что плохо учат в интернатах и реабилитационных центрах, воспитанники которых зачастую не могут читать по Брайлю, слабо ориентируются. Не случайно, что в материально-техническом обеспече-

нии господствует остаточный принцип: в том же медучилище общежитие было построено с массой недоделок, сейчас нуждается в ремонте.

Однажды прослышали об инвалидах-«афганцах» ребятишки из Козьминской средней школы Кочубеевского района. Началось все с детских подарков. Но вскоре помощь щедрым потоком пошла и от колхоза, и от райкома комсомола. Пригласили студентов на лето в гости — работать и отдыхать... Заметьте: не Минздрав СССР, не ВОС, даже не городские власти, а простые сельчане, женщины и дети поступили, как подсказало сердце,— помогли, чем смогли...

...Напоследок еще один поучительный предмет — философия. Преподаватель Павел Васильевич Казанов к каждому уроку готовится, как к боевой операции, особенно в тех группах, где много «афганцев». Одна нервотрепка с ними.

— Критиковать любят. И перебьют, и вопросами забросают, и уже разговор не в ту степь... Проходили тему о государстве — что тут началось! Да что это за государство, да кто нас туда послал, откуда мы такими вернулись, и кто за это ответит?.. Да что ж я, господь бог, все объяснить? А не объяснишь — еще хуже...

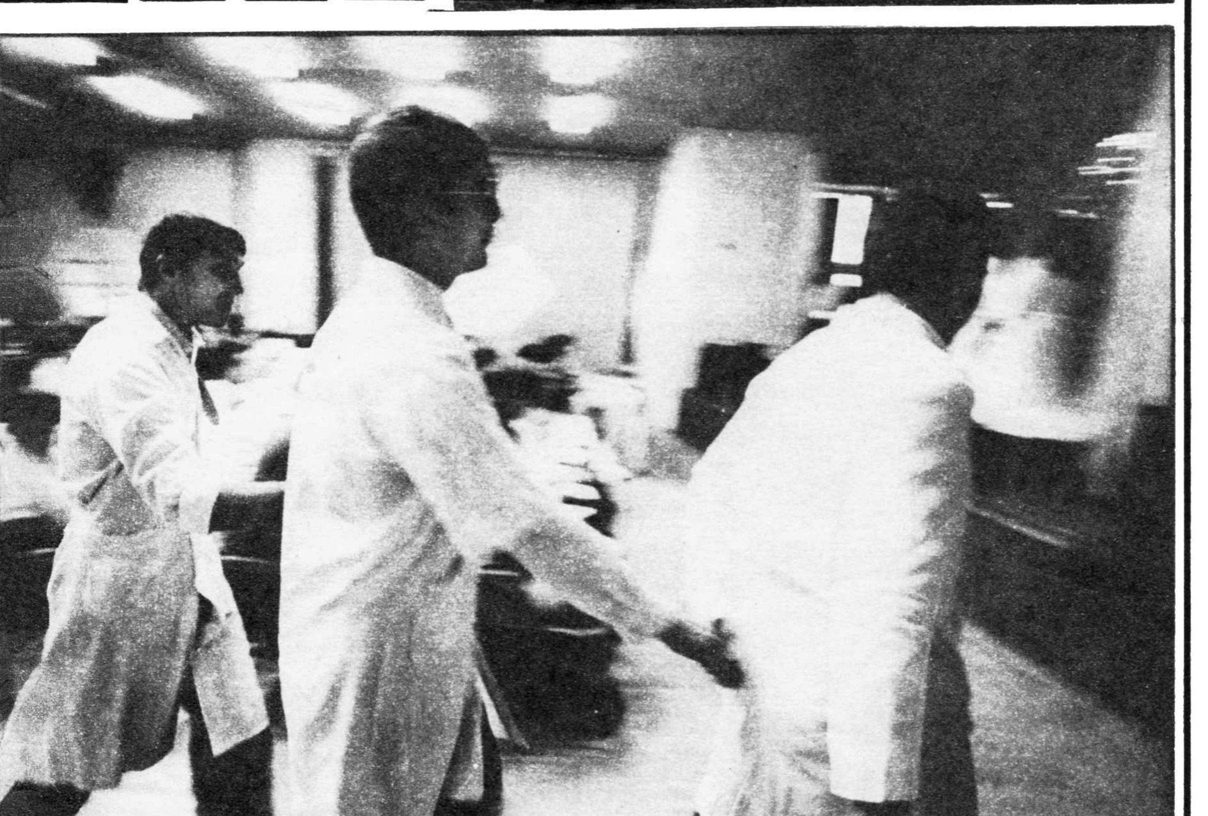
— А сами-то вы как думаете?

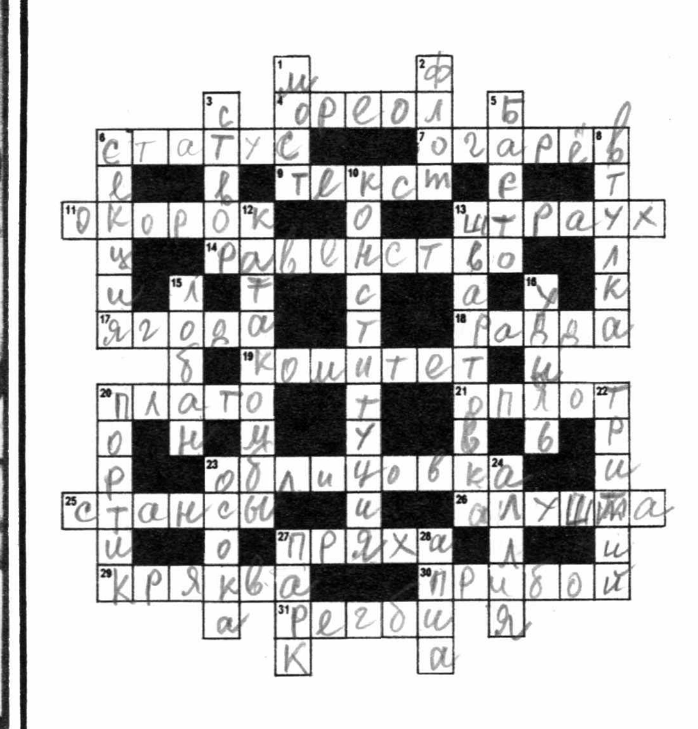
— Я-то? Я, между прочим, тоже в свое время помотался по госпиталям. ...Во Вьетнаме довелось побывать. Политработник я, тридцать лет армии отдал. Так вот, у меня ни в военном билете, ни в личном деле не засвечено, что я «там» был. У них есть, а у меня нет. И не то что жаловаться — заикнуться не смел. Не было меня «там» — и все. Так что выполнил свой долг перед Родиной, не рассуждая. Приказ есть приказ. Осознанная необходимость...

Любая беда — на совести общества, ее допустившего, будь то рождение уродов, или несчастный случай на производстве, или трагедия на войне. Мы у этих людей в долгу. Возвращая им долг, мы излечиваем себя от слепоты духовной...

В. ГЕНДЛИН

ЕНИЕ

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Советский искусственный спутник Земли для изучения космоса по программе сотрудничества с Францией. 6. Правовое положение гражданина или юридического лица. 7. Русский революционер, поэт, публицист, соратник А. И. Герцена. 9. Записанная речь, литературное произведение, документ. 11. Партизан в пьесе В. В. Иванова «Бронепоезд 14-69». 13. Народный артист СССР, создавший в фильмах образ В. И. Ленина. 14. Одинаковые права людей. 17. Сочный плод кустарников, трав. 18. Героиня рассказа М. Горького «Макар Чудра». 19. Государственный орган для проведения специальных мероприятий. 20. Возвышенная равнина. 21. Роман Т. Драйзера. 23. Покрытие конструкций зданий, сооружений декоративным материалом. 25. Стихотворение А. С. Пушкина. 26. Курорт на Южном берегу Крыма. 27. Русская народная песня. 29. Дикая утка. 30. Большевистская газета, издававшаяся в Гельсингфорсе в 1917—1918 годах. 31. Спортивная командная игра с мячом.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сооружение для перехода, переезда через реку, овраг. 2. Крупное соединение военно-морских судов. 3. Участок реки, на котором располагаются сооружения гидроузла. 5. Поэтесса, детская писательница, лауреат Ленинской премии. 6. Подразделение учреждения, организации. 8. Деталь колеса. 10. Основной закон государства. 12. Система подземных галерей. 13. Закрепление судна с помощью троса к причальным сооружениям. 15. Промысловая рыба семейства кефалей. 16. Озеро в Хабаровском крае. 20. Галерея на колоннах перед входом в здание. 22. Радиоактивный изотоп водорода. 23. Многолетняя болотная трава с длинными узкими листьями. 24. Приток реки Тибр в Италии. 27. Большой сад, роща с аллеями, цветниками. 28. Столица государства Западное Самоа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Воспитатель. 9. Конотоп. 11. Дневник. 12. Геометрия. 13. Кубок. 15. Вольт. 16. Романс. 18. Кеплер. 20. Вайгач. 21. Прилив. 24. Орлик. 26. Керчь. 27. Склонение. 29. Лисичка. 30. Врубель. 31. Учительская.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Геолог. 2. Яблоня. 3. Стайер. 5. Фокус. 6. Ротор. 7. Автор. 8. Фильм. 10. Педагогика. 11. Диапозитив. 14. Корчак. 15. Венчик. 17. Спич. 18. «Клоп». 19. Круиз. 20. Вилия. 22. Верба. 23. Пчела. 25. Янгель. 27. Скачки. 28. Ергаки.

МЕЧТА АКИМБЕКА

Азат Акимбек по национальности уйгур, по профессии художник, а по призванию коллекционер. Исторически так сложилось, что часть уйгурского народа много десятилетий тому назад обрела родину в Казахстане, по разным причинам покинув Китай, но сохранив свои обычаи, культуру, язык. В Алма-Ате есть уйгурский театр, издается на родном языке газета, ведутся радио- и телепередачи, в пределах области существует Уйгурский район. Художник Азат Акимбек мечтает открыть музей уйгурского быта и культуры. Собственно, он уже существует... в его квартире. Почти двадцать лет дни отпусков и командировок он проводит в глубинных селах, отыскивая старинные предметы быта, талантливых мастеров-умельцев. Каждая поездка пополняет коллекцию новыми экспонатами — керамикой или вышивкой, хотанским ковром прошлого века или традиционной посудой из тыквы-горлянки, ювелирными украшениями или деревянной хлебницей тончайшей резьбы, медным кувшином из Кашгара или старинным компасом... Сейчас в его коллекции сотни предметов, многие из которых экспонировались на выставках в Алма-Ате, Москве, Панфилове, Фрунзе.

Юрий ЛУШИН.
Фото автора

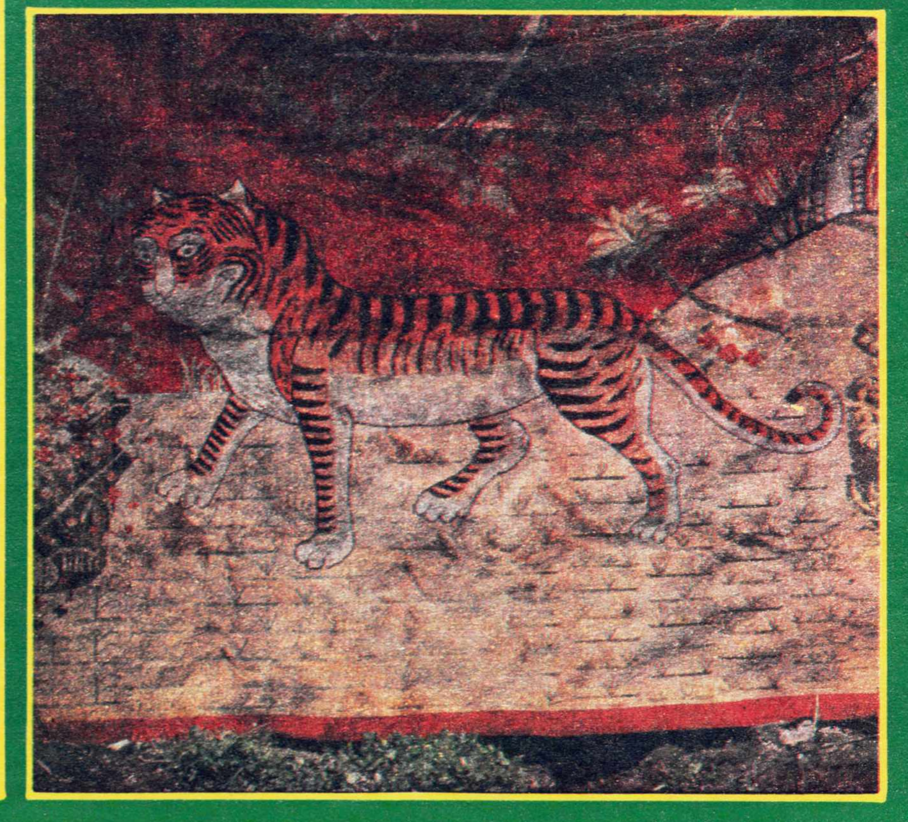

Хлебница. Резьба по дереву. XIX век.

Ковер ручной работы из Хотана. XIX век.

Коллекционер Азат Акимбек.

Традиционная медная посуда. Кашгар. XVIII век.

Декоративное полотенце. Начало XX века, вышивка.

40 коп.
Индекс 70663